МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю.С.Поваров

ПРЕДПРИЯТИЕ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Издательство «Самарский университет»
2002

УДК 347.1
ББК 67.99(2)3
П 42

Поваров Ю.С. Предприятие как объект гражданских прав. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. – 176 с.

ISBN 5-86465-212-1

Научная монография посвящена исследованию предприятия как специфического объекта гражданских прав. В работе раскрывается сложность и многоплановость предприятия как экономического и правового явления; обосновывается допустимость и целесообразность рассмотрения предприятия в качестве объекта прав; систематизируются основные подходы к пониманию предприятия; определяются основные особенности сделок с предприятиями как имущественными комплексами; выявляется эффективность действующего законодательства по проблематике темы.

Работа предназначена для практикующих юристов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических факультетов, всех интересующихся проблемами цивилистики.

Рецензент: канд. юрид. наук, доц. В.Д.Рузанова

УДК 347.1
ББК 67.99(2)3

ISBN 5-86465-212-1

© Поваров Ю.С., 2002
© Изд-во «Самарский университет», 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена исследованию предприятия как специфического объекта гражданских прав.

В условиях господства командно-административной системы предприятия как имущественные комплексы, основная масса которых являлась государственными, не были включены в гражданский оборот. Переориентация отечественной экономики в сторону рынка, вызванная этим приватизация государственных и муниципальных предприятий создали социально-экономические условия для оборота предприятий и настойчиво потребовали его адекватного правового регулирования. Последнее же немыслимо без научной разработки теоретических проблем предприятия как объекта гражданских прав, тем более что на протяжении многих десятилетий предприятие исследовалось, главным образом, с точки зрения его правосубъектности.

В практическом аспекте необходимость обращения к проблематике, затронутой в настоящей работе, предопределяется и тем, что предприятия – крупные имущественные комплексы составляют материальную основу экономической системы всякого общества. Поэтому установление оптимального правового режима предприятий, который соответствовал бы как частным, так и общественным интересам, является важным фактором стабильного и эффективного функционирования экономики. Однако несмотря на то, что действующее гражданское законодательство, в отличие от прежнего, достаточно подробно регламентирует вопросы, касающиеся предприятия как объекта гражданских прав, оно не в полной мере отвечает потребностям современной деловой жизни. Указанное обстоятельство, в первую очередь, проявляется в том, что хотя законодателем и предоставлена возможность совершения сделок с предприятиями, последние в гражданском обороте практически не участвуют. К числу же первостепенных причин такой ситуации относятся не только большая привлекательность для коммерсантов (в основном, с позиции налогообложения и величины издержек) схем реорганизации или смены учредителей (участников) юридического лица по сравнению, например, с договором продажи предприятия, но и отсутствие четкого концептуального понимания предприятия как объекта гражданских прав, вызванное, в том числе, противоречивостью подхода законодателя к трактовке предприятия как объекта. В связи с этим немалое количество норм требует уточнений, а нередко – кардинальных изменений.

С учетом данных обстоятельств совершенствование действующего законодательства может стать залогом успешного распространения сделок с предприятиями в современном деловом обороте России.

Феномен предприятия являлся предметом исследований как в до-, так и послереволюционной юридической литературе. В частности, он рассматривался в работах таких дореволюционных авторов, как А.Вормс, А.Х.Гольмстен, И.Дуссан, А.И.Каминка, В.Розенберг, В.Удинцев, Г.Ф.Шершеневич. Значительный вклад в развитие представлений о предприятии как объекте внесли А.В.Венедиктов, Д.М.Генкин, А.В.Карасс, С.М.Корнеев, М.И.Кулагин, С.Н.Ландкоф, Е.А.Мельников, Е.А.Флейшиц.

В последнее время наблюдается значительный интерес в научном мире к проблематике предприятия как объекта прав: в том или ином ракурсе она поднималась, в частности, в работах Г.Е.Авилова, В.В.Витрянского, И.В.Елисеева, В.С.Ема, Ю.Г.Жарикова, Н.И.Клейн, О.М.Козырь, М.Г.Масевич, В.Н.Табашникова, М.В.Телюкиной, С.М.Чеучевой, В.В.Чубарова, Л.В.Щенниковой, А.М.Эрделевского. Вместе с тем, следует констатировать, что до настоящего времени не выработана концепция предприятия – объекта, которая охватывала бы все стороны исследуемого явления и основывалась не только на нормах, непосредственно касающихся предприятия как имущественного комплекса (во многом несовершенных), но и положениях теории объекта правового отношения. Нет единства мнений среди ученых и в рассмотрении отдельных аспектов темы: в частности, спорными являются вопросы об отнесении предприятия к сложным вещам; о соотношении понятий «предприятие» и «унитарное предприятие»; о включении в состав предприятия трудовых прав и обязанностей, права на фирменное наименование и так называемых «шансов»; о государственной регистрации прав на предприятие и сделок с ним; о защите прав кредиторов при продаже и аренде предприятия. Более того, высказано мнение в пользу признания предприятия не объектом, а только субъектом гражданских правоотношений.

В настоящей работе предпринята попытка комплексного исследования предприятия – особого имущественного комплекса, в связи с чем исследуются экономико-правовые предпосылки признания предприятия объектом гражданских прав, а также основные подходы к определению предприятия как объекта, рассматриваются понятие и признаки предприятия как специфического объекта гражданских прав, анализируются особенности сделок с предприятиями.

Автор выражает признательность своему учителю – кандидату юридических наук, доценту, зав. кафедрой гражданского и предпринимательского права Самарского государственного университета Рузановой Валентине Дмитриевне за помощь и поддержку, оказанные при написании настоящей работы.

ГЛАВА 1. ПРЕДПРИЯТИЕ КАК ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

1.1. МНОГОЗНАЧНОСТЬ ТЕРМИНА «ПРЕДПРИЯТИЕ»: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Слово «предприятие» широко употребляется в научной и популярной литературе, нормативных актах, правоприменительной практике, а также в повседневной обыденной речи. Оно возникло в результате объединения двух церковнославянизмов: *пред-* и *приять* (что означает «относиться благожелательно, удаваться, благоприятствовать, преуспевать»)[1].

Анализируя данное слово, мы сталкиваемся со свойственным русскому языку лексическим явлением так называемой полисемии (многозначности) в форме метонимии – «...переноса значения слова с одного предмета на другой на основе их связи, ... схожести»[2]. Под предприятием может пониматься задуманное (предпринятое) кем-либо дело (начинание), хозяйственная или торговая единица (организация)[3], трудовой коллектив, производственный имущественный комплекс – и это далеко не полный перечень возможных смысловых значений. В самом общем виде предприятие рассматривается в качестве социальной комплексной системы, универсального социально-имущественного комплекса, представляющего собой единство работников, имущества и правового статута[4].

---

[1] См.: Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т.III. С.357.

[2] Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997. С.49.

[3] Данные значения слова (предприятие как дело и как организация) являются наиболее характерными для русского языка (см., например: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т.III. С.388; Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. С.579).

[4] См.: Бухаловский О.Н. Правовое положение предприятия по трудовому законодательству. Воронеж, 1974. С.6; Козлов Ю.М. Как управляется социалистиче-

Поэтому, употребляя термин «предприятие», каждый раз необходимо четко устанавливать его значение в соответствующем контексте. Это тем более актуально, когда речь идет об использовании термина законодателем (а понятие «предприятие» занимает важное место в терминологии гражданского права). Законодатель безусловно обязан соблюдать важнейшее требование нормотворчества об однозначности и непротиворечивости используемой терминологии (отсутствии двойного или даже тройного смысла терминов), ведь от точности и строгости легальных понятий в значительной мере зависит и разработка теоретических проблем права, и – самое главное – применение закона.

Многозначность рассматриваемого слова не случайна: в категории «предприятие» находит свое концентрированное выражение сложное (многоплановое) экономическое явление, связанное с осуществлением самостоятельной производственно-хозяйственной деятельности. В юридической литературе неоднократно подчеркивалось, что предприятие является, прежде всего, экономической категорией, имеющей экономический смысл и происхождение[5]. Среди цивилистов в связи с этим даже появилась (но не нашла серьезной поддержки) крайняя точка зрения, согласно которой предприятия как юридического явления вообще не существует (А.Х.Гольмстен, В.Удинцев)[6].

Вообще, экономические явления и процессы, как правило, находят свое опосредованное отражение в правовых конструкциях и дефинициях; при этом задача юриспруденции – отыскать наиболее адекватные задачам экономического развития правовые формы, ведь «...не жизнь существует для права, а право для жизни»[7]. Поэтому представляется

ское предприятие: Учебное пособие. М., 1968. С.6-8; Управление государственной собственностью: Учебник / Под ред. В.И.Кошкина, В.М.Шупыро. М., 1997. С.142.

[5] См., например: Каминка А.И. Очерки торгового права. Вып. I-й. Изд. 2. Спб., 1912. С.113; Кашанина Т.В. Хозяйственные товарищества и общества: Правовое регулирование внутрифирменной деятельности. М., 1995. С.36; Куник Я.А. Кредитные и расчетные отношения в торговле. М., 1976. С.32; Ландкоф С.Н., Андрианов Н.И., Голеня Е.Ф., Лещенко П.Н., Файнштейн А.А. [Рецензия] // Сов. государство и право. 1961. №12. С.132. – Рец. на кн.: Правовые вопросы управления промышленностью и строительством в СССР. М., 1960; Яковлева В.Ф. Гражданско-правовые вопросы специализации промышленности в СССР. Л., 1968. С.11-12; Ее же. Специализация и кооперирование промышленности. Правовые вопросы. М., 1974. С.18; Якушев В.С. Юридическая личность государственного производственного предприятия. Свердловск, 1973. С.5.

[6] См.: Гольмстен А.Х. Очерки по русскому торговому праву. Вып. 1. Спб., 1895. С.38-42; Удинцев В. Русское торгово-промышленное право. Киев, 1907. С.221.

[7] Розенберг В. Торговое имя, фирма и торгово-промышленное предприятие // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1913. № 19. С.280.

необходимым рассмотреть основные подходы к определению предприятия с экономической точки зрения, получившие широкое освещение на страницах отечественной и зарубежной экономической литературы.

1.1.1. Предприятие как экономическая категория

Предприятие как экономический феномен – явление историческое, представляющее собой форму (способ) функционирования производительных сил на определенном этапе развития общества. Главными причинами возникновения и широкого распространения предприятий явились объективно существующее общественное разделение труда, а также настоятельная потребность в кооперации труда. Поэтому появление предприятий знаменовало собой переход от натурального хозяйства к хозяйству, основанному на разделении, специализации и кооперации труда. Возникновение предприятий стало возможным уже в условиях рабовладельческого и феодального обществ[8]. Однако их повсеместное распространение началось при капитализме в связи с развитием машинного производства. По словам А.И. Сибирева, «здесь они являются уже основным первичным звеном общественного производства»[9].

В экономической литературе нет единства мнений относительно определения предприятия и выделения его существенных признаков. Это объясняется тем, что, во-первых, предприятие как функционирующий сложный экономический организм многогранно и имеет, наряду с экономическим, социальный, политический и юридический аспекты, и во-вторых, объективно существует значительная дифференциация предприятий по количественным и качественным признакам – «под единое понятие ...подпадают ...гиганты промышленности, ...базы, мастерские и другие мелкие производственные предприятия»[10] с разнообразным профилем деятельности. Отсюда – наличие большого количества дефиниций, многие из которых, с нашей точки зрения, не отрицают, а до-

[8] В связи с этим, например, Х.Оппикофер доказывает фактическое существование в древние времена и в средние века правового института предприятия, казавшегося юристам середины XX века новой правовой конструкцией (об этом см.: Кикоть В.А. Современные тенденции и противоречия учения о праве собственности в развитых капиталистических странах. (Научно-аналитический обзор) // Актуальные проблемы современного буржуазного гражданского права. М., 1983. С.23).

[9] Сибирев А. О сущности предприятия как экономической категории // Экономические науки. 1972. № 8. С.44.

[10] Тригер А.А. Правовое положение строительного предприятия // Сов. государство и право. 1968. № 5. С.90.

полняют друг друга, отражая различные грани экономического феномена предприятия. Можно выделить следующие ***основные*** (наиболее распространенные) ***подходы к определению предприятия с экономической точки зрения.***

1) *Предприятие есть общественное отношение производства* материальных и нематериальных благ. Данный подход характерен для отечественной экономической школы. В его основе лежит известное положение работы К.Маркса «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона», сохраняющее свою ценность и в настоящее время: «Машина столь же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Машина – это только производительная сила. Современная же фабрика, основанная на употреблении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория»[11]. Понимание предприятия как производственного отношения фундируется на том, что являющиеся материальной основой предприятия вещественные факторы производства («тело» предприятия) рассматриваются в различных общественных связях и проявлениях: по их поводу возникают отношения собственности, управления и обмена производственной деятельностью. Таким образом, определение предприятия как общественного отношения производства отражает общеметодологический подход к социально-экономическому анализу предприятия.

2) *Предприятие есть производительная сила.* В этом смысле под ним имеется в виду определенным образом организованный комплекс орудий и средств производства и людей (персонала и аппарата управления); технологическое единство материально-вещественных и людских элементов – факторов производства (И.В.Можайскова)[12]; соединение «комбинированного совокупного рабочего, или общественного рабочего организма» с «механическим автоматом» (К.Маркс)[13]; «экономическое единство, в котором объединяются и координируются человеческие и материальные факторы хозяйственной деятельности» (H.Truchy)[14].

Существует и более узкое понимание предприятия как производительной силы: оно рассматривается лишь как организованный комплекс орудий и средств производства, инвентаря и других материальных средств, выполняющий определенную хозяйственную деятельность[15].

---

[11] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т.4. С.152.

[12] См.: Можайскова И.В. Социалистическое предприятие в структуре общественного производства. М., 1969. С.138.

[13] Маркс К. Капитал. Книга первая «Процесс производства капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т.23. С.430.

[14] Цит. по: Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. М., 1987. С.20.

[15] См.: Ландкоф С.Н. и др. Указ. соч. С.132.

Данная точка зрения, фактически отождествляющая предприятие с производственно-техническим комплексом (единицей), подверглась критике как не выявляющая экономическое содержание экономической категории[16]. Вместе с тем, такое понимание предприятия является наиболее близким к гражданско-правовой трактовке предприятия как объекта гражданских прав (п.1 ст.132 Гражданского кодекса РФ[17]).

Теоретическая конструкция «предприятие – совокупность факторов производства» получила достаточно широкое распространение в экономической литературе. Однако, по мнению многих авторов[18], такой подход нельзя абсолютизировать; более того, с их позиции он не раскрывает экономическую сущность предприятия. Так, И.Шифрин считает, что «...предприятие представляет собой комплекс производительных сил, но отражение только этой стороны не обеспечивает необходимой определенности и не позволяет отграничить предприятия от других подразделений производительных сил, которые предприятиями не являются»[19]; поэтому автор выдвигает в качестве главного критерия предприятия экономическое обособление, который рассматривается нами далее.

3) *Предприятие есть самостоятельная хозяйственная производственно-техническая единица*, являющаяся первичным и основным звеном (ячейкой, клеточкой) народного хозяйства, где происходит непосредственное соединение рабочей силы со средствами производства; такая единица выступает в качестве производителя товаров, работ и услуг[20]. Следовательно, речь в данном случае идет об определенной организации, субъекте отношений (в том числе правовых).

Предприятие как хозяйственная единица характеризуется относительной обособленностью. В качестве сравнительно бесспорных признаков предприятия в рассматриваемом смысле признаются территориальное, производственно-техническое (технологическое) и организационное обособление. Полемичным в советской экономической литературе был вопрос о том, является ли экономическое обособление безусловно необходимым свойством предприятия. Под таким обособлением

---

[16] См.: Яковлева В.Ф. Специализация и кооперирование промышленности. С.18.
[17] Далее – ГК.
[18] См., например: Сибирев А.И. Предприятия, их место и роль в экономике развитого социализма. Л., 1974. С.4-6; Шифрин И. О предприятии как экономической категории // Экономические науки. 1974. №2. С.52-54.
[19] Шифрин И. Указ. соч. С.52.
[20] См., например: Бляхман Л.С., Маркин А.А. Организация управления социалистическим предприятием. М., 1983. С.4; Покровский Б.В., Сулейменов М.К., Наменгенов К.Н. Правоотношения производственных объединений и предприятий в сфере хозяйственного оборота. Алма-Ата, 1985. С.18.

обычно понималось наличие у предприятия средств производства и прав владения, пользования и распоряжения ими[21]. И поскольку «экономическое обособление ...закрепляется и гарантируется с помощью норм права»[22], авторы – сторонники теории экономического обособления – неизбежно приходили к выводу о том, что предприятие должно обладать правами юридического лица[23].

Естественно, данная дискуссия нашла свое отражение и в юридической литературе (вышедшей до принятия Закона РСФСР от 25 декабря 1990 г. «О предприятиях и предпринимательской деятельности»[24]): одни авторы придерживались взгляда на предприятие как юридическое лицо[25], другие заняли противоположную позицию, считая, что предприятие – это экономическое явление, существующее объективно, независимо от наделения его законодателем гражданской правосубъектностью[26]. Таким образом, *рассмотрение предприятия в качестве определенной организации (социального института) влечет за собой проблему признания или непризнания такой организации юридическим лицом.*

Взгляды ученых-экономистов не ограничиваются приведенными выше подходами. В частности, Ю.М.Осипов рассматривает предприятие как органическое сопряжение объективного и субъективного – феномен, раскрывающийся в нескольких ипостасях: предприятие как хозяйственное дело, как механизм, как реальный процесс, а также как хозяйствующий и производящий субъект[27]; американские экономисты

---

[21] Существовали и иные точки зрения на понятие экономического обособления. Так, по мнению А.М.Тавасиева, главный признак предприятия – экономическое обособление – есть «способность выступать единым товаропроизводителем»; наличие же компетенции (прав и обязанностей) характеризует организационно-правовую обособленность (см.: Тавасиев А.М. Социалистическое предприятие как экономическое явление // Изв. АН СССР. Серия экономическая. 1980. №1. С.33-34).

[22] Корнеев С.М. Имущественная самостоятельность предприятий в условиях экономической реформы. М., 1969. С.3.

[23] См., например: Сибирев А.И. О сущности предприятия как экономической категории. С.44.

[24] Ведомости... РСФСР, 1990, № 30, ст.418; 1992, № 34, ст.1966; 1993, №32, ст.1231 и 1256.

[25] См., например: Абова Т.Е. Охрана хозяйственных прав предприятий. М., 1975. С.39; Виткявичус П.П. Право государственной собственности и право оперативного управления // Правоведение. 1976. № 3. С.36-38; Коняев Н.И. Субъекты хозяйственного права: Учебное пособие. Куйбышев, 1972. С.34-38; Собчак А.А. Правовые проблемы хозрасчета. Л., 1980. С.79.

[26] См., например: Джомарджидзе Л.С. О правовом положении строительных предприятий // Сов. государство и право. 1968. № 1. С.107-108.

[27] См.: Осипов Ю.М. Теория хозяйства: Учебник. В 3-х т. М., 1997. Т.II. С.9-25.

К.Р.Макконнелл и С.А.Брю видят в предприятии «...учреждение в форме фабрики, фермы, ...магазина, которое выполняет одну или несколько специфических функций по производству и распределению товаров и услуг»[28] и находится во владении фирмы (т.е. фирма рассматривается как субъект, предприятие – как объект). Подобное многообразие точек зрения еще раз свидетельствует о сложности и многоаспектности предприятия как категории и явления. Общим же моментом, объединяющим практически все экономические воззрения на предприятие, является понимание предприятия как *организованного единства*.

Прежде чем приступить к исследованию легальных определений предприятия, представляется необходимым сделать следующее замечание. Безусловно, юридические категории должны отражать экономические явления на языке права (право вторично, экономика первична). Однако следует учитывать, что правовая и экономическая наука имеют разные цели, вследствие чего «...смысл слов, которыми пользуются в технике каждой из этих наук, различен»[29]. Поэтому считаем обоснованной позицию А.В.Карасса, утверждавшего, что «неизбежно известное отклонение правовых институтов от соответствующих экономических категорий»[30].

1.1.2. Использование термина «предприятие» в отечественном и зарубежном законодательстве

Для юридической науки (и в первую очередь – для цивилистики) проблема предприятия, главным образом, заключается в вопросе наделения (или ненаделения) предприятия правосубъектностью, а следовательно, сводится к дилемме – признавать ли предприятие субъектом или объектом права. Анализ отечественного и зарубежного нормативного материала разных периодов позволяет сделать следующие выводы:

1) в законодательстве термин «предприятие» использовался и используется в разных значениях. Как правило, под предприятием понимается организация – субъект отношений или объект прав. Наряду с этим рассматриваемый термин иногда употребляется для характеристики других явлений;

2) в законодательстве нередко происходит смешение смысловых значений термина «предприятие», что является недопустимым.

---

[28] Макконнелл К.Р., Брю С.А. Экономика: Принципы, проблемы и политика: В 2-х т. Баку, 1992. Т.I. С.108.

[29] См.: Саватье Р. Теория обязательств. М., 1972. С.27.

[30] Карасс А.В. Право государственной социалистической собственности (объекты и содержание). М., 1954. С.66.

Детальному рассмотрению выдвинутых тезисов и посвящен настоящий раздел книги.

I. ***Советское законодательство*** (как союзное, так и законодательство РСФСР) на протяжении всей истории своего развития рассматривало предприятие и в качестве объекта[31], и в качестве субъекта[32] правовых отношений. Под предприятием как объектом фактически понималось все имущество предприятия – организации, совокупность основных и оборотных средств, закрепленных за ней. Центральным же вопросом при характеристике предприятия как субъекта правоотношений являлась проблема юридической личности предприятия, т.е. признания последнего юридическим лицом.

Развитие законодательства шло по пути расширения хозяйственных прав предприятий, предоставления им самостоятельности не только в производственной деятельности, но и в имущественном обороте[33] (хотя структурные подразделения предприятий, а также производствен-

---

[31] См., в частности: Декрет ВЦИК РСФСР от 27 октября 1921 г. «О национализации предприятий» (см.: Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. История советского гражданского права. М., 1949. С.98); п.1 Декрета СНК РСФСР от 26 января 1918 г. «О национализации торгового флота» (см.: Международное частное право в избранных документах / Сост. Г.Е.Вилков. М., 1961. С.88); ст.ст.22, 54, 55, 57 ГК РСФСР от 31 октября 1922 г. (см.: Гражданское законодательство СССР и союзных республик. Сборник / Под ред. И.Б.Новицкого. М., 1957. С.180, 183-184); ст.ст.2, 10, 17, 21, 23 Закона РСФСР от 24 декабря 1990 г. «О собственности в РСФСР» (см.: Ведомости...РСФСР, 1990, № 30, ст.416; 1992, № 34, ст.1966).

[32] См., например: ст.19 ГК РСФСР от 31 октября 1922 г. (см.: Гражданское законодательство СССР и союзных республик. С.179); ст.ст.24, 34 ГК РСФСР от 11 июня 1964 г.; Положение о социалистическом государственном производственном предприятии, утвержденное постановлением СМ СССР от 4 октября 1965 г. № 731 (см.: Комментарий к Положению о социалистическом государственном производственном предприятии. М., 1971); Закон СССР от 30 июня 1987 г. «О государственном предприятии (объединении)» (см.: Ведомости...СССР, 1987, № 26, ст.385; 1989, № 9, ст.214; 1989, № 15, ст.105).

[33] В многочисленных работах, написанных в разное время, постоянного говорилось о необходимости укрепления самостоятельности предприятия (см., например: Лаптев В.В. О дальнейшем расширении хозяйственных прав промышленных предприятий // Сов. государство и право. 1961. № 11. С.57-66; Генкин Д.М. Новое гражданское законодательство СССР. М., 1962. С.16; Танчук И.А. Экономическая реформа и хозяйственные права предприятий // Сов. государство и право. 1968. № 1. С.96-106; Основные производственные фонды: Анализ и планирование. Киев, 1990. С.22). О развитии законодательства в аспекте правосубъектности предприятий см.: Исаев И.А. Становление хозяйственно-правовой мысли в СССР (20-е годы). М., 1986. С.123-145; Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. Указ. соч. С.103-119.

ные единицы объединений (комбинатов) по Положению о производственном объединении (комбинате) от 27 марта 1974 г.[34] статуса юридического лица не получили[35], в связи с чем и возникла упомянутая нами ранее дискуссия о том, является ли наличие признаков юридического лица неотъемлемым свойством предприятия).

Действующее гражданское законодательство России (и прежде всего – новый ГК) также использует слово «предприятие» в двух значениях: как объект гражданских прав, и как участник (субъект) юридических отношений.

А. Предприятие – объект гражданских прав.

Новый ГК впервые дает определение предприятия как объекта гражданских прав, нормативно устанавливает его состав как имущественного комплекса (ст.132), предлагает правовое регулирование сделок, предметом которых выступает предприятие (§8 гл.30, §5 гл.34 и др.). Большинство изданных в развитие кодекса федеральных законов в полном соответствии с ним также употребляет рассматриваемое слово для характеристики одного из объектов гражданских прав (раздел XII ФЗ от 24 июня 1997 г. «Об ипотеке (залоге недвижимости)»[36]; ст.ст.16, 21 ФЗ от 24 июня 1997 г. «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в РФ»[37]; ст.86 ФЗ от 10 декабря 1997 г. «О несостоятельности (банкротстве)»[38]; ст.1 ФЗ от 15 июля 1998 г. «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений»[39], и др.).

Б. Предприятие – субъект правовых отношений.

Применительно к субъектам правоотношений термин «предприятие» имеет самостоятельное юридическое содержание, когда речь идет о государственных и муниципальных унитарных предприятиях, народных предприятиях и малых предприятиях. Кроме того, в силу инерции в некоторых правовых актах, издаваемых различными органами государст-

---

[34] См.: Комментарий к Положению о производственном объединении (комбинате) / Под ред. В.В. Лаптева. М., 1979. С.3-6.

[35] Об этом см.: Плекан А.М. Правосубъектность производственных единиц производственного объединения (комбината) и структурных подразделений промышленного предприятия. Рига, 1978; Цимерман Ю.С. Производственная единица – правовое положение и хозяйственные связи. М., 1983.

[36] СЗ РФ, 1998, № 29, ст.3400. Далее – ФЗ «Об ипотеке».

[37] СЗ РФ, 1997, № 30, ст.3595; 1999, № 26, ст.3173. Далее – ФЗ «О приватизации...».

[38] СЗ РФ, 1998, № 2, ст.222.

[39] СЗ РФ, 1999, № 9, ст.1096.

венной власти, термин «предприятие» также употребляется в смысле субъекта[40] (что не может не вызывать критику).

Государственные и муниципальные унитарные предприятия признаются коммерческими организациями, не наделенными правом собственности на закрепленное за ними собственником имущество. Они подразделяются на предприятия, основанные на праве хозяйственного ведения, и предприятия, основанные на праве оперативного управления (в последнем случае говорят о казенных предприятиях) (ст.ст.113-115 ГК).

Народные предприятия, или акционерные общества работников, занимают особое место в системе организационно-правовых форм юридических лиц. К их деятельности применяются нормы о закрытых акционерных обществах с изъятиями, установленными ФЗ от 24 июня 1998 г. «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)»[41]. Главной особенностью народных предприятий, цель создания которых воплощена в идее соединения труда и капитала на уровне первичных производственных звеньев, является то, что работникам должно принадлежать более 75% всех акций (п.2 ст.4 закона); при этом, каждый из работников-акционеров не может владеть акциями, номинальная стоимость которых превышает 5% уставного капитала (п.1 ст.6 закона).

Непонятным остается вопрос, является ли народное предприятие разновидностью акционерного общества, или оно представляет самостоятельную организационно-правовую форму. Закон от 24 июня 1998 г. предусматривает *создание* народного предприятия *путем преобразования* любой коммерческой организации, за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий, а также открытых акционерных обществ, работникам которых принадлежит менее 49% уставного капитала (п.1 ст.2). Тем самым он фактически вводит новую организационно-правовую форму юридического лица[42], что прямо противоречит ГК. Как известно, кодекс дает исчерпывающий перечень коммерческих организаций (п.2 ст.50) и допускает возможность установления особенностей правового положения лишь для акционерных обществ, созданных в процессе приватизации (п.3 ст.96). Кроме того, п.1 ст.6 ФЗ от 21 октября 1994 г. «О введении в действие части первой ГК РФ» предписывает, что со дня официального опубликования части

[40] См., например: ст.2 ФЗ от 20 января 1995 г. «О связи» (СЗ РФ, 1995, №8, ст.600; 1999, № 2, ст.235), п.п.6, 9 постановления Правительства РФ от 7 января 1999 г. № 23 «О неотложных мерах по повышению эффективности работы тепличных предприятий в 1999 году» (Российская газета, 1999, 4 февраля).

[41] СЗ РФ, 1998, № 30, ст.3611.

[42] К этому выводу приходит и Д.В.Ломакин (см.: Ломакин Д.В. Что такое народное предприятие? // Законодательство. 1998. №11. С.47).

первой ГК коммерческие организации могут создаваться исключительно в тех организационно-правовых формах, которые предусмотрены для них гл.4 ГК. Поэтому нормы о народных предприятиях во избежание отмеченных противоречий должны быть включены в ГК в раздел об акционерных обществах.

Малые предприятия как субъекты малого предпринимательства – это коммерческие организации, отвечающие одновременно трем признакам: а) в их уставном капитале доля участия РФ, ее субъектов, общественных и религиозных организаций (объединений), фондов не превышает 25%; б) в их уставном капитале доля, принадлежащая одному или нескольким юридическим лицам, не являющимся субъектами малого предпринимательства, не превышает 25%; в) средняя численность работников за отчетный период не превышает установленных уровней (п.1 ст.3 ФЗ от 12 мая 1995 г. «О государственной поддержке малого предпринимательства в РФ»[43]).

Законодательство зарубежных стран также использует термин «предприятие» в различных смыслах. В одних случаях речь идет об участниках хозяйственной жизни, признаваемых или не признаваемых юридическими лицами, но являющихся организациями, т.е. субъектами, а не объектами (§24(1) и §36 Торгового уложения ФРГ; §§7, 7c Закона ФРГ о недобросовестной конкуренции от 7 июня 1909 г.; §§15-19, 308 и 328 Закона ФРГ об акционерных обществах от 6 сентября 1965 г.; ст.230 Торгового кодекса Португалии и др.)[44]. Причем понимание предприятия как хозяйствующего субъекта в разных странах настолько отлично, что специалисты ООН, пытаясь устранить «разнобой» в определении предприятия в целях получения сопоставимой экономической

[43] СЗ РФ, 1995, № 25, ст.2343; 1998, № 31, ст.3826. Термин «малое предприятие» в смысле субъекта используется в законодательстве Самарской области, например, в Законе от 22 февраля 1999 г. «О государственной поддержке малого предпринимательства в Самарской области» (Волжская коммуна, 1999, 27 февраля).

[44] См: Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран. Сборник нормативных актов: Гражданские и торговые кодексы. Учебное пособие / Под ред. В.К.Пучинского, М.И.Кулагина. М., 1986. С.173, 175, 270; Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: Сборник нормативных актов: Законодательство о компаниях, монополиях и конкуренции. Учебное пособие / Под ред. В.К.Пучинского, М.И.Кулагина. М., 1987. С.213-214; Гражданское и торговое право капиталистических государств. Часть II. Сборник нормативных актов для студентов факультета экономики и права. М., 1974. С.54-56, 91, 93.

статистики, предложили единообразную дефиницию предприятия как участника хозяйственной жизни[45].

В других случаях предприятие рассматривается как объект прав, принадлежащий единоличному или коллективному коммерсанту, купцу, предпринимателю (§§22-23, 48(1), 52(3) Торгового уложения ФРГ; §292(1) Закона ФРГ об акционерных обществах от 6 сентября 1965 г.; ст.4(f) Закона Англии о компаниях 1985 г.)[46].

Наряду с распространенным употреблением термина «предприятие» в смысле субъекта или объекта зарубежное законодательство иногда обозначает им и иные явления. Например, в традиционном гражданском праве Франции этим термином определяется договор, по которому одно лицо, не зависящее от другого, принимает на себя выполнение определенной работы для него[47] (в российском законодательстве это договор подряда или возмездного оказания услуг). Согласно ст.3 «г» Закона США «О справедливых условиях труда» 1938 г. предприятием (enterprise) является «взаимосвязанная деятельность, осуществляемая (путем совместной работы или общего контроля) любым лицом или лицами для достижения единой коммерческой цели»[48]. Однако употребление слова «предприятие» для характеристики субъекта или объекта прав является общепринятым.

II. Для отечественного законодательства разных периодов характерно ***смешение правовых значений слова «предприятие».*** Часто в одном нормативном акте (а порой – в одной статье нормативного акта) оно одновременно употребляется для обозначения субъекта и объекта прав.

Так, Положение о государственных промышленных трестах от 29 июня 1927 г.[49] рассматривало трест как промышленное предприятие (п.2), в состав которого входит одно или несколько производственных предприятий (п.6), ведущих самостоятельное счетоводство, составляю-

---

[45] См.: Сосна С.А. Правовое положение государственного предприятия в развивающихся странах. М., 1976. С.37.

[46] См.: Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: Сборник нормативных актов. Гражданские и торговые кодексы. С.173, 177; Гражданское и торговое право капиталистических государств. Часть II. Сборник нормативных актов для студентов факультета экономики и права. С.90; Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: Сборник нормативных актов: законодательство о компаниях, монополиях и конкуренции. С.104.

[47] См.: Саватье Р. Указ. соч. С.177.

[48] Приводится по: Усенин В.И., Каленский В.Г., Маслов В.И. Современное капиталистическое предприятие и хозяйская власть. М., 1971. С.13.

[49] См.: Гражданское законодательство ССР и союзных республик: Сборник. С.28-30.

щих собственный баланс и калькуляцию (п.32), т.е. являющихся организациями. Вместе с тем, п.7 Положения, уже относя предприятие к разновидности имущества, допускал безвозмездное изъятие у треста производственных предприятий в порядке уменьшения его уставного капитала. Аналогичные примеры можно привести и из отечественного законодательства более поздних лет. В частности, п.3 ст.23 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде от 23 ноября 1989 г.[50] предусматривал, что преимущественное право на получение в аренду государственного предприятия или его подразделения имеют трудовые коллективы. Т.е. речь шла, с одной стороны, о предприятии как объекте (в противном случае – невозможно говорить о его аренде как сделке, связанной с передачей имущества во временное возмездное *владение и пользование*), а с другой стороны – как организации (трудовые коллективы существуют в организациях, а не имущественных комплексах).

Но наиболее наглядно терминологическое смешение проявилось в российском законодательстве о приватизации. Закон РСФСР от 3 июля 1991 г. «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР»[51], определяя приватизацию предприятий как приобретение гражданами, акционерными обществами (товариществами) у государства и местных Советов народных депутатов в частную собственность предприятий и иных объектов приватизации (ст.1), устанавливал правила о подаче трудовым коллективом предприятия заявки на приватизацию (ст.13), о реорганизации предприятия как подготовительном этапе приватизации (ст.16), о правопреемстве покупателя предприятия в части имущественных прав и обязанностей последнего (п.2 ст.28). Таким образом, указанный закон не разграничивал понятия юридического лица и предприятия. Изданные в развитие закона нормативные акты также не проводили такого разграничения[52]. Лишь новый основополагающий документ в сфере приватизации – ФЗ «О приватизации...» – устраняет отмеченный нами недостаток законодательной техники.

В качестве серьезной ошибки законодателя в настоящее время следует считать положения ст.22 ФЗ от 17 июня 1997 г. «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»[53], в кото-

---

[50] Ведомости... СССР, 1989, № 25, ст.481.

[51] Ведомости... РСФСР, 1991, № 27, ст.927; 1992, № 28, ст.1614; СЗ РФ, 1997, № 12, ст.1381.

[52] См., например: п.п.5.5, 5.6 и 5.9 Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2284 (САПП РФ, 1994, № 1, ст.2).

[53] СЗ РФ, 1997, № 30, ст.3594. Далее – ФЗ «О государственной регистрации...».

рой одновременно говорится о предприятии как юридическом лице и имущественном комплексе[54].

Новый ГК также не всегда последователен в использовании терминологии: иногда он смешивает государственное (муниципальное) унитарное предприятие как юридическое лицо с предприятием как объектом гражданских прав. Так, в соответствии с п.1 ст.300 ГК при переходе права собственности на государственное или муниципальное предприятие как имущественный комплекс к другому собственнику государственного или муниципального имущества предприятие сохраняет право хозяйственного ведения на принадлежащее ему имущество. Налицо – подмена понятий, поскольку из приведенной нормы вытекает абсурдное положение, что предприятие как имущественный комплекс (т.е. объект) имеет права (а значит – становится субъектом). Кроме того, необоснованно исключается возможность наличия у унитарного предприятия нескольких предприятий – имущественных комплексов. Аналогичный подход законодатель демонстрирует и применительно к учреждениям (п.2 ст.300 ГК).

Представляется, что **редакция п.1 ст.300 ГК требует уточнения** и с учетом того, что идея законодателя заключалась в регулировании случаев перехода имущества унитарных предприятий в целом, может быть следующей: «1. При переходе права собственности на имущество, закрепленное за государственным или муниципальным унитарным предприятием, к другому собственнику государственного или муниципального имущества унитарное предприятие сохраняет право хозяйственного ведения на это имущество»[55].

---

[54] Ошибочность редакции ст.22 цитированного закона признают многие авторы. См., в частности: Козырь О.М. Недвижимость в новом Гражданском кодексе России // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А.Хохлова / Отв. ред. А.Л.Маковский; Исследовательский центр частного права. М., 1998. С.279; Табашников В.Н. Предприятие как объект гражданских прав // Законодательство. 1998. №9. С.7.

[55] Пункт 1 ст.300 ГК не рассчитан на случаи передачи имущества унитарных предприятий в частную собственность, поскольку право хозяйственного ведения может иметь место лишь в отношении государственного или муниципального имущества. Процесс перехода имущества унитарных предприятий к новому собственнику должен сопровождаться внесением изменений в устав унитарного предприятия, в частности, связанных с изменением фирменного наименования, так как последнее должно содержать указание на собственника имущества предприятия (п.3 ст.113 ГК). Учитывая, что сделки по отчуждению имущества унитарных предприятий получили широкое распространение (об этом см.: Пятков Д. Отчуждение публичной собственности: вопросы правового регулирования // Хозяйство и право. 1998. № 6. С. 94-98), вопросы их регламентации должны быть решены на уровне специального федерального закона.

Вслед за ГК путаницу понятий «унитарное предприятие – юридическое лицо» и «предприятие – имущественный комплекс» демонстрируют иные правовые акты. Например, в п.1 постановления Правительства РФ от 6 декабря 1999 г. № 1348 «О федеральных государственных унитарных предприятиях, основанных на праве хозяйственного ведения»[56] одновременно говорится о реорганизации, ликвидации и продаже как имущественных комплексов федеральных унитарных предприятий. Известно, что юридические лица – не объекты, а субъекты оборота. Само собой, речь должна идти о продаже предприятий, принадлежащих унитарным предприятиям, а не самих унитарных предприятий.

Отмеченная противоречивость законодательства, неразработанность концепции предприятия как объекта прав в совокупности с давней и трудно преодолеваемой традицией обозначать хозяйствующие субъекты (а не только и не столько имущественные комплексы) термином «предприятие» в какой-то степени объясняют тот факт, что даже в новейшей правовой литературе до сих пор встречается отождествление предприятия с юридическим лицом[57] или высказываются соображения, по сути, ведущие к отрицанию за предприятием статуса объекта или необоснованному сужению объема понятия. В частности, А.А.Пантелеев рассматривает продажу предприятия как одну из форм приватизации[58], тем самым он фактически смешивает понятия «предприятие» и «государственное и муниципальное унитарное предприятие» (а точнее – предприятие с имуществом унитарного предприятия как юридического лица). Но §8 гл.30 ГК не дает никаких оснований считать предметом договора купли-продажи только государственное или муниципальное имущество; продажа предприятий в порядке приватизации – один из возможных, но не единственный вариант сделок возмездного отчуждения. Предметом продажи могут выступать и предприятия, не являющиеся государственным или муниципальным имуществом.

Неразличение понятий допускают Н.И.Клейн и В.В.Чубаров, утверждающие, что «...в ряде случаев предприятия могут быть проданы как объекты гражданского права, оставаясь ... субъектом права. Это объяс-

---

[56] Российская газета, 1999, 15 декабря.

[57] См., например: Круглова Н.Ю. Хозяйственное право. М., 1997. С.12, 60, 62, 64-67. М.Г.Масевич, признавая предприятие объектом, одновременно пишет о его образовании и ликвидации как организации (см.: Масевич М.Г. Правовое регулирование отношений по поводу недвижимости. Гл.VII. Нормативные акты РФ, регулирующие предприятие как единый имущественный комплекс // Право и экономика. 1996. №12. С.18, 21-23).

[58] См.: Российское гражданское право: Учебник / Под ред. З.Г.Крыловой, Э.П.Гаврилова. М., 1999. С.171.

няется существованием в нем понятий государственных или муниципальных унитарных предприятий»[59]. Но унитарные предприятия, являясь субъектами, не могут быть проданы, поскольку «для права ... совпадение субъекта и объекта невозможно. ...то благо, ... использование которого или пользование которым составляет хозяйственное или иное социальное существо правомочия, никогда не может оказаться ...носителем такого правомочия»[60]. *При отчуждении имущества унитарного предприятия последнее не прекращает своего юридического существования* (за исключением случаев ликвидации); оно продолжает функционировать в качестве юридического лица, но уже не эксплуатируя проданное предприятие – имущественный комплекс. Более того, даже в случае отчуждения всего имущества организации нет никаких оснований утверждать, что организация перешла к приобретателю имущества или прекратила существование. Последнее возможно лишь в результате соблюдения определенной процедуры (исключение из реестра юридических лиц и т.п.).

Следует, правда, заметить, что данные положения не всегда реально проводились на практике: это особенно видно при анализе имевших ранее место многочисленных сделок приватизации. В частности, при продаже государственных и муниципальных предприятий по конкурсу или на аукционе имущество данных предприятий переходило к покупателю; судьба же самого государственного или муниципального предприятия как юридического лица обычно никак не определялась. В результате создавалась ситуация, когда «на бумаге» юридическое лицо продолжало существовать, однако все его права и обязанности в силу п.2 ст.28 Закона РФ «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ» переходили к покупателю имущества.

Мы присоединяемся к мнению Д.Пяткова, что «...частичное терминологическое сходство в обозначении объекта и субъекта права следует рассматривать в качестве изъяна современного законотворчества. На практике указанное сходство ...выступает существенным препятствием для понимания фундаментальной идеи законодателя»[61], впервые достаточно четко проводящего различие между предприятием и юридическим лицом. Частичным решением проблемы нормативного разграничения унитарного предприятия и предприятия как имущественного комплекса должна стать последовательность в использовании термина

---

[59] Гражданское право России. Часть вторая. Обязательственное право: Курс лекций / Отв. ред. О.Н.Садиков. М., 1997. С.151.

[60] Флейшиц Е.А. Торгово-промышленное предприятие в праве западноевропейском и РСФСР. Л., 1924. С.18.

[61] Пятков Д. Государственное предприятие как предмет договора купли-продажи // Хозяйство и право. 1998. №1. С.82.

«предприятие»: он не должен подменять собой понятие «государственное и муниципальное унитарное предприятие». Поэтому употребляемое в п.2 ст.113, п.п.2-6 и 8 ст.114, п.4 ст.214, п.3 ст.215, ст.295, ст.299 ГК слово «предприятие» подлежит замене на словосочетание «унитарное предприятие». В перспективе же необходимо и более кардинальное решение проблемы – **изменение наименования организационно-правовой формы юридического лица – государственного или муниципального унитарного предприятия.** Унитарные предприятия могут быть переименованы, например, в унитарные организации. Аналогично должен быть решен вопрос в отношении народных и малых предприятий: оба понятия следует исключить из терминологии законодателя и использовать соответственно термины «акционерное общество работников» и «субъект малого предпринимательства». Реализация перечисленных предложений способствовала бы установлению логической строгости и точности терминологического аппарата, а значит – и совершенствованию гражданского законодательства.

1.2. ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ ОБЪЕКТОМ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Итак, новый ГК рассматривает предприятие в качестве объекта гражданских прав. Вместе с тем, такой подход вовсе не является бесспорным в цивилистической теории. Правильное решение вопроса о допустимости отнесения предприятия к объектам (а также установление специфики предприятия как объекта), естественно, напрямую зависит от того, что есть объект гражданских прав. Поэтому считаем обоснованным начать исследование поставленного вопроса с рассмотрения теории объекта правоотношения.

1.2.1. Объекты гражданских прав: теория вопроса

Вопрос об объектах прав[62] (и прежде всего – гражданских) – один из самых сложных и полемичных, но, вместе с тем, – и один из наиболее интересных как в общей теории права, так и в цивилистической науке. В большей или меньшей степени он являлся и является предметом иссле-

[62] Представляется, что термины «объект прав» и «объект правоотношения» являются равнозначными. Обоснование этого приводится далее.

дований многочисленных авторов, которые до сегодняшнего дня не могут достичь консенсуса по поводу важнейших аспектов проблемы объекта правоотношения[63].

Представляется, что исследование данной проблемы изначально требует системного подхода; только ***комплексный анализ вопросов темы может позволить подойти к ее решению.*** Эта методологическая установка вытекает, прежде всего, из того, что проблема объекта необычайно многогранна: абстрактное определение, что такое «объект прав», и выделение (или невыделение) конкретных видов объектов теснейшим образом связаны с необходимостью дачи ответов на вопросы о допустимости применения в праве философского понятия объекта; о соотношении терминов «объект правоотношения», «объект прав», «объект обязанностей»; о месте объекта в структуре юридического отношения; о возможности существования безобъектных правоотношений и т.д.

Кроме того, размышляя об объекте гражданского правоотношения – разновидности общественного отношения, неизбежно приходится «погружаться» не только в сугубо цивилистическую проблематику, но и обращаться к идеям, сформировавшимся в лоне общей теории права, а также философских наук (особенно социальной философии). Сложность заключается в том, что ни теория государства и права, ни философия не дают однозначного ответа на вопросы, что есть общественное отношение, какова его сущность, имеется ли у него объект, и если да, то что он из себя представляет; «расхождения в их (вопросов. – Ю.П.) понимании не позволяет выработать единый подход к исследованию общественных отношений, поэтому десятилетиями обсуждаются проблемы соотношения в них материального и идеального, объективного и субъективного, вопросы их классификации...»[64] и т.п. Проблема объекта гражданских прав, таким образом, является точкой преломления многочисленных специально-юридических и обществоведческих концепций, в связи с чем и ее окончательное разрешение может иметь место лишь в результате усилий ученых различных научных дисциплин.

Значительная дифференциация взглядов правоведов по рассматриваемой проблеме обусловлена рядом факторов, главным из которых является отсутствие единства среди ученых в понимании юридического отношения, ибо выводы относительно определения объекта правоотношения непосредственно зависят от видения самого правоотношения.

---

[63] Некоторые авторы даже считают категорию «объект правоотношения» ненужной (см.: Протасов В.Н. Что и как регулирует право: Учебное пособие. М., 1995. С.49; Громова Г.М. В Институте права им. А.Я.Вышинского АН СССР // Сов. государство и право. 1956. № 3. С.131 (выступление М.П.Лебедева)).

[64] Кондратьев В.М. Структура общественного отношения. Автореф. дис. ... канд. философских наук. Куйбышев, 1989. С.6.

Причем, теория правоотношения как одно из фундаментальных направлений научных изысканий, с одной стороны, постоянно обогащается новыми знаниями и не стоит на месте, а с другой стороны, отличается вариативностью точек зрения (иногда – кардинально разнящихся друг от друга) по поводу понятия, сущности, содержания правоотношения, его места в механизме правового регулирования и т.д. Уместно отметить, что вообще «все противоречия, воспроизводимые в движении понятия (в нашем случае им является объект прав. – Ю.П.), выступают ... именно ... как противоречия теории», поскольку «...понятие ... представляет собой элементарную модель теории»[65].

Центральным вопросом теории правоотношения является проблема соотношения правового и фактического отношений. Многие авторы считают, что правоотношение есть само общественное отношение, регулируемое (урегулированное) нормами права; в этом случае обычно говорят о правоотношении как единстве материального содержания и правовой формы, как результате правового регулирования фактических отношений[66]. Серьезным недостатком такого понимания является вытекающий вывод о том, что всякие отношения, в том числе базисные (производственные), могут быть превращены в правовые, а следовательно, правоотношения существуют лишь в гносеологическом, а не онтологическом плане. Причем, если одни авторы доводят до логического завершения указанный вывод и ставят под сомнение трактовку юридических отношений как идеологических[67], то другие продолжают считать правоотношение урегулированным общественным отношением, которое может быть исключительно идеологическим[68] (последнее утверждение явно противоречиво). Также следует отметить, что сторон-

---

[65] Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967. С.27-28, 36.

[66] См., в частности: Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М., 1972. С.7-8, 40; Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С.178-180; Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Спб., 1904. С.139; Ломакин Д.В. Акционерное правоотношение. М., 1997. С.8-9; Матузов Н.И. Общие правоотношения и их специфика // Правоведение. 1976. № 3. С.23; Мотовиловкер Е.Я. [Рецензия] // Правоведение. 1996. № 2. С.160-162. – Рец. на кн.: Протасов В.Н. Что и как регулирует право: Учебное пособие. М., 1995; Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С.37; Советское гражданское право: Учебник. В 2-х частях. Часть I / Отв. ред. В.Т.Смирнов, Ю.К.Толстой, А.К.Юрченко. Л., 1982. С.70 (автор – А.К.Юрченко); Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С.7, 31, 36, 51, 112 и др.

[67] См.: Халфина Р.О. Указ. соч. С.86-93.

[68] См.: Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1976. С.13-17.

ники приведенной точки зрения нередко допускают возможность (правда, сугубо в теоретических целях) рассмотрения правоотношения как особой идеологической связи, отличной от фактического отношения[69].

Приведенному подходу противостоят концепции, в соответствии с которыми правоотношение является самостоятельным общественным отношением, не поглощающим фактическое отношение, не делающим последнее правовым. Эти концепции неоднородны: связь юридического отношения с фактическим видится по-разному. Одна группа авторов считает, что правоотношение вводит фактическое отношение в определенные рамки, а потому оно есть его форма[70]. Однако из данного тезиса, анализируемого в контексте с другими высказываниями приверженцев рассматриваемой позиции, не ясно, соотносят ли они правоотношение и фактическое отношение как форму и содержание, либо правоотношение является просто формой фактического отношения. Нередко авторы проявляют непоследовательность: так, Н.А.Чечина в одной работе одновременно утверждает, что правоотношение есть форма экономического отношения и что это экономическое отношение становится правовым[71].

Другой частью ученых (признающих правоотношения в качестве самостоятельных общественных отношений) правоотношения рассматриваются как особые реальные идеологические отношения, существующие наряду с фактическими; они лишь подключаются к иным общественным

---

[69] См.: Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву. Сборник статей. Л., 1957. С.25; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995. С.56.

[70] См., в частности: Быстржина И., Лакатош М. Некоторые вопросы правового регулирования в социалистическом обществе // Сов. государство и право. 1964. № 2. С.22; Карпушин М.П. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1958. С.9, 22-23; Красавчиков О.А. [Рецензия] // Сов. государство и право. 1964. № 9. С.156-157. – Рец. на кн.: Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963; Пионтковский А.А. О некоторых вопросах советской гражданской науки на современном этапе // Сов. государство и право. 1964. №2. С.42; Полежай П.Т. Соотношение права и экономики в социалистическом обществе. (Конспект лекций). Харьков, 1965. С.8; Сабо Имре. Основы теории права. М., 1974. С.19-28; Тархов В.А. К вопросу о правовых отношениях // Правоведение. 1965. №1. С.21-23, 27; Шейндлин Б.В. Сущность советского права. Л., 1959. С.115; Явич Л.С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957. С.78; Его же. Право и общественные отношения. (Основные аспекты содержания и формы советского права). М., 1971. С.115-117.

[71] См.: Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. Л., 1962. С.56.

отношениям в обоюдном воздействии на регулируемое поведение[72], т.е. взаимодействуют с другими общественными отношениями, но не отождествляются с ними. Такой подход представляется верным; он в наибольшей степени соответствует и философскому разграничению общественных отношений на материальные и идеологические, среди которых правовые отношения занимают собственное место[73].

Не менее дискуссионным является вопрос, что такое содержание правоотношения: права и обязанности, поведение либо то и другое. Естественно, что признание действий содержанием ведет к отказу от рассмотрения поведения в качестве объекта или делает необходимыми определенные замечания при характеристике деятельности как объекта. И тем не менее есть моменты, которые объединяют подавляющее большинство теорий: общепризнанно, что юридические отношения возникают на основе правовых норм, субъекты отношений всегда обладают корреспондирующимися правами и обязанностями, реализация которых обеспечивается силой государственного принуждения. Эти постулаты служат отправной точкой анализа правоотношения, в том числе и его объекта.

Как до-, так и послереволюционная литература (отечественная и зарубежная) изобилует множеством ***общетеоретических*** (абстрактных) ***дефиниций объекта правоотношения***: последний, в частности, определялся как предмет (объект) правового господства (Г.Ф.Пухта, Регельсбергер[74], Е.Н.Трубецкой, С.Ф.Кечекьян[75]); силы, служащие средством

---

[72] См., в частности: Королев Б.Н. О взаимодействии экономических и правовых отношений собственности // Философские науки. 1979. № 6. С.39; Леушин В.И. Социалистические правовые отношения // Нормы социалистического права и правоотношения: Текст лекций. Свердловск, 1986. С.18-21; Мажитова Р.Ф. Правовые отношения в советском социалистическом обществе. М., 1967. С.5; Мозолин В.П. О гражданско-процессуальном правоотношении // Сов. государство и право. 1955. № 6. С.52; Протасов В.Н. Указ. соч. С.30.

[73] См., например: Дроздов А.В. В.И. Ленин о проблеме общественных отношений. Л., 1969. С.30; Его же. Человек и общественные отношения. Л., 1966. С.89; Песенко В.Н. Общественные связи и отношения. Изд-во Ростовского ун-та, 1978. С.90; Таллер Р.И. Методологические аспекты исследования проблемы соотношения и взаимодействия политических и правовых форм. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 1972. С.12-13; Тугаринов В.П. Соотношений категорий исторического материализма. Л., 1958. С.78-80.

[74] Изложение взглядов Г.Ф. Пухты и Регельсбергера на проблему объектов см.: Гримм Д.Д. К учению об объектах прав // Вестник права. 1905. № 7. С.161-162, 172-173.

[75] См.: Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. Спб., 1998. С.180; Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С.137.

осуществления разграничиваемых правом интересов (Н.М.Коркунов)[76] и т.д. Но несмотря на различие подходов к рассмотрению объекта правоотношения и, как следствие, многообразие его определений, все же некоторые из них, приведенные ниже, стали господствующими в советской юридической науке и используются большинством авторов:

а) объектом является *то, по поводу чего возникает* (складывается, устанавливается) *правоотношение* (другие модификации данного определения – то, по поводу чего субъекты вступают в правоотношение; то, по поводу чего возникают и осуществляются права и обязанности и т.п.)[77];

б) объект – это *то, на что направлено правоотношение*; при этом, в зависимости от того, что понимается под содержанием юридического отношения, одни имеют в виду направленность субъективных прав и обязанностей[78], другие – направленность деятельности участников правовой связи[79];

в) объект есть *благо* (материальное или нематериальное), способное удовлетворить потребности субъекта; благо, по поводу обладания, использования или охраны которого существует правовое отношение. Здесь необходимо отметить, что формула «объект – благо» обычно приводится в качестве конкретизации приведенных выше определений (причем обоих!)[80], хотя для некоторых авторов она представляется достаточной для понимания объекта правового отношения[81];

г) объект – *то, на что воздействует правоотношение* (или субъект отношения, или субъективные права и обязанности). Как и в предыдущем случае, рассматриваемое определение одни правоведы считают са-

---

[76] См.: Коркунов Н.М. Указ. соч. С.154.

[77] См., например: Гражданское право: В 2-х томах. Том 1. Учебник / Под ред. Е.А.Суханова. М., 1993. С.111 (авторы – Г.П.Савичев, Е.А.Суханов); Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. М., 1997. С.298; Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1996. С.189; Основин В.С. Советские государственноправовые отношения. М., 1965. С.63-64.

[78] См., например: Советское гражданское право: Учебник / Под ред. Я.А.Куника. М., 1973. С.32 (авторы – Т.А.Моровская, А.И.Шумских).

[79] См., например: Курс советского гражданского процессуального права. Том 1. Теоретические основы правосудия по гражданским делам. М., 1981. С.207; Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М., 1966. С.20.

[80] См., в частности: Советское гражданское право: Учебник. В 2-х частях. Ч.I / Под ред. В.А.Рясенцева. М., 1986. С.76 (автор – В.Г.Вердников); Яичков К.К. К учению о гражданском правоотношении // Вестник Московского ун-та. Серия экономики, философии, права. 1956. № 1. С.140.

[81] См., например: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. М.Н.Марченко. М., 1997. С.400 (автор – А.В. Мицкевич).

мостоятельным[82], другие – используют его наряду с дефиницией «объект – то, на что направлено правоотношение»[83].

Ни одно из вышеперечисленных определений не стало общепризнанным; все они были подвергнуты критике (вплоть до полного отрицания).

Однако, подлинное разнообразие воззрений на проблему объекта правоотношения проявляется при освещении вопроса о его ***видах***; именно в данном вопросе нередко можно выяснить действительную позицию автора. Классификация многочисленных теоретических построений ученых возможна по разным основаниям. С точки зрения конкретных перечней объектов правоотношений, даваемых учеными, наиболее распространенными являются следующие концепции:

(1) *«вещная» концепция объектов.*

Суть ее состоит в том, что под объектами правового отношения (или внешними объектами поведения) мыслятся лишь реальные, пространственно ограниченные предметы материального мира, существующие в объективированной форме. Можно говорить о двух основных направлениях в рамках «вещной» концепции: согласно первому, объектами являются лишь вещи (С.Н.Братусь, Г.Н.Полянская; П.И.Стучка)[84]; сторонники второго направления добавляют к вещам также продукты духовного (интеллектуального) творчества (Н.Г.Александров, Р.О.Халфина)[85]. Таким образом, сторонников обоих направлений связывает то, что они не причисляют к объектам правоотношения (а у Н.Г.Александрова – к внешним объектам поведения) нематериальные блага и действия субъектов.

Однако теоретические предпосылки столь узкого понимания видов объектов различны. Н.Г. Александров исходит из недопустимости смешения объекта правового воздействия, которым, по его мнению, является волевое поведение людей – участников общественного отношения, от внешнего объекта (предмета) поведения, т.е. вещей и продуктов творчества. Такое разграничение, с точки зрения автора, позволяет выявить разницу между имущественными и неимущественными отноше-

---

[82] См., например: Басин Ю.Г. Вопросы советского жилищного права. Алма-Ата, 1963. С.134, 136; Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 1996. С.195.

[83] См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Указ. соч. С.230.

[84] См.: Пергамент А. К вопросу об объекте правоотношения по советскому гражданскому праву // Сов. государство и право. 1950. №9. С.86 (выступления С.Н.Братуся и Г.Н.Полянской); Стучка П.И. Введение в теорию гражданского права // В кн.: Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С.672.

[85] Ссылки на работы указанных авторов приводятся далее.

ниями: у последних внешний предмет отсутствует[86]. Позиция Н.Г.Александрова отчетливо демонстрирует, как во избежание признания возможности существования безобъектных юридических отношений создаются схемы «удвоенных» объектов. С.Н.Братусь, Г.Н.Полянская и Р.О.Халфина, напротив, прямо допускают наличие безобъектных отношений[87].

Конструкция безобъектных отношений встретила неприятие большинства ученых, справедливо считающих, что безобъектные отношения бессмысленны и невозможны (И.Л.Брауде, Ю.А.Веденеев, С.И.Вильнянский, О.С.Иоффе, С.Ф.Кечекьян, С.Д.Князев, Ю.К.Толстой, В.Н.Щеглов и др.)[88]; юридическое отношение, как и любое общественное отношение, представляет собой опосредствованную связь субъектов, имманентно предполагающих объект отношения;

(2) *«поведенческая» концепция объектов.*

Согласно данной теории, впервые сформулированной Е.Бирлингом и Ф.В.Тарановским, подробно изложенной Я.М.Магазинером и О.С.Иоффе и получившей поддержку ряда ученых (Ю.Г.Басин, Ю.Г.Ткаченко, В.Я.Хватов, М.Д.Шаргородский и др.)[89], единым и единственным непосредственным объектом правоотношения являются действия (поведение, деятельность) субъектов. Один из главных ее постулатов – правовое отношение есть общественное отношение, т.е. возникающее и существующее между людьми; в связи с этим юридические отношения не включают и не могут включать в себя вещи, а следовательно последние не могут быть и объектом правовых связей. По мнению сторонников теории «объект – действие», значение вещей состоит

---

[86] Подробнее см.: Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С.116-120; Его же. Правовые отношения в социалистическом обществе. М., 1959. С.38.

[87] См.: Пергамент А. Указ. работа. С.86 (выступления С.Н. Братуся и Г.Н. Полянской); Халфина Р.О. Указ. соч. С.216. Аналогичное мнение высказывается и рядом других ученых, например, Е.Л.Невзгодиной (см.: Невзгодина Е.Л. Объект гражданского правоотношения // Проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования. Томск, 1982. С.49).

[88] См.: Брауде И.Л. К вопросу об объекте правоотношения по советскому гражданскому праву // Сов. государство и право. 1951. № 3. С.57; Веденеев Ю.А., Князев С.Д. Избирательные правоотношения: понятие, политико-правовое содержание и структура // Журнал российского права. 1998. №10/11. С.81; Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву: Часть первая. Харьков, 1958. С.82; Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967. С.220; Кечекьян С.Ф. Указ. соч. С.147; Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. С.50, 63; Щеглов В.Н. Советское гражданское процессуальное право. Томск, 1976. С.56.

[89] Ссылки на работы авторов приводятся далее.

лишь в том, что они предопределяют «...объем, границы, в которых заключено право, т.е. вещный предел прав и обязанностей, связанных с вещью»[90].

В качестве важного аргумента правильности концепции ее авторы ссылаются на то, что, в соответствии с выводами философской науки, под объектом правоотношения следует понимать лишь то, на что это правоотношение может оказывать воздействие, а «...из числа всех явлений внешнего мира только человеческое поведение способно к реагированию на воздействие, оказываемое субъективным правом и правовой обязанностью»[91]. Поэтому объектом всех без исключения правоотношений выступает поведение обязанного лица.

«Поведенческая» теория как никакая другая «богата» на критику; можно даже сказать, что именно путем ее опровержения многие ученые пытались доказать верность своих собственных взглядов на проблему объекта. Наиболее распространенными и весомыми аргументами критиков являются следующие[92]:

- несмотря на утверждение о том, что теория «объект – действие» исходит из философского понимания объекта отношения, на самом деле произошла подмена понятий: объект противопоставлен не субъекту (как следовало бы), а правоотношению (А.П.Дудин, Н.А.Огурцов, В.С.Основин); неверно также считать, что причисление к объектам правовых отношений вещей отрицает тот бесспорный факт, что юридическое отношение есть отношение между людьми (А.К.Юрченко);

---

[90] Магазинер Я.М. Объект права // Очерки по гражданскому праву. Сборник статей. Л., 1957. С.67.

[91] Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С.82.

[92] Подробнее см.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. (Курс лекций). Вып.2. Нормы права и правоотношения. Свердловск, 1964. С.139, 141-142; Брауде И.Л. Указ. работа. С.56-57; Вильнянский С.И. Указ. соч. С.82; Дудин А.П. Объект правоотношения (вопросы теории). Саратов, 1980. С.14-17, 75; Е.П. В Институте права АН СССР. Обсуждение рукописи учебника «Теория государства и права» // Сов. государство и право. 1954. № 1. С.134 (выступления И.В.Павлова и Р.О.Халфиной); Е.П. В Институте права АН СССР. Обсуждение макета учебника «Теория государства и права» // Сов. государство и право. 1954. № 6. С.120-121 (выступление Н.Г.Александрова); Кечекьян С.Ф. Указ. соч. С.142-144; Огурцов Н.А. Указ. соч. С.41; Основин В.С. Указ. соч. С.61-62; Советское гражданское право: Учебник. В 2-х частях. Ч.I / Под ред. В.А. Рясенцева. М., 1986. С.77 (автор – В.Г. Вердников); Толстой Ю.К. Указ. соч. С.56-63; Шуршалов В.М. Об объекте международного права // Сов. государство и право. 1957. № 3. С.55; Юрченко А.К. Объект изобретательского права // Очерки по гражданскому праву. Сборник статей. Л., 1957. С.230-238.

- рассмотрение в качестве объекта правоотношения деятельности приводит к тому, что, будучи последовательным, придется признать объектом сознание и волю субъектов (ибо на поведение нельзя воздействовать непосредственно), а в конечном счете – и самого человека, что в принципе недопустимо (И.Л.Брауде, В.Г.Вердников, В.С.Основин, И.В.Павлов, Р.О.Халфина, А.К.Юрченко); кроме того, реагирующим объектом воздействия правоотношения является, скорее, сам субъект, чем его поведение (С.Ф.Кечекьян);

- поведение не может рассматриваться в качестве специального объекта правоотношения, поскольку деятельность направляется также нормами права, правосознанием и т.п. (С.С.Алексеев);

- критикуемая теория неправомерно отождествляет содержание правоотношения (или прав и обязанностей) с объектом: должное поведение составляет содержание прав и обязанностей, фактическое поведение – содержание правоотношения (последний тезис заявляется авторами, представляющими юридическое отношение как единство правовой формы и материального содержания); более того, фактическая деятельность не может быть объектом, поскольку на совершенное поведение воздействовать нельзя, оно лишь сопоставляется с должным (С.С.Алексеев, И.Л.Брауде, С.И.Вильнянский, С.Ф.Кечекьян, В.С.Основин, Ю.К.Толстой, В.М.Шуршалов);

- в результате признания действий единственным объектом правоотношение лишается своего реального содержания, так как из сферы правового анализа выпадают внешние предметы (Н.Г.Александров, В.С.Основин, А.К.Юрченко).

В какой-то степени небезосновательность только что приведенных доводов, указывающих на недостатки «поведенческой» концепции, осознавалась, а порой и признавалась ее приверженцами. Так, Ю.Г.Басин, подчеркивая, что «...позицию ученых, считающих объектом ... вещи, блага и т.п., нельзя отвергать в целом», указывает, что блага есть конечные объекты всех (а не некоторых, как писал О.С.Иоффе) правоотношений[93]; В.Я.Хватов, вообще прямо признавший, что «поведенческая» теория «...не раскрывает роли вещей и других предметов реального мира в правоотношении», предлагает рассматривать их в качестве предметов (но не объектов) правоотношений[94], аналогичную позицию занимает и Ю.Г.Ткаченко[95]. Все это позволило некоторым автором сделать совершенно обоснованный вывод, что, признав объектом

[93] Басин Ю.Г. Указ. соч. С.138-139.

[94] См.: Хватов В.Я. Об объекте международного договора // Правоведение. 1968. № 4. С.88-89.

[95] См: Ткаченко Ю.Г. Социалистические правоотношения // Лекции по курсу теории государства и права. Вып.19. М., 1961. С.30.

поведение, мы неизбежно начинаем искать более конкретный объект (вторичный, конечный и т.п.), в связи с чем «поведенческая» концепция не способствует решению прикладных юридических вопросов[96];

(3) *концепции множественности объектов.*

Приверженцы данных концепций попытались избежать крайностей «вещной» и «поведенческой» теорий. Как правило, они исходят из понимания объекта правоотношения как блага, которое может быть и материальным, и духовным; отсюда – многообразие объектов самых разных по своему содержанию отношений.

Вообще попытка одновременного причисления к объектам и вещей, и действий не нова: подобного взгляда придерживались многие дореволюционные ученые, например, Е.Н.Трубецкой и Г.В.Шершеневич[97]. При этом следует подчеркнуть, что такое видение объекта генетически берет свое начало из цивилистики; оно порождено традиционным для гражданского права дуализмом имущественных прав, подразделяющихся на вещные и обязательственные – объектом первых довольно часто признавались (и признаются) вещи, объектом вторых – действия.

В связи с бурным развитием науки и техники и все более активным использованием научных достижений в хозяйственной деятельности, а также ростом культурного (во всех смыслах) уровня жизни получившее широкое распространение деление объектов только на вещи и действия становилось для гражданского права (и вообще для правовой теории) явно недостаточным, что в определенной мере было преодолено посредством отнесения к объектам разного рода нематериальных благ, а также продуктов интеллектуального творческого труда. Таким образом, на примере плюралистических концепций можно видеть, как постоянно развивалась гражданско-правовая теория, пытаясь соответствовать новым социально-экономическим и культурным реалиям.

В настоящее время практически бесспорным для ученых-сторонников теории множественности объектов является отнесение к объектам вещей (материальных благ), результатов духовного творчества, а также нематериальных благ (честь, достоинство, деловая репутация и т.п.). Комплексный анализ точек зрения данных ученых позволяет сделать вывод, что существенная разница (имеющая принципиальное значение для гражданского права) во взглядах усматривается в том, как авторы отвечают на два вопроса: что является объектом – само действие или его результат и для каких правоотношений действие (результат действия) составляет объект. Результатом обобщения основных подхо-

[96] См., в частности: Гордон М.В. Советское авторское право. М., 1955. С.57.

[97] См.: Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С.180; Шершеневич Г.В. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). С.94.

дов в зависимости от выдвинутых признаков является следующая классификация точек зрения:

а) *действия* (а не их результаты) есть объекты всех обязательственных юридических отношений (В.Г.Вердников, М.Г.Масевич, Д.Степанов)[98];

б) *действия* (а не их результаты) – одни из возможных объектов обязательственных отношений (Ф.И.Гавзе, Т.А.Моровская, А.И.Шумских)[99];

в) *результат действий* (а не сами действия) является объектом всех обязательственных правовых отношений (И.Л.Брауде)[100];

г) *результаты действий* (а не сами действия) – одни из возможных объектов обязательственных правоотношений (наряду, например, с вещами в отношениях купли-продажи) (С.С.Алексеев, С.И.Вильнянский)[101];

д) объектами юридических отношений могут *быть как действия, так и их результаты* (А.П.Дудин и др.)[102].

Таковы основные подходы к пониманию, что есть объект правоотношения. Но теория находится в постоянном развитии, и в последние годы были предприняты определенные попытки по-новому взглянуть на исследуемую проблему и выйти за рамки традиционных теоретических конструкций. Нестандартное видение объекта юридического отношения предлагает В.И.Сенчищев в работе «Объект гражданского правоотношения. Общее понятие» (1998 г.)[103]. С его точки зрения, главной причиной нерешенности проблемы объекта является использование неподходящего категориального аппарата, а именно – понятий, значение которых лежит вне правовой сферы (с.139): «правовое регулирование в целом есть явление гуманитарного, а не естественного порядка... А в этом случае представляется ошибочным пытаться отыскать объект именно *правового* отношения в сфере естественного, если угодно – природного порядка вещей» (с.151). Опираясь на данное утверждение, автор делает вывод, что объектом правоотношения, под которым пони-

---

98 См.: Советское гражданское право: Учебник. В 2-х частях. Ч.I / Под ред. В.А.Рясенцева. М., 1986. С.76 (автор – В.Г.Вердников); Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Отв. ред. О.Н. Садиков. М., 1997. С.173-174 (автор – М.Г.Масевич); Степанов Д. Услуги как объект гражданских прав // Российская юстиция. 2000. № 2. С.16.

99 См.: Гавзе Ф.И. Обязательственное право (общие положения). Минск, 1968. С.7; Советское гражданское право: Учебник / Под ред. Я.А.Куника. М., 1973. С.32-33 (авторы – Т.А.Моровская, А.И.Шумских).

100 См.: Брауде И.Л. Указ. соч. С.56-58.

101 См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. (Курс лекций). С.148; Вильнянский С.И. Указ. соч. С.82-83.

102 См.: Дудин А.П. Указ. соч. С.76.

103 Актуальные проблемы гражданского права / Под. ред. М.И.Брагинского; Исследовательский центр частного права. М., 1998. С.109-160.

мается «точка приложения правового воздействия» (с.139), является правовой режим определенного явления объективной действительности (вещи, результата интеллектуальной деятельности и т.п.), а не само это явление (с.139, 145, 157-158); правда, затем автор уточняет, что непосредственным объектом является не собственно правовой режим, а его изменение (формирование, прекращение) (с.146-148, 154).

Думается, что данная концепция не лишена достаточно многочисленных противоречий и не может быть принята по следующим соображениям:

- непонятно, на основе какого понимания правоотношения автор делает свои выводы: он пишет, что «...правоотношение – это общественное отношение, урегулированное правом ..., и в таком качестве является формой общественного отношения, составляющего, в свою очередь, содержание правоотношения. При этом правоотношение не является неким вторичным явлением в сравнении с собственно общественным отношением». В обоснование последнего тезиса В.И.Сенчищев цитирует Ганса Кельзена[104], считавшего, что правоотношение – это «отношение, изначально конституированное, созданное правовыми нормами» (с.122). Таким образом, автор соединил несовместимое, одновременно признав, что правовое отношение – это и само общественное отношение, подвергнутое правовому регулированию (объектом которого явно не может быть правовой режим какого бы то ни было явления), и форма регулируемого общественного отношения, и правовая связь, существующая отдельно от общественного отношения, что не могло не сказаться и на выводах по поводу объекта юридического отношения. Так, сообразно своему представлению о правоотношении, В.И.Сенчищев утверждает, что «объект правоотношения, как и другие его составляющие, включает в себя и правовую, и «внеправовую» составляющие», причем «внеправовая» составляющая представлена тем явлением..., которое и является носителем ...правового статуса, его целью и воплощением» (с.149). Но тогда непонятно, почему объектом признается только правовой режим этих явлений;

- под правовым режимом В.И.Сенчищев понимает «совокупность всех позитивно-правовых предписаний, содержащихся в императивных и диспозитивных нормах, и основанных на них ...субъективно-правовых притязаний» (с.140), причем он «включает в себя не только наличное и существующее правовое регулирование, но и все (!) правовые возможности, существующие в отношении данного явления» (с.142). Устано-

[104] Известно, что Г.Кельзен четко разграничивал правовое и фактическое социальное отношения (подробнее см.: Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М., 1997. С.47, 586-606).

вить правовой режим (по определению автора – «явление чрезвычайно (!) сложное»), а значит, и объект отношения – задача не из легких. Выход ученый видит в том, что «существует некоторая более или менее определенная группа норм, которые преимущественно применяются и определяют правовой режим объекта в типичной для него ...правовой сфере существования» (с.141); но и здесь мы наталкиваемся на оставленный без четкого ответа вопрос: что значит «более или менее определенная группа норм».

Кроме того, исходя из данного автором понятия правового режима, получается, что объектом правового отношения являются, во-первых, нормы права (что в принципе недопустимо, так как не правоотношение воздействует на юридические нормы, а нормы устанавливают модели правоотношений), и во-вторых, субъективные права и обязанности, существующие относительно реального явления. Тогда выходит, что отношения собственности не имеют содержания (прав и обязанностей), ибо последние составляют объект. Не снимает противоречие и признание объектом не самого правового режима, а его изменения: очевидно, что изменение норм права осуществляется в процессе законотворческой деятельности, а не в рамках различных правовых (в том числе гражданско-правовых) отношений;

- прежде чем говорить о правовом режиме чего бы то ни было, необходимо определить это «что-то»; поэтому *правовой режим является характеристикой объекта, а не самим объектом*. Не случайно автор иногда говорит о режиме (или статусе) объектов гражданских прав (с.154) или даже объекта правоотношения (с.148). Очевидно, что речь идет об описках, ибо такие утверждения прямо противоречат сути выдвинутой теории;

- следуя логике автора, пришлось бы признать и субъектами правового отношения не его конкретных участников, а их правовой статус, чего В.И.Сенчищев не делает, а наоборот, заявляет, что «представляется более или менее очевидным то обстоятельство, что субъекты гражданского права – это люди ... и юридические лица» (с.129).

Существенно отличной от устоявшихся взглядов и несомненно интересной является позиция В.Н.Протасова, подробно изложенная в вышедшем в 1995 г. учебном пособии «Что и как регулирует право»[105]. Констатировав, что «сложность и дискуссионность теории объекта правоотношения объясняется не только сложностью предмета исследования, но и несовершенством методологических подходов, отставанием в развитии категориального аппарата» (с.53), автор не просто ставит под сомнение необходимость в теории права понятия «объект правоотно-

[105] См.: Протасов В.Н. Указ. соч. С.49-64.

шения», но и предлагает совершенно иные категории – «объект правовой деятельности» и «объект интереса», которые, по его мнению, не являются разновидностями объекта правоотношения, а находятся совершенно в разных плоскостях. Под объектами правовой деятельности понимаются предметы и явления материального и духовного мира, имеющие для правоотношения юридическое значение, а под объектами интереса – те блага, которые обязаны своим появлением и существованием правоотношению и отражают его целевое назначение, результативность. Круг последних чрезвычайно широк: объектами интереса могут быть и правоотношение в целом, и субъективное право, и правовое поведение, и объекты правового поведения, и результаты этого правового поведения. Причем, в отличие от объекта правовой деятельности, объект интереса во всяком случае наличествует в правоотношении (с.49).

К безусловным достоинствам подхода В.Н.Протасова, с нашей точки зрения, можно отнести четкое разграничение объектов собственно правовой деятельности и деятельности в ее широком философском понимании (с.56), а также указание на то, что объект правоотношения нельзя рассматривать в качестве его элемента (с.55). Тем не менее, обращает на себя внимание тот факт, что, утверждая о нетождественности объекта интереса и объекта правоотношения (с.51), автор фактически присоединяется к концепции «объект – благо» и заявляет, что «...отнесение к объектам правоотношений различных ... благ ... ни в каком противоречии с философским пониманием проблемы не находится» и что «в теории «объект – ...благо» объект правоотношения есть, по существу, объект интереса» (с.58). Но в этом случае не совсем ясно, почему тогда отрицается право на существование категории «объект правоотношения», ведь из только что приведенных цитат следует, что автор не видит принципиальной разницы между понятиями «объект правоотношения» и «объект интереса». Не опровергает это и ссылка автора на то, что «...с традиционных позиций в круг объектов правоотношения никогда не включалось само правоотношение или субъективное право» (с.51), поскольку указание на данное обстоятельство свидетельствует не о необходимости замены понятий («объект правоотношения» на «объект интереса»), а о существовании проблемы расширения объема категории «объект правоотношения».

Представляется, что исходным моментом верного понимания объекта правоотношения является ***разграничение общественного отношения и деятельности.*** Отношение как философская категория выражает характер расположения элементов системы и их взаимозависимости, именно благодаря отношениям – устойчивым статусным связям – возможна интеграция различных явлений. Разновидность отношений составляют общественные отношения, т.е. такие, которые возникают ме-

жду людьми на основе их совместной деятельности и в этом смысле являются ее результатом. Но это лишь одна грань общественного отношения, выступающего не только в виде результата, но и общественной формы деятельности, т.е., с одной стороны, отношения порождаются деятельностью, а с другой стороны, задают определенные рамки человеческой деятельности, формируют ее[106]. Таким образом, общественные отношения находятся в теснейшей взаимосвязи с поведением их участников с поведением их участников; вместе с тем, между ними нельзя «...ставить ...знак равенства. В общефилософском плане отождествление общественных отношений и деятельности есть отождествление связей ... с предметами (овеществленная деятельность) и процессами (живая деятельность), что уже само по себе вызывает возражение»[107]; «их единство, отнюдь не исключающее существенного различия, непреложная ... установка исследования социальной ...действительности»[108].

В связи с этим трудно согласиться с мнением авторов, считающих поведение участников правоотношения его объектом: общественное отношение и деятельность, скорее, соотносятся как содержание и форма, но не как субъект и объект. Нельзя рассматривать действия и в каче-

---

[106] Основы такого понимания заложил В.И.Ленин, отметивший, что идеологические отношения есть «результат (форма) деятельности человека, направленной на поддержание его существования» (Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1971. Т.1. С.149). Об объекте как результате деятельности также см.: Мамедов О.Ю. Производственные отношения: Политико-экономическая модель (материалы к спецкурсу). Ростов н/Д., 1997. С.110.

[107] Плетников Ю.К. Теория общественных отношений: сущность и актуальные проблемы // Социологические исследования. 1978. №2. С.24.

[108] Маркс. Философия. Современность / Под общей ред. Т.И.Ойзермана. М., 1988. С.176. Различают общественные отношения и деятельность многие другие философы (см., например: Айзикович А.С. Некоторые вопросы теории общественных отношений // Философские науки. 1979. № 6. С.32; Категории исторического материализма / Редкол. Н.И.Дряхлов и др. М., 1980. С.51; Мокроносов Г.В. Методологические проблемы исследования общественных отношений. Свердловск, 1972. С.9). В правовой литературе отдельные авторы также обращали внимание на недопустимость сведения общественных отношений к действиям (см., например: Фарбер И.Е. [Рецензия] // Правоведение. 1961. № 4. С.146. – Рец. на кн.: Вопросы общей теории советского права. Сб. статей / Под ред. С.Н.Братуся. М., 1960). Справедливости ради, надо также отметить, что некоторые представители философской науки, наоборот, отождествляют общественные отношения с деятельностью (см., например: Перфильев М.Н. Общественные отношения. Методологические и социологические проблемы. Л., 1974. С.103-107; Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С.237-254).

стве содержания юридического отношения (единственного[109] или наряду с правами и обязанностями[110]); содержанием правоотношения, определяющим его характер, являются только субъективные права и обязанности участников[111] (и то, здесь имеется известное допущение, обусловленное потребностями юридической науки, ибо содержанием общественных отношений в точном смысле слова будут связи между носителями этих отношений, выражающиеся в корреспонденции прав и обязанностей). Из данных положений, в частности, следует, что в сугубо научном, а не прикладном аспекте ни субъекты, ни объекты нельзя считать элементами правоотношения; в противном случае мы бы пришли к логическому противоречию, ведь то, что не относится к содержанию определенного явления (совокупности элементов и их взаимодействий), не может быть и элементом явления[112]. Но это отнюдь не приводит к бессубъектности или безобъектности правоотношения: отношений нет и не может быть самих по себе, они всегда существуют между кем-то и в связи с чем-то.

Сказанное позволяет сделать определенные выводы относительно ***меры возможного использования философской категории «объект»*** при характеристике объекта правоотношения. Дело в том, что проблема субъекта-объекта в философии имеет строго заданный ракурс: объект в его философском понимании соотносится с субъектом, основой же их сопоставления является познавательная и предметно-практическая деятельность; под субъектом, включенным в объективную действительность, понимается источник активности, носитель целенаправленной деятельности, а объект рассматривается как часть объективной реальности, которая включена в сферу познавательного и практического взаимодействия с субъектом, как то, на что направлена деятельность субъекта; объект всегда выделен практикой и в этом смысле отличается от объективной реальности вообще[113]. Следовательно, понятие объекта

---

[109] См.: Гревцов Ю.И. Социальный и юридический аспекты правоотношения // Правоведение. 1977. №2. С.12-13; Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С.210.

[110] См.: Азаров В.А. Содержание и форма оперативно-розыскных мероприятий // Государство и право. 1998. №10. С. 75.

[111] Такой подход к определению содержания правоотношения является наиболее признанным. См., например: Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.И.Денисова. М., 1980. С.326 (автор – Я.С.Михаляк).

[112] Взгляд, в соответствии с которым объект не является составной частью правоотношения, получил определенную поддержку в литературе. См.: Магазинер Я.М. Указ. соч. С.68; Халфина Р.О. Указ. соч. С.212; Яичков К.К. Указ. соч. С.133-135.

[113] См.: Абишев К.А., Акмамбетов Г.Г., Ротницкий В.И. Проблема субъекта и объекта в марксистской философии. Алма-Ата, 1975. С.17, 22-23; Борисов В.Н.,

правового отношения (как, впрочем, и любого другого общественного отношения) не может полностью отождествляться с философской категорией «объект», ибо в основе определения последней лежит деятельностный подход, а общественное отношение и деятельность не равнозначны. Поэтому методологически неверно безоговорочно распространять на объект правоотношения специально-философский смысл категории «объект»: «...социально-философское понимание объекта отличается от общефилософского использования этой категории, когда объектом именуют не предмет деятельностных усилий субъекта, а любое – додеятельностное или внедеятельностное – явление действительности»[114]. При этом, речь не идет об отказе от использования для характеристики юридического отношения понятия его объекта, так как субъект любого общественного отношения необходимо предполагает объект общественного отношения, который фокусирует направленность общественных связей. Последний же в философии «...соотносится с потребностями общественного человека, зависит от этих потребностей. Другими словами, объектом общественных отношений становится все то, что включается в сферу человеческих потребностей»[115], вследствие чего признание благ в качестве объектов не противоречит выводам философии. Поэтому, по нашему мнению, правомерно определять объект правоотношения как **материальное или нематериальное благо, по поводу обладания, приобретения, использования или охраны которого возникает и существует правовое отношение.** Сразу заметим, что *предприятие как имущественный комплекс*, несомненно, *можно рассматривать как благо, а следовательно, и в качестве объекта гражданских прав.*

Исходя из вышеизложенного, с учетом положений ст.128 ГК ***классификация объектов гражданских правоотношений***, с нашей точки зрения, должна выглядеть следующим образом:

а) вещи и имущественные права;

б) работы и услуги как результаты деятельности обязанного лица, выступающие объектами многих обязательственных отношений, в ча-

---

Духанин В.Н. Формирование научного знания в социально-экономическом исследовании (проблемы методологии научного познания). Саратов, 1974. С.25-27; Воронович Б.А., Плетников Ю.К. Категория деятельности в историческом материализме. М., 1975. С.11; Исторический материализм как методология познания и преобразования общественной жизни / Отв. ред. В.В. Денисов. М., 1987. С.53-55; Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980. С.21; Роль философии в научном исследовании / Под ред. А.А. Королькова, В.П. Бранского. Л., 1990. С.42-43; Сычев Н.И. Объективное и субъективное в научном познании. Изд-во Ростовского ун-та, 1974. С.20-21, 23.

[114] Момджян К.Х. Социум. Общество. История. М., 1994. С.236.

[115] Маркс. Философия. Современность. С.175.

стности, возникающих из договоров подряда, транспортной экспедиции, поручения, комиссии и др.;

в) информация, т.е. знания и сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления (ст.2 ФЗ от 25 января 1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации»[116]) научно-технического, технологического, коммерческого, служебного и иного характера;

г) результаты интеллектуальной деятельности (произведения литературы, науки, искусства, программы для ЭВМ и т.п.) и исключительные права на них.

Думается, что формулировка ст.128 ГК «результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них» является ошибочной (алогичной) и неправомерно использована по недопустимой в данном случае аналогии с определением имущества в этой же статье: результаты духовной деятельности и исключительные права не соотносятся между собой как общее и частное, а являются разнопорядковыми явлениями. В связи с этим существует необходимость редакционного уточнения: слова «в том числе» должны быть заменены на союз «и»;

д) нематериальные блага, примерный перечень которых дан в ст.150 ГК.

Применительно к нашей теме особо следует остановиться на рассмотрении ***имущественных прав как объектов гражданских прав.*** Если вещи традиционно рассматривались и законодателем, и большинством специалистов в качестве объектов правовых отношений (и прежде всего – отношений собственности), то причисление к объектам имущественных прав не столь общепризнанно, хотя и ранее отдельные авторы считали субъективные права одной из разновидностей объектов правоотношений[117]. Понимание имущественных прав в качестве специальных объектов восходит к делению в римском частном праве вещей на телесные («те, до которых можно дотронуться») и бестелесные («те, до которых нельзя дотронуться и которые определяются правом»). Однако подлинное признание за имущественными правами статуса объектов правоотношений обусловлено потребностями экономического оборота, участники которого все чаще вступают в правовые связи не по поводу конкретных материальных предметов, а именно «идеальных» имущественных объектов (прав требований и т.п.).

Особо следует подчеркнуть, что когда речь идет об имущественных правах как объектах, никакого смешения объекта правоотношения с правами и обязанностями, образующими содержание правоотношения, не происходит: в этом случае «правоотношение не направлено на

[116] СЗ РФ, 1995, № 8, ст.609.

[117] См., например: Явич Л.С. Право и социализм. М., 1982. С.128.

само себя»[118] (В.А.Тархов), так как его объектом выступают права, возникшие в рамках *иных* правоотношений. Имущественные права в этом случае являются одновременно содержанием и объектом *разных* юридических отношений.

Важно отметить, что *признание имущественных прав объектами правоотношений не делает их объектами вещных прав, последними могут быть только вещи – материальные предметы.* Данное доктринальное положение, однако, ставится под сомнение отдельными авторами. Наиболее активно в настоящее время за признание прав объектами вещных прав выступает М.И. Брагинский, ссылаясь, прежде всего, на ст.ст.48, 132, 807 ГК, ст.34 СК РФ, ст.35 Конституции РФ[119]. Вместе с тем, из других норм законодательства как раз следует обратное. Например, согласно п.1 ст.572 ГК по договору дарения даритель передает или обязуется передать вещь в собственность или имущественное право к себе или третьему лицу; в соответствии с п.2 ст.1050 ГК раздел имущества, находившегося в общей собственности товарищей по договору о совместной деятельности, и возникших у них общих прав требования осуществляется в установленном порядке. Определяя субъектов организации торгов, ГК относит к ним собственников вещей и обладателей имущественных прав (п.2 ст.447). Таким образом, в приведенных случаях законодатель включает в разряд объектов собственности только вещи.

Представляется, что говорить о собственности в отношении прав можно лишь в аспекте указания на их принадлежность определенному субъекту, что носит скорее прикладной, чем чисто юридический характер; это не более, чем условность, используемая в целях упрощения законодательной техники. В противном случае следовало бы вообще все права (права требования, исключительные, личные неимущественные и т.д.) признать объектом права собственности, что, естественно, лишено всякого смысла и фактически ведет к нивелированию категории вещных прав как специфических прав, имеющих особые процедуры защиты и т.п.

Убедительную критику воззрения на имущественные права как объекты права собственности дал Е.А.Суханов. По его мнению, «...это приведет лишь к усложнению реальной ситуации, ничего не добавляющему к статусу управомоченных лиц. Они, в частности, не смогут применить специальные вещно-правовые способы защиты своего права, например, истребовать такое «имущество» в натуре (вместо этого используется иск о признании права); произвести его отчуждение по нормам, регулирующим отчуждение вещей, и т.д. Ведь «продажа прав» в действитель-

[118] Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. Чебоксары, 1997. С.113.

[119] См.: Брагинский М.И. Гражданский кодекс и объекты права частной собственности // Журнал российского права. 1997. № 11. С.76-85.

ности есть их уступка (цессия) новым субъектам, т.е. смена субъекта права требования, а «аренда прав» фактически представляет ... субаренду ... имущества, сданного в аренду»[120]. Подобного взгляда придерживались и придерживаются многие авторы (Е.В.Васьковский, Д.М.Генкин, Н.Д.Егоров, Э.Г.Полонский и др.)[121], а также законодательство ряда зарубежных стран (§§90, 433 Германского гражданского уложения; ст.1302 ГК Португалии, ст.85 ГК Японии)[122].

Итак, к объектам гражданских прав относятся как вещи, так и имущественные права. Вместе с тем, гражданское законодательство и цивилистическая теория со времен Древнего Рима активно оперирует еще одним термином – «имущество»[123]. Однако его значение до сих пор вызывает споры; следует констатировать, что термин является чрезвычайно многозначным и может иметь самую разную смысловую нагрузку, на что неоднократно обращалось внимание в научной и учебной литера-

---

[120] Суханов Е.А. Право собственности и иные вещные права. Способы их защиты (комментарий к новому ГК) // Правовые нормы о предпринимательстве. М., 1996. Вып.3. С.41. В.А.Дозорцев отмечает, что «провозглашение объектом права собственности обязательственных прав и обязанностей или даже распространение на них хотя бы в какой-то части правового режима объекта права собственности безусловно ошибочно и способно вызвать лишь недоразумения на практике», и предлагает трактовку ст.35 Конституции РФ, не усматривая в ней положения о признании прав объектами вещных прав (см.: Дозорцев В.А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А.Хохлова / Отв. ред. А.Л.Маковский; Исследовательский центр частного права. М., 1998. С.232-233).

[121] См.: Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. Вып.II. Вещное право. Спб., 1896. С.103; Генкин Д.М. Право собственности в СССР. М., 1961. С.87; Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1997. С.583 (автор – Н.Д. Егоров); Полонский Э.Г. Субъекты и объекты права оперативного управления государственным имуществом // Правоведение. 1972. № 5. С.52.

[122] См.: Вагацума Сакаэ, Ариидзуми Тору. Гражданское право Японии: (В 2-х кн.). М., 1983. Кн.1. С.92, 93; Германское право. Часть I. Гражданское уложение. М., 1996. С.29; Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: Сборник нормативных актов: Гражданские и торговые кодексы. С.255.

[123] Правда, римское частное право то, что мы обычно понимаем под имуществом, в разные периоды своего развития, а также в разных ситуациях обозначало несколькими терминами: bona, facultates, patrimonium, proprietas, substantia (см.: Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения). М., 1989. С.437). Причем, они не являлись полностью идентичными по смыслу и содержанию.

туре[124]. Это требует детального рассмотрения вопроса о том, что есть ***имущество как правовая категория.*** Исследование данной проблемы, как мы увидим далее, имеет большое значение для правильного определения сущности предприятия как специфичного объекта гражданских прав.

С нашей точки зрения, следует говорить о *двух основных подходах к пониманию имущества, сложившихся в гражданско-правовой теории.* Первый подход, получивший наибольшее распространение у дореволюционных авторов, основан на недопустимости отождествления имущества с вещами или иными благами, взятыми в отдельности; под имуществом в этом случае подразумевают *всю* «...совокупность юридических отношений личности (субъекта прав), могущую быть оцененной на деньги, или известный комплекс этих отношений...»[125]. Именно в рамках данного подхода ученые пытались дать абстрактное определение имущества, не ограничиваясь простым перечислением относящихся к нему элементов. Так, К.П.Победоносцев рассматривал имущество как «внешние блага..., составляющие, по отношению к личности человеческой, внешнюю ее принадлежность, внешнее ее дополнение»[126].

Полагаем, что рассмотренный подход имеет немало достоинств: в частности, он позволяет избежать смешения понятий «имущество» и «вещь». Однако употребление термина «имущество» не только в смысле некой совокупности объектов (наследственной или конкурсной массы и т.п.), но и для обозначения конкретных, единичных объектов (как правило, материальных предметов) настолько укоренилось в законотворческой практике, что изменение взглядов законодателя на этот счет вряд ли возможно. Это в значительной мере объясняет существование второго подхода к определению имущества, когда констатируется многоплановость исследуемого понятия и приводятся различные варианты его значений. Как правило, выделяют следующие значения термина: имущество как вещи (их совокупность), имущество как совокупность вещей и имущественных прав (или совокупность только имущественных прав), имущество как совокупность вещей, имущественных прав и обязанностей (или совокупность имущественных прав и обязанностей).

Современное российское законодательство также не вкладывает в понятие «имущество» одинаковый смысл. К числу вариантов употребления законодателем рассматриваемого термина (которые отлича-

---

[124] См., например: Те А.В. Реализация неиспользуемого имущества государственного предприятия. М., 1976. С.8; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). С.95.

[125] Имущество // Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона 1890 г. Ярославль, 1991. Т.25. С.28.

[126] Победоносцев К. Курс гражданского права: В 3-х частях. Спб., 1896. Т.3. С.1.

ются друг от друга перечнем элементов – объектов прав, включаемых в состав имущества) относятся следующие:

1) под имуществом понимаются *отдельные вещи или их совокупность*, т.е. имеются в виду определенные материальные («телесные») объекты внешнего мира (см., например: п.2 ст.15, ст.211, п.4 ст.218, п.2 ст.561, п.3 ст.564, п.2 ст.690, п.1 ст.705, п.2 ст.947, ст.1064 ГК). Речь в данном случае идет об ограничительном толковании понятия имущества, сложившемся на начальных стадиях формирования цивилистической науки и наиболее близком обыденному пониманию имущества;

2) имущество – это *вещи, а также имущественные права* (см., например: ст.336, п.п.3-6 ст.582 ГК). Включение в состав имущества наряду с вещами имущественных прав (и прежде всего – прав требования, возникающих из обязательств) вызвано потребностями хозяйственного оборота и отражает развитие представлений на правовую сущность обязательства[127].

Данный подход полностью соответствует определению имущества, содержащемуся в ст.128 ГК. Вместе с тем, в юридической литературе довольно часто говорят об имуществе не как совокупности вещей и имущественных прав, а как совокупности только имущественных прав[128]. Несмотря на кажущуюся несовместимость этих позиций, между ними нет непреодолимой «китайской стены». Убедительно показал это французский правовед Р.Саватье в своем крупном исследовании «Теория обязательств». «Всякое имущество состоит из прав, – пишет Р.Саватье, – с той особенностью, что право собственности часто смешивают с ...вещью, объектом которого она является. ...Вместо того, чтобы сказать: «У меня есть право собственности на это имущество», говорят: «У меня есть это имущество»; сказать так проще и быстрее»[129]. Таким образом, когда под имуществом подразумевается единство вещей и имущественных прав, к последним теоретически неверно относить право собственности, право хозяйственного ведения и право оперативного управления, т.е. вещные права, предоставляющие их субъекту возможность наиболее полного господства над вещью.

Следует отметить, что имущество в рассматриваемых значениях не всегда является объектом гражданских прав. Например, говоря об имуществе, принадлежащем определенному субъекту в конкретный мо-

---

[127] По этому поводу см.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С.240-241.

[128] См., например: Вильнянский С.И. Указ. соч. С.155; Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права: Том I. Полутом 2. М., 1950. С.59.

[129] Саватье Р. Указ. соч. С.56. Сходные доводы приводит Л.Жюллио де ла Морандьер (см.: Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции. М., 1958. С.64).

мент (имущество в статике), при понимании имущества в качестве совокупности вещей и имущественных прав вещи будут являться объектом вещных прав, а имущественные права – входить в содержание различных правоотношений, в которых участвует этот субъект; если же придерживаться взгляда на имущество как совокупность имущественных прав, то оно вообще полностью относится к содержанию правоотношений. Иное дело, когда речь идет об обязательственных отношениях: их объектом могут одновременно выступать и вещи, и имущественные права. Данное замечание представляется чрезвычайно важным, поскольку, как мы увидим далее, такая ситуация складывается с предприятием.

Проблема отнесения имущественных прав к имуществу не является сугубо теоретической: в частности, от положительного или отрицательного ее разрешения напрямую зависит возможность обращения взыскания на принадлежащие лицу имущественные права. Об этом свидетельствует и судебная практика. Так, ОАО «Щекиноазот» обратилось в Верховный Суд РФ с жалобой о признании недействительной Временной инструкции о порядке ареста и реализации прав (требований), принадлежащих должнику как кредитору по неисполненным денежным обязательствам третьих лиц по оплате фактически поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг (дебиторской задолженности) при обращении взыскания на имущество организаций-должников, утвержденной приказом Минюста РФ от 3 июля 1998 г. №76[130]. Данная инструкция, включив права (требования) в состав имущества (п.1), регламентирует специфику обращения взыскания на дебиторскую задолженность. Оспаривая инструкцию, ОАО «Щекиноазот», в частности, сослалось на то, что арест может налагаться исключительно на имущество должника, а не на права требования. Судебная инстанция справедливо отвергла этот довод, указав в своем решении, что, в соответствии со ст.128 ГК, к объектам гражданских прав относятся вещи, иное имущество, в том числе имущественные права; следовательно, права (требования), принадлежащие должнику как кредитору по неисполненным денежным обязательствам третьих лиц, являются имуществом должника[131].

Итак, ГК в ст.128 однозначно высказался на счет включения имущественных прав в состав имущества; из этого исходит и судебная практика. Вместе с тем, в отдельных правовых актах имущественные права рассматриваются не как составной элемент имущества, но как объект,

[130] См.: Экономика и жизнь, 1998, № 29. С.11-12.

[131] См.: Хомчик Т. Обвинения в адрес Инструкции // Экономика и жизнь. 1999. №20. С.24.

существующий наряду с другим самостоятельным объектом – имуществом. Например, такая ошибка допускается в абз.3 ст.2 ФЗ 25 июня 1999 г. «Об иностранных инвестициях в РФ»[132]. Ее объяснение, полагаем, следует искать не в каком-либо особом понимании законодателем термина «имущество», а в обычных просчетах разработчиков законопроектов, обусловленных, в том числе, неразличением обыденного и юридического смыслов исследуемого термина;

3) имущество в расширительном понимании – это *объединение не только вещей и имущественных прав* (актива), *но и имущественных обязанностей* (долгов, пассива). Наиболее типичный пример такого понимания представляет имущество, относящееся к предприятию: в состав последнего «входят все виды имущества ..., включая ...долги» (п.2 ст.132 ГК). Таким образом, предприятие есть единство наличного («положительного») и долгового («отрицательного») имущества – обязанностей, возникших в связи с использованием предприятия в предпринимательской деятельности.

Дискуссионным является вопрос об отнесении долгов к наследственному имуществу: одни авторы рассматривают наследственное имущество как совокупность имущественных прав и обязанностей наследодателя, которые переходят к наследникам[133], другие – лишь как совокупность имущественных прав, считая, что долги наследодателя представляют собой обременение наследственного имущества[134]. Из ч.3 ст.538 и ст.553 ГК РСФСР 1964 г. формально вытекает, что имущество включает лишь актив (данные статьи предусматривают, что долги наследодателя находятся за пределами действительной стоимости имущества). И тем не менее, исходя из того, что наследование влечет универсальное правопреемство (переход всех, за некоторыми исключениями, прав и обязанностей), а долги не существуют и не переходят к наследникам отдельно от актива наследственной массы, представляется, что более правильным является рассмотрение наследственного имущества в качестве совокупности прав и обязанностей;

4) в состав имущества также входят *исключительные права.*

---

[132] СЗ РФ, 1999, №28, ст.3493.

[133] См., например: Антимонов Б.С., Граве К.А. Советское наследственное право. М., 1955. С.70; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Отв. ред. О.Н.Садиков. М., 1997. С.173 (автор – М.Г.Масевич).

[134] См., например: Серебровский В.И. Очерки советского наследственного права. В кн.: Серебровский В.И. Избранные труды. М., 1997. С.55-57. Подобная точка зрения существует и у некоторых зарубежных авторов (см.: Эннекцерус Л. Указ. соч. С.60).

Отнесение к имуществу исключительных прав не является бесспорным и во многом зависит от определения правовой природы интеллектуальной собственности. Следует признать, что в современном российском законодательстве проблема понимания исключительных прав и определения их места в системе гражданских прав не нашла однозначного решения. Так, ГК в ст.128 разграничивает имущественные права, относящиеся к имуществу, и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности; аналогично решается вопрос в п.1 ст.2, п.1 ст.8, п.1 ст.656 ГК. Вместе с тем, п.1 ст.1013 ГК уже относит исключительные права, являющиеся объектом доверительного управления, к имуществу, а п.6 ст.66 ГК допускает возможность внесения в качестве вклада в имущество хозяйственного товарищества или общества не только имущественных, но и иных прав, имеющих денежную оценку, под которыми понимаются, в частности, права пользования объектами интеллектуальной собственности, переданные в соответствии с лицензионным договором, который должен быть зарегистрирован в установленном порядке (п.17 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой ГК РФ»[135]). Аналогичные положения содержатся и в ст.15 ФЗ от 14 января 1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью»[136], а также ст.34 ФЗ от 24 ноября 1995 г. «Об акционерных обществах»[137]. Редакция п.2 ст.132 ГК («в состав предприятия ... входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, ...а также ...исключительные права») вообще дает повод для одновременного существования двух противоположных мнений: исключительные права – разновидность имущества и интеллектуальная собственность – самостоятельный объект прав.

Полагаем, что решение вопроса о возможности или невозможности включения исключительных прав в состав имущества напрямую связано с выяснением их места в системе гражданских прав – имущественных и личных неимущественных. По нашему мнению, **необходимо отграничивать исключительные права, с одной стороны, от вещных и обязательственных имущественными правами, а с другой – от личных неимущественных прав.**

Во-первых, исключительные права хоть и имеют, как вещные, абсолютный характер, по целому ряду причин не могут отождествляться с ними, и прежде всего – с правом собственности. Специфика результатов интеллектуальной деятельности как особых объектов, имеющих

[135] Вестник ВАС РФ. 1996. № 9. С.9.

[136] СЗ РФ, 1998, № 7, ст.785; 1998, № 28, ст.3261; 1999, № 1, ст.2; Российская газета, 2001, 9 августа.

[137] СЗ РФ, 1996, № 1, ст.1; 1996, № 25, ст.2956; 1999, № 22, ст.2672.

нематериальный характер, моральную, а не физическую амортизацию, способность к использованию неограниченное количество раз сразу многими субъектами и т.п., влечет невозможность владения и пользования ими в обычном смысле. Поэтому представляется верной ставшая господствующей точка зрения, отрицающая проприетарную концепцию исключительных прав[138].

Во-вторых, необходимо четко отграничивать исключительные права от обязательственных; последние, в отличие от первых, есть права относительные. Они могут составлять содержание правоотношений, возникающих из различных договоров, предметом которых выступают исключительные права (авторские и лицензионные договоры, договоры коммерческой концессии). Т.е. соответствующие обязательственные имущественные права могут возникать и существовать по поводу тех или иных исключительных прав, но они не отождествляются с ними.

В-третьих, действующее гражданское законодательство исходит из того, что исключительные права носят имущественный характер. Это, в частности, следует из сопоставления ст.ст.128, 138, 150 ГК: в ст.128 ГК исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и нематериальные блага выделяются в самостоятельные виды объектов гражданских прав; под нематериальными же благами законодатель понимает, в том числе, права авторства и иные личные неимущественные права (ст.150 ГК). Следовательно, исключительные права, краткой характеристике которых специально посвящена отдельная статья ГК (ст.138), не являются по логике законодателя личными неимущественными правами[139]. Аналогичный вывод может быть сделан и в результа-

---

[138] См., например: Богуславский М.М. Покупка и продажа лицензии в СССР // Сов. государство и право. 1968. № 5. С.55; Зенин И.А. Гражданское и торговое право капиталистических стран. М., 1992. С.128-129; Его же. Промышленная собственность и «ноу-хау» советско-германских совместных предприятий // Вестник Московского ун-та. Серия 11 «Право». 1992. № 1. С.17; Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР (часть I). Л., 1975. С.23; Калмыков Ю.Х. Избранное: Труды. Статьи. Выступления. М., 1998. С.107-108; Кузнецов М.Н. Правовые вопросы охраны интеллектуальной собственности в международном частном праве. Учебное пособие. М., 1977. С.6; Его же. Охрана результатов творческой деятельности в международном частном праве: Монография. М., 1988. С.61; Попондопуло В.Ф. Правовой режим предпринимательства. Спб., 1994. С.142; Сергеев А.П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР. Л., 1990. С.19.

[139] Взгляда на исключительные права как разновидность имущественных прав придерживаются многие авторы (см.: Гаврилов Э. Общие нормы ГК и исключительные права авторов // Российская юстиция. 2000. № 1. С.17; Олехнович Г.И., Боровская Е.А., Чистый Н.В. Нематериальные активы и механизм их использования в экономическом обороте предприятий. Минск, 1997. С.40). В литературе

те анализа ст.ст.15, 16 Закона РФ от 9 июля 1993 г. «Об авторском праве и смежных правах»[140]: в ст.15 речь идет о личных неимущественных правах автора, а в ст.16 – об имущественных, которые определяются как исключительные права автора на использование произведения (п.2). Такой же подход к определению имущественных прав демонстрирует и Закон РФ от 23 сентября 1992 г. «О правовой охране топологий интегральных микросхем»[141] (ст.5).

Итак, несмотря на то, что исключительные права нельзя считать вещными или обязательственными, недопустимо и отрицать их имущественный характер: в отличие от личных неимущественных прав, они могут быть оценены в денежном выражении, на них может обращаться взыскание. Помимо прочего, исключительные права отчуждаемы, тогда как нематериальные блага неотчуждаемы и непередаваемы иным способом (п.1 ст.150 ГК). В связи с этим включение интеллектуальной собственности в состав имущества (а значит – и в состав предприятия как имущественного комплекса) имеет по собой серьезную теоретическую почву.

Итак, для гражданского законодательства характерно многовариантное употребление термина «имущество». Причем *применительно к предприятию как имущественному комплексу речь идет о самом широком его понимании.*

В заключение представляется необходимым затронуть еще один дискуссионный вопрос – ***проблему соотношения объекта правоотношения*** (этот термин наиболее часто употребляется в юридической литературе) ***с объектом субъективных юридических прав и обязанностей.*** Отдельные авторы относят данные понятия к числу самостоятельных правовых категорий (А.П.Дудин, Н.И.Матузов, Х.В.Сепп, А.К.Стальгевич и др.)[142]. И все же большинство ученых, к мнению которых присоединяем-

---

распространен и иной подход к пониманию природы исключительных прав, когда они рассматриваются как единство имущественных и личных неимущественных правомочий (см., например: Гульбин Ю. Охрана прав авторов программного обеспечения ЭВМ // Российская юстиция. 1997. № 5. С.45; Дюма Р. Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции. М., 1989. С.18-19; Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 1996. С.14, 18-19, 189).

[140] Ведомости...РФ, 1993, № 32, ст.1242; СЗ РФ, 1995, № 30, ст.2866.

[141] Ведомости...РФ, 1992, № 42, ст.2328.

[142] См.: Дудин А.П. Указ. соч. С.43-68; Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С.237-239; Сепп Х.В. К вопросу о сущности гражданского правоотношения // Особенности правового положения субъектов и объектов имущественных и личных неимущественных отношений в развитом социалистическом обществе. Тарту,

ся и мы, не видят смысла в их разграничении (Я.М.Магазинер, В.А.Тархов, Ю.Г.Ткаченко, В.Н.Щеглов и др.)[143]. Данный подход представляется нам более состоятельным как с теоретической, так и с практической точек зрения. Ведь суть правоотношения заключается именно во взаимодействии прав и обязанностей, составляющих специфическое содержание юридического отношения; поэтому вряд ли имеются серьезные предпосылки для проведения водораздела между объектом правоотношения и объектами прав и обязанностей. Уместно также заметить, что законодатель иногда употребляет выражение «права и обязанности» для обозначения явления, именуемого в науке правоотношением: так, согласно ст.153 ГК, сделками признаются действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей; в теории же не вызывает споров, что сделка как разновидность юридического факта влечет возникновение (изменение, прекращение) юридического отношения. Поэтому в своей работе мы будем использовать *термины «объект правоотношения» и «объект субъективных юридических прав и обязанностей»* как *равнозначные.*

1.2.2. Проблема правосубъектности предприятия в юридической литературе

Начиная со второй половины прошлого столетия правоведы пытаются разрешить вопрос определения юридической сущности предприятия. Специальная литература по торговому праву «богата» различием подходов, концепций, аргументов. Однако единство в понимании предприятия среди ученых до сих пор отсутствует; сказать, что дискуссия о правовой природе предприятия завершена, не представляется возможным (это относится и к современной отечественной литературе, даже несмотря на то, что новый ГК в ст.132 однозначно отнес предприятие к объектам прав).

Как и законодательство, «...юридическая мысль пошла двумя основными путями. Плененные экономическим явлением предприятия – участника хозяйственного оборота, одни юристы «персонализировали» его, объявили субъектом прав, другие, перед лицом растущей оборото-

1986. С.13; Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений // Сов. государство и право. 1957. №2. С.30.

[143] См.: Магазинер Я.М. Указ. соч. С.69; Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. С.111; Ткаченко Ю.Г. Социалистические правоотношения. С.28-30; Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. С.22.

способности предприятия, признали в нем ...объект прав»[144]. В число сторонников воззрения на предприятие как самостоятельный субъект прав и обязанностей входили такие известные дореволюционные авторы, как А.Моммзен, Эндеманн, Табор[145], П.Цитович[146] (хотя в состав предприятия они включали и имущество). По-видимому, к этой позиции склонялся и Г.Ф. Шершеневич, поместивший параграф о торговом предприятии в отдел учебника по торговому праву под названием «Субъекты торговых сделок». Однако полной ясности в вопросе о том, что есть предприятие – субъект или объект, Г.Ф. Шершеневич не внес: рассмотрев предприятие в качестве экономически и юридически (до определенной степени) самостоятельного менового хозяйства, являющегося совокупностью не только имущественных средств (заведение, товары, касса, права), но и личных (предприниматель и вспомогательный персонал), автор заявил, что «с юридической стороны торговое предприятие объективируется, и предприниматель оказывается, как субъект того особого имущества, которое называется торговым предприятием, вне этого последнего»[147]. Но из данного утверждения как раз и следует, что предприятие есть объект, а не субъект. Другая группа авторов однозначно высказалась за признание предприятия объектом прав (Вольф, А.И.Каминка, Лабанд, Писко и др.)[148].

В советской юридической литературе изучение предприятия осуществлялось, главным образом, с точки зрения его правосубъектности, поскольку наиболее распространенным смысловым значением исследуемого термина в законодательстве было определение предприятия как организации, наделенной (или ненаделенной) правами юридического лица. И это вполне естественно: так же, как быстро развивавшийся на рубеже веков оборот предприятий послужил толчком к активизации научных исследований феномена предприятия, фактический запрет оборота предприятий в послереволюционное время сделал изучение предприятия как объекта не слишком актуальным. Вновь эта тема громко прозвучала в работах известного советского ученого А.В.Карасса – «Социалистическое предприятие как объект права собст-

---

[144] Флейшиц Е.А. Указ. соч. С.18.

[145] Обзор их взглядов см.: Розенберг В. Торговое имя, фирма и торгово-промышленное предприятие. С.286.

[146] Это следует, в частности, из отождествления П. Цитовичем предприятия и товарищества (см.: Цитович П. Проект положения об акционерных обществах // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. Книга третья. Май. С.108).

[147] См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 года). М., 1994. С.70-75.

[148] См.: Каминка А.И. Указ. соч. 1912. С.114-116; Розенберг В. Торговое имя, фирма и торгово-промышленное предприятие. С.287 (обзор взглядов Лабанда).

венности государства» (1951 г.)[149] и «Право государственной социалистической собственности (объекты и содержание)» (1954 г.)[150].

В связи с включением в новый ГК специальной статьи о предприятии как объекте гражданских прав, а также комплекса норм, регулирующих отношения по продаже и аренде предприятия, спор по поводу правосубъектности предприятия в значительной степени утратил былую полемичность. Вместе с тем, некоторые авторы не считают новеллу ГК достоинством законодательства и высказываются за рассмотрение предприятия только в качестве субъекта правоотношений. Так, В.К.Андреев резко негативно отозвался о трактовке в ст.132 ГК предприятия как объекта: «нарушать традиционно сложившееся в России представление о предприятии как субъекте права недопустимо»[151]. Этот аргумент, однако, не может нас убедить потому, что и в ранее действовавшем законодательстве предприятием обозначался не только субъект, но и объект прав.

Более весомые доказательства в защиту взгляда на предприятие как субъект приводят Н.И.Клейн и В.В.Чубаров. По их мнению, «упоминание в определении прав требования, долгов и ряда исключительных прав предприятия дает основание полагать, что в ст.132 ГК, по существу, содержится определение предприятия как субъекта гражданских прав. Такой вывод основан на том, что и права требования, и долги, и исключительные права могут принадлежать только субъекту права»[152]. Как представляется, одной из причин существования этой позиции является неудачная редакция п.2 ст.132 ГК: упоминание о «правах на обозначения, индивидуализирующих предприятие, его продукцию, работы и услуги» дает повод для упрека законодателя в непоследовательности при характеристике предприятия как объекта. Вместе с тем, комплексное изучение норм первой и второй частей ГК позволяет сделать вывод о том, что предприятие есть объект, а не субъект гражданских прав (в частности, в п.1 ст.132 говорится о предприятии как недвижимом имуществе; в п.2 ст.559 – о средствах индивидуализации не предприятия, а продавца предприятия, товаров, работ и услуг продав-

---

[149] Изв. АН СССР. Отделение экономики и права. 1951. № 4. С.246-257.

[150] За «гипертрофированное» исследование предприятия как объекта права собственности А.В. Карасс был даже подвергнут критике (см.: Райхер В.К. [Рецензия] // Сов. государство и право. 1955. №1. С.122. – Рец. на кн.: Карасс А.В. Право государственной социалистической собственности. М., 1954).

[151] Андреев В.К. Проблемы правосубъектности в предпринимательской деятельности // Правовое регулирование предпринимательской деятельности / Под ред. В.В. Лаптева. М., 1995. С.21.

[152] Гражданское право России. Часть вторая. Обязательственное право: Курс лекций / Отв. ред. О.Н.Садиков. М., 1997. С.151.

ца; в п.1 ст.656 – о правах и долгах арендодателя, относящихся к предприятию).

«...Когда законодатель упоминает в составе имущества предприятия как единого имущественного комплекса права требования и долги, – справедливо замечает В.В.Витрянский по поводу точки зрения Н.И.Клейн и В.В.Чубарова, – он имеет в виду, конечно же, права требования и долги по обязательствам собственника предприятия, связанным с деятельностью этого имущественного комплекса. ...предприятие, не будучи юридическим лицом, в принципе не может иметь никаких прав и обязанностей»[153]. Кроме того, само по себе наличие в составе имущественного комплекса прав и обязанностей, принадлежащих субъекту, не влечет того, что этот имущественный комплекс становится субъектом; в соответствии со ст.128 ГК имущественные и исключительные права относятся к объектам гражданских прав и могут выступать как в составе предприятия, так и в отдельности предметом различных сделок (например, договора коммерческой концессии, соглашения о переводе долга, договора дарения и др.).

В пользу признания предприятия субъектом склоняется С.П.Бортников, утверждающий, что «...отнесение предприятия к объекту права порождает немало проблем». Данное заключение обосновывается тем, что «только юридическое лицо, являясь собственником предприятия, должно определять судьбу этого имущества. Но при купле-продаже, дарении и т.п. вместе с имуществом связываются некоторые изменения и в судьбе самого распорядителя. Итогом любой вышеуказанной сделки всегда является переход собственности от одного лица к другому, что же наблюдается в нашей ситуации? После завершения сделки собственник остается тот же»[154]. Приведенное мнение представляется небесспорным. В частности, не вполне понятно, почему при купле-продаже (дарении) предприятия его собственник остается тот же, ведь предприятие принадлежит не самому себе, а конкретному субъекту гражданского права (о какой купле-продаже или дарении тогда вообще можно говорить?).

Далее С.П.Бортников пишет: «...не следует рассматривать предприятие лишь как объект определенных правовых отношений и лишь как обособленное в определенном порядке имущество. Предприятие – это сложная система отношений, системообразующим элементом которых является предприниматель..»[155]. В свою очередь, мы можем возразить,

---

[153] Витрянский В.В. Договор купли-продажи и его отдельные виды. М., 1999. С.268.

[154] Бортников С.П. Товарищество на вере (коммандитное товарищество). Самара, 1999. С.20.

[155] Бортников С.П. Указ. соч. С.23.

что не следует рассматривать предприятие и лишь как субъект правоотношений.

А.Е.Черноморец, выступая против отождествления предприятия с имуществом, указывал, что «...живую ткань, социальную основу предприятий составляют люди, объединившиеся для достижения общей хозяйственной цели. Они образуют ту совокупную рабочую силу, которая приводит в движение средства производства, без соединения с ней это – мертвый капитал»[156], а потому предприятие не является объектом.

Мы полностью согласны с тем, что ни при каких условиях трудовой коллектив не может стать объектом гражданских прав. Но *из этого*, с нашей точки зрения, *следует вовсе не то, что предприятие не является объектом, а то, что в состав предприятия-объекта не входят и не могут входить люди*, осуществляющие эксплуатацию предприятия как имущественного комплекса. Если мы подразумеваем под предприятием социальную организацию, т.е. устойчивую социальную группу с регламентированным поведением людей (В.И.Франчук)[157], сложную систему взаимодействия между работниками, состоящую из формальной, социотехнической, внеформальной и социально-психологической подсистем (Г.Саймен, Дж.Марч)[158], то, естественно, данный социальный организм не может быть объектом правоотношений. Но гражданское законодательство и не относит людей к компонентам предприятия. **Объективное же существование функционирующих сложных имущественных комплексов, имеющих денежную оценку,** которые традиционно обозначаются термином «предприятие», **вызывает потребность в их регламентации как объектов.** Как отмечал В.Розенберг, «...предприятие, само по себе, представляет известную, иногда очень большую экономическую ценность, совершенно независимую от его составных частей. ...все то, что способно иметь объективную ценность, становится, обыкновенно, предметом оборота»[159], а следовательно – и объектом гражданских прав.

Таким образом, **характеристика предприятия как объекта**, несомненно, **имеет право на существование**. Другое дело, что **нельзя говорить о предприятии – объекте, видя в нем социальную, а не имущественную организацию**. Предприятие-объект эксплуатируется трудовым коллективом (предприятием-организацией), но применительно к гражданско-

---

156 Черноморец А.Е. Логико-лингвистический аспект теории права собственности // Государство и право. 1993. № 11. С.22.

157 См.: Франчук В.И. Основы современной теории организаций. М., 1995. С.5.

158 Цит. по: Пригожин А.И. Организации: системы и люди. Эффективность трудовых организаций в социалистическом обществе. М., 1983. С.32.

159 Розенберг В. Торговое имя, фирма и торгово-промышленное предприятие. С.283.

му праву не отождествляется с ним; работники вступают в трудовые отношения не с предприятием, а с физическим или юридическим лицом, которому это предприятие принадлежит. Кстати сказать, нам представляется, что *многочисленные споры по поводу правомерности рассмотрения предприятия в качестве объекта были вызваны именно тем, что под предприятием понимался не чисто имущественный, а социально-имущественный комплекс.*

Итак, предприятие как объект не есть социальная организация. Четкое разграничение понятий «юридическое лицо» («организация») и «предприятие» необходимо для правильного применения закона. В частности, отрицание правосубъектности за предприятием-объектом позволяет не допустить смешение договора доверительного управления предприятием как имущественным комплексом (гл.53 ГК) с договором о передаче полномочий исполнительного органа управляющему (п.3 ст.103 ГК, п.1 ст.69 ФЗ «Об акционерных обществах», ст.42 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»)[160]. В последнем случае мы наблюдаем управление деятельностью организации, осуществляемое посредством реализации управляющим установленных законом и учредительными документами функций органа юридического лица. При доверительном управлении предприятием объектом управления выступает не организация, а непосредственно имущественный комплекс, ей принадлежащий. Кроме того, в результате заключения договора о передаче полномочий исполнительного органа хозяйственное общество, передавшее полномочия, приобретает статус дочернего общества (п.1 ст.105 ГК). При доверительном управлении предприятием этого не происходит; доверительный управляющий и учредитель управления, являясь автономными участниками гражданско-правовой жизни, не имеют возможности определять решения друг друга (естественно, если отсутствуют иные юридические основания для признания организации дочерним обществом).

В заключение хочется отметить, что дискуссии по поводу правовой природы предприятия не ограничивались борьбой сторонников признания предприятия субъектом или объектом прав. Мы уже говорили, что ряд авторов вообще отказывал категории «предприятие» в «праве на юридическую жизнь», считая предприятие чисто экономическим (хозяйственным), а не правовым явлением. С таким взглядом на предприятие тесно связан еще один подход к определению предприятия, не

[160] На различие указанных договоров специально обращают внимание Н.Д.Егоров и Е.А.Суханов (см.: Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1997. С.586-587 (автор – Н.Д.Егоров); Суханов Е.А. Договор доверительного управления имуществом // Вестник ВАС РФ. 2000. № 1. С.81).

получивший, правда, поддержки и развития в литературе. Его автором является известный российский дореволюционный цивилист А.Х.Гольмстен, рассмотревший предприятие как определенную отрасль деятельности (экономический, но не юридический институт). «Торговым предприятием, – писал ученый, – именуется определенная отрасль торговой деятельности, обособленная, с объективной стороны, известным родом сделок и товаров, а с субъективной – как профессия определенного лица; так, торговым предприятием будет банкирское предприятие, заключающееся в том, что банкир профессионально занимается известными сделками...»; «в торговом предприятии обособляется ... отрасль торговли, а не имущество»[161]. Таким образом, в предприятии видится не некий статичный объект (организация или имущественный комплекс), а непосредственная деятельность купца; торговые же помещения, документы, книги и т.д. являются не системообразующими (составными) элементами торгового предприятия, а его принадлежностями (внешними проявлениями), без которых торговая деятельность невозможна.

Данное понимание соответствует одному из распространенных значений слова «предприятие» – предприятие как дело; действительно, мы нередко употребляем это слово для характеристики какого-то начинания, имеющего динамичное развитие. И все-таки, в законодательстве рассматриваемый подход не нашел поддержки (как в прошлом, так и в настоящем), за исключением, как отмечалось, законодательства США. Думается, что для этого не имеется и серьезных теоретических или практических предпосылок: анализ деятельности предпринимателя как таковой имеет значение скорее для социологии права, чем гражданского законодательства. Кроме того, для обозначения предпринимательства как рисковой деятельности, направленной на извлечение прибыли, российское право оперирует понятием «предпринимательская деятельность» (п.1 ст.2 ГК). В связи с этим нет никакого смысла нормативно обозначать одно и то же явление разными терминами.; вместе с тем, между ними нельзя «...ставить ... знак равенства. В общефилософском плане отождествление общественных отношений и деятельности есть отождествление связей ... с предметами (овеществленная деятельность) и процессами (живая деятельность), что уже само по себе вызывает возражение»[162]; «их единство, отнюдь не исключающее существенного различия, непреложная ...установка исследования социальной ...действительности»[163].

---

[161] Гольмстен А.Х. Указ. соч. С.38, 40.

[162] Плетников Ю.К. Теория общественных отношений: сущность и актуальные проблемы // Социологические исследования. 1978. №2. С.24.

[163] Маркс. Философия. Современность / Под общей ред. Т.И.Ойзермана. М., 1988. С.176. Различают общественные отношения и деятельность многие другие

В связи с этим трудно согласиться с мнением авторов, считающих поведение участников правоотношения его объектом: общественное отношение и деятельность, скорее, соотносятся как содержание и форма, но не как субъект и объект. Нельзя рассматривать действия и в качестве содержания юридического отношения (единственного[164] или наряду с правами и обязанностями[165]); содержанием правоотношения, определяющим его характер, являются только субъективные права и обязанности участников[166] (и то, здесь имеется известное допущение, обусловленное потребностями юридической науки, ибо содержанием общественных отношений в точном смысле слова будут связи между носителями этих отношений, выражающиеся в корреспонденции прав и обязанностей). Из данных положений, в частности, следует, что в сугубо научном, а не прикладном аспекте ни субъекты, ни объекты нельзя считать элементами правоотношения; в противном случае мы бы пришли к логическому противоречию, ведь то, что не относится к содержанию определенного явления (совокупности элементов и их взаимодействий), не может быть и элементом явления[167]. Но это отнюдь не приводит к бессубъектности или безобъектности правоотношения: отношений нет и не

философы (см., например: Айзикович А.С. Некоторые вопросы теории общественных отношений // Философские науки. 1979. № 6. С.32; Категории исторического материализма / Редкол. Н.И. Дряхлов и др. М., 1980. С.51; Мокроносов Г.В. Методологические проблемы исследования общественных отношений. Свердловск, 1972. С.9). В правовой литературе отдельные авторы также обращали внимание на недопустимость сведения общественных отношений к действиям (см., например: Фарбер И.Е. [Рецензия] // Правоведение. 1961. № 4. С.146. – Рец. на кн.: Вопросы общей теории советского права. Сб. статей / Под ред. С.Н. Братуся. М., 1960). Справедливости ради, надо также отметить, что некоторые представители философской науки, наоборот, отождествляют общественные отношения с деятельностью (см., например: Перфильев М.Н. Общественные отношения. Методологические и социологические проблемы. Л., 1974. С.103-107; Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С.237-254).

[164] См.: Гревцов Ю.И. Социальный и юридический аспекты правоотношения // Правоведение. 1977. №2. С.12-13; Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С.210.

[165] См.: Азаров В.А. Содержание и форма оперативно-розыскных мероприятий // Государство и право. 1998. №10. С. 75.

[166] Такой подход к определению содержания правоотношения является наиболее признанным. См., например: Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.И.Денисова. М., 1980. С.326 (автор – Я.С.Михаляк).

[167] Взгляд, в соответствии с которым объект не является составной частью правоотношения, получил определенную поддержку в литературе. См.: Магазинер Я.М. Указ. соч. С.68; Халфина Р.О. Указ. соч. С.212; Яичков К.К. Указ. соч. С.133-135.

может быть самих по себе, они всегда существуют между кем-то и в связи с чем-то.

Сказанное позволяет сделать определенные выводы относительно ***меры возможного использования философской категории «объект»*** при характеристике объекта правоотношения. Дело в том, что проблема субъекта-объекта в философии имеет строго заданный ракурс: объект в его философском понимании соотносится с субъектом, основой же их сопоставления является познавательная и предметно-практическая деятельность; под субъектом, включенным в объективную действительность, понимается источник активности, носитель целенаправленной деятельности, а объект рассматривается как часть объективной реальности, которая включена в сферу познавательного и практического взаимодействия с субъектом, как то, на что направлена деятельность субъекта; объект всегда выделен практикой и в этом смысле отличается от объективной реальности вообще[168]. Следовательно, понятие объекта правового отношения (как, впрочем, и любого другого общественного отношения) не может полностью отождествляться с философской категорией «объект», ибо в основе определения последней лежит деятельностный подход, а общественное отношение и деятельность не равнозначны. Поэтому методологически неверно безоговорочно распространять на объект правоотношения специально-философский смысл категории «объект»: «...социально-философское понимание объекта отличается от общефилософского использования этой категории, когда объектом именуют не предмет деятельностных усилий субъекта, а любое – додеятельностное или внедеятельностное – явление действительности»[169]. При этом, речь не идет об отказе от использования для характеристики юридического отношения понятия его объекта, так как субъект любого общественного отношения необходимо предполагает объект общественного отношения, который фокусирует направленность общественных связей. Последний же в философии «...соотносится с потребностями об-

---

[168] См.: Абишев К.А., Акмамбетов Г.Г., Ротницкий В.И. Проблема субъекта и объекта в марксистской философии. Алма-Ата, 1975. С.17, 22-23; Борисов В.Н., Духанин В.Н. Формирование научного знания в социально-экономическом исследовании (проблемы методологии научного познания). Саратов, 1974. С.25-27; Вороновіч Б.А., Плетников Ю.К. Категория деятельности в историческом материализме. М., 1975. С.11; Исторический материализм как методология познания и преобразования общественной жизни / Отв. ред. В.В.Денисов. М., 1987. С.53-55; Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980. С.21; Роль философии в научном исследовании / Под ред. А.А. Королькова, В.П. Бранского. Л., 1990. С.42-43; Сычев Н.И. Объективное и субъективное в научном познании. Изд-во Ростовского ун-та, 1974. С.20-21, 23.

[169] Момджян К.Х. Социум. Общество. История. М., 1994. С.236.

щественного человека, зависит от этих потребностей. Другими словами, объектом общественных отношений становится все то, что включается в сферу человеческих потребностей»[170], вследствие чего признание благ в качестве объектов не противоречит выводам философии. Поэтому, по нашему мнению, правомерно определять объект правоотношения как **материальное или нематериальное благо, по поводу обладания, приобретения, использования или охраны которого возникает и существует правовое отношение.** Сразу заметим, что *предприятие как имущественный комплекс*, несомненно, *можно рассматривать как благо, а следовательно, и в качестве объекта гражданских прав.*

Исходя из вышеизложенного, с учетом положений ст.128 ГК ***классификация объектов гражданских правоотношений,*** с нашей точки зрения, должна выглядеть следующим образом:

а) вещи и имущественные права;

б) работы и услуги как результаты деятельности обязанного лица, выступающие объектами многих обязательственных отношений, в частности, возникающих из договоров подряда, транспортной экспедиции, поручения, комиссии и др.;

в) информация, т.е. знания и сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления (ст.2 ФЗ от 25 января 1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации»[171]) научно-технического, технологического, коммерческого, служебного и иного характера;

г) результаты интеллектуальной деятельности (произведения литературы, науки, искусства, программы для ЭВМ и т.п.) и исключительные права на них.

Думается, что формулировка ст.128 ГК «результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них» является ошибочной (алогичной) и неправомерно использована по недопустимой в данном случае аналогии с определением имущества в этой же статье: результаты духовной деятельности и исключительные права не соотносятся между собой как общее и частное, а являются разнопорядковыми явлениями. В связи с этим существует необходимость редакционного уточнения: слова «в том числе» должны быть заменены на союз «и»;

д) нематериальные блага, примерный перечень которых дан в ст.150 ГК.

Применительно к нашей теме особо следует остановиться на рассмотрении ***имущественных прав как объектов гражданских прав.*** Если вещи традиционно рассматривались и законодателем, и большинством специалистов в качестве объектов правовых отношений (и прежде всего –

---

[170] Маркс. Философия. Современность. С.175.

[171] СЗ РФ, 1995, № 8, ст.609.

отношений собственности), то причисление к объектам имущественных прав не столь общепризнанно, хотя и ранее отдельные авторы считали субъективные права одной из разновидностей объектов правоотношений[172]. Понимание имущественных прав в качестве специальных объектов восходит к делению в римском частном праве вещей на телесные («те, до которых можно дотронуться») и бестелесные («те, до которых нельзя дотронуться и которые определяются правом»). Однако подлинное признание за имущественными правами статуса объектов правоотношений обусловлено потребностями экономического оборота, участники которого все чаще вступают в правовые связи не по поводу конкретных материальных предметов, а именно «идеальных» имущественных объектов (прав требований и т.п.).

Особо следует подчеркнуть, что когда речь идет об имущественных правах как объектах, никакого смешения объекта правоотношения с правами и обязанностями, образующими содержание правоотношения, не происходит: в этом случае «правоотношение не направлено на само себя»[173] (В.А.Тархов), так как его объектом выступают права, возникшие в рамках *иных* правоотношений. Имущественные права в этом случае являются одновременно содержанием и объектом *разных* юридических отношений.

Важно отметить, что *признание имущественных прав объектами правоотношений не делает их объектами вещных прав, последними могут быть только вещи – материальные предметы.* Данное доктринальное положение, однако, ставится под сомнение отдельными авторами. Наиболее активно в настоящее время за признание прав объектами вещных прав выступает М.И. Брагинский, ссылаясь, прежде всего, на ст.ст.48, 132, 807 ГК, ст.34 СК РФ, ст.35 Конституции РФ[174]. Вместе с тем, из других норм законодательства как раз следует обратное. Например, согласно п.1 ст.572 ГК по договору дарения даритель передает или обязуется передать вещь в собственность или имущественное право к себе или третьему лицу; в соответствии с п.2 ст.1050 ГК раздел имущества, находившегося в общей собственности товарищей по договору о совместной деятельности, и возникших у них общих прав требования осуществляется в установленном порядке. Определяя субъектов организации торгов, ГК относит к ним собственников вещей и обладателей имущественных прав (п.2 ст.447). Таким образом, в приведенных случаях законодатель включает в разряд объектов собственности только вещи.

---

[172] См., например: Явич Л.С. Право и социализм. М., 1982. С.128.

[173] Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. Чебоксары, 1997. С.113.

[174] См.: Брагинский М.И. Гражданский кодекс и объекты права частной собственности // Журнал российского права. 1997. № 11. С.76-85.

Представляется, что говорить о собственности в отношении прав можно лишь в аспекте указания на их принадлежность определенному субъекту, что носит скорее прикладной, чем чисто юридический характер; это не более, чем условность, используемая в целях упрощения законодательной техники. В противном случае следовало бы вообще все права (права требования, исключительные, личные неимущественные и т.д.) признать объектом права собственности, что, естественно, лишено всякого смысла и фактически ведет к нивелированию категории вещных прав как специфических прав, имеющих особые процедуры защиты и т.п.

Убедительную критику воззрения на имущественные права как объекты права собственности дал Е.А.Суханов. По его мнению, «...это приведет лишь к усложнению реальной ситуации, ничего не добавляющему к статусу управомоченных лиц. Они, в частности, не смогут применить специальные вещно-правовые способы защиты своего права, например, истребовать такое «имущество» в натуре (вместо этого используется иск о признании права); произвести его отчуждение по нормам, регулирующим отчуждение вещей, и т.д. Ведь «продажа прав» в действительности есть их уступка (цессия) новым субъектам, т.е. смена субъекта права требования, а «аренда прав» фактически представляет ...субаренду ...имущества, сданного в аренду»[175]. Подобного взгляда придерживались и придерживаются многие авторы (Е.В.Васьковский, Д.М.Генкин, Н.Д.Егоров, Э.Г.Полонский и др.)[176], а также законода-

[175] Суханов Е.А. Право собственности и иные вещные права. Способы их защиты (комментарий к новому ГК) // Правовые нормы о предпринимательстве. М., 1996. Вып.3. С.41. В.А.Дозорцев отмечает, что «провозглашение объектом права собственности обязательственных прав и обязанностей или даже распространение на них хотя бы в какой-то части правового режима объекта права собственности безусловно ошибочно и способно вызвать лишь недоразумения на практике», и предлагает трактовку ст.35 Конституции РФ, не усматривая в ней положения о признании прав объектами вещных прав (см.: Дозорцев В.А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А.Хохлова / Отв. ред. А.Л.Маковский; Исследовательский центр частного права. М., 1998. С.232-233).

[176] См.: Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. Вып.II. Вещное право. Спб., 1896. С.103; Генкин Д.М. Право собственности в СССР. М., 1961. С.87; Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1997. С.583 (автор – Н.Д. Егоров); Полонский Э.Г. Субъекты и объекты права оперативного управления государственным имуществом // Правоведение. 1972. № 5. С.52.

тельство ряда зарубежных стран (§§90, 433 Германского гражданского уложения; ст.1302 ГК Португалии, ст.85 ГК Японии)[177].

Итак, к объектам гражданских прав относятся как вещи, так и имущественные права. Вместе с тем, гражданское законодательство и цивилистическая теория со времен Древнего Рима активно оперирует еще одним термином – «имущество»[178]. Однако его значение до сих пор вызывает споры; следует констатировать, что термин является чрезвычайно многозначным и может иметь самую разную смысловую нагрузку, на что неоднократно обращалось внимание в научной и учебной литературе[179]. Это требует детального рассмотрения вопроса о том, что есть ***имущество как правовая категория.*** Исследование данной проблемы, как мы увидим далее, имеет большое значение для правильного определения сущности предприятия как специфичного объекта гражданских прав.

С нашей точки зрения, следует говорить о *двух основных подходах к пониманию имущества, сложившихся в гражданско-правовой теории.* Первый подход, получивший наибольшее распространение у дореволюционных авторов, основан на недопустимости отождествления имущества с вещами или иными благами, взятыми в отдельности; под имуществом в этом случае подразумевают *всю* «...совокупность юридических отношений личности (субъекта прав), могущую быть оцененной на деньги, или известный комплекс этих отношений...»[180]. Именно в рамках данного подхода ученые пытались дать абстрактное определение имущества, не ограничиваясь простым перечислением относящихся к нему элементов. Так, К.П.Победоносцев рассматривал имущество как «внешние блага..., составляющие, по отношению к личности человеческой, внешнюю ее принадлежность, внешнее ее дополнение»[181].

---

[177] См.: Вагацума Сакаэ, Ариидзуми Тору. Гражданское право Японии: (В 2-х кн.). М., 1983. Кн.1. С.92, 93; Германское право. Часть I. Гражданское уложение. М., 1996. С.29; Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: Сборник нормативных актов: Гражданские и торговые кодексы. С.255.

[178] Правда, римское частное право то, что мы обычно понимаем под имуществом, в разные периоды своего развития, а также в разных ситуациях обозначало несколькими терминами: bona, facultates, patrimonium, proprietas, substantia (см.: Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения). М., 1989. С.437). Причем, они не являлись полностью идентичными по смыслу и содержанию.

[179] См., например: Те А.В. Реализация неиспользуемого имущества государственного предприятия. М., 1976. С.8; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). С.95.

[180] Имущество // Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона 1890 г. Ярославль, 1991. Т.25. С.28.

[181] Победоносцев К. Курс гражданского права: В 3-х частях. Спб., 1896. Т.3. С.1.

Полагаем, что рассмотренный подход имеет немало достоинств: в частности, он позволяет избежать смешения понятий «имущество» и «вещь». Однако употребление термина «имущество» не только в смысле некой совокупности объектов (наследственной или конкурсной массы и т.п.), но и для обозначения конкретных, единичных объектов (как правило, материальных предметов) настолько укоренилось в законотворческой практике, что изменение взглядов законодателя на этот счет вряд ли возможно. Это в значительной мере объясняет существование второго подхода к определению имущества, когда констатируется многоплановость исследуемого понятия и приводятся различные варианты его значений. Как правило, выделяют следующие значения термина: имущество как вещи (их совокупность), имущество как совокупность вещей и имущественных прав (или совокупность только имущественных прав), имущество как совокупность вещей, имущественных прав и обязанностей (или совокупность имущественных прав и обязанностей).

Современное российское законодательство также не вкладывает в понятие «имущество» одинаковый смысл. К числу вариантов употребления законодателем рассматриваемого термина (которые отличаются друг от друга перечнем элементов – объектов прав, включаемых в состав имущества) относятся следующие:

1) под имуществом понимаются *отдельные вещи или их совокупность*, т.е. имеются в виду определенные материальные («телесные») объекты внешнего мира (см., например: п.2 ст.15, ст.211, п.4 ст.218, п.2 ст.561, п.3 ст.564, п.2 ст.690, п.1 ст.705, п.2 ст.947, ст.1064 ГК). Речь в данном случае идет об ограничительном толковании понятия имущества, сложившемся на начальных стадиях формирования цивилистической науки и наиболее близком обыденному пониманию имущества;

2) имущество – это *вещи, а также имущественные права* (см., например: ст.336, п.п.3-6 ст.582 ГК). Включение в состав имущества наряду с вещами имущественных прав (и прежде всего – прав требования, возникающих из обязательств) вызвано потребностями хозяйственного оборота и отражает развитие представлений на правовую сущность обязательства[182].

Данный подход полностью соответствует определению имущества, содержащемуся в ст.128 ГК. Вместе с тем, в юридической литературе довольно часто говорят об имуществе не как совокупности вещей и имущественных прав, а как совокупности только имущественных прав[183]. Несмотря на кажущуюся несовместимость этих позиций, между

[182] По этому поводу см.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С.240-241.

[183] См., например: Вильнянский С.И. Указ. соч. С.155; Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права: Том I. Полутом 2. М., 1950. С.59.

ними нет непреодолимой «китайской стены». Убедительно показал это французский правовед Р.Саватье в своем крупном исследовании «Теория обязательств». «Всякое имущество состоит из прав, – пишет Р.Саватье, – с той особенностью, что право собственности часто смешивают с ...вещью, объектом которого она является. ...Вместо того, чтобы сказать: «У меня есть право собственности на это имущество», говорят: «У меня есть это имущество»; сказать так проще и быстрее»[184]. Таким образом, когда под имуществом подразумевается единство вещей и имущественных прав, к последним теоретически неверно относить право собственности, право хозяйственного ведения и право оперативного управления, т.е. вещные права, предоставляющие их субъекту возможность наиболее полного господства над вещью.

Следует отметить, что имущество в рассматриваемых значениях не всегда является объектом гражданских прав. Например, говоря об имуществе, принадлежащем определенному субъекту в конкретный момент (имущество в статике), при понимании имущества в качестве совокупности вещей и имущественных прав вещи будут являться объектом вещных прав, а имущественные права – входить в содержание различных правоотношений, в которых участвует этот субъект; если же придерживаться взгляда на имущество как совокупность имущественных прав, то оно вообще полностью относится к содержанию правоотношений. Иное дело, когда речь идет об обязательственных отношениях: их объектом могут одновременно выступать и вещи, и имущественные права. Данное замечание представляется чрезвычайно важным, поскольку, как мы увидим далее, такая ситуация складывается с предприятием.

Проблема отнесения имущественных прав к имуществу не является сугубо теоретической: в частности, от положительного или отрицательного ее разрешения напрямую зависит возможность обращения взыскания на принадлежащие лицу имущественные права. Об этом свидетельствует и судебная практика. Так, ОАО «Щекиноазот» обратилось в Верховный Суд РФ с жалобой о признании недействительной Временной инструкции о порядке ареста и реализации прав (требований), принадлежащих должнику как кредитору по неисполненным денежным обязательствам третьих лиц по оплате фактически поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг (дебиторской задолженности) при обращении взыскания на имущество организаций-должников, утвержденной приказом Минюста РФ от 3 июля 1998 г.

[184] Саватье Р. Указ. соч. С.56. Сходные доводы приводит Л.Жюллио де ла Морандьер (см.: Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции. М., 1958. С.64).

№76[185]. Данная инструкция, включив права (требования) в состав имущества (п.1), регламентирует специфику обращения взыскания на дебиторскую задолженность. Оспаривая инструкцию, ОАО «Щекиноазот», в частности, сослалось на то, что арест может налагаться исключительно на имущество должника, а не на права требования. Судебная инстанция справедливо отвергла этот довод, указав в своем решении, что, в соответствии со ст.128 ГК, к объектам гражданских прав относятся вещи, иное имущество, в том числе имущественные права; следовательно, права (требования), принадлежащие должнику как кредитору по неисполненным денежным обязательствам третьих лиц, являются имуществом должника[186].

Итак, ГК в ст.128 однозначно высказался на счет включения имущественных прав в состав имущества; из этого исходит и судебная практика. Вместе с тем, в отдельных правовых актах имущественные права рассматриваются не как составной элемент имущества, но как объект, существующий наряду с другим самостоятельным объектом – имуществом. Например, такая ошибка допускается в абз.3 ст.2 ФЗ 25 июня 1999 г. «Об иностранных инвестициях в РФ»[187]. Ее объяснение, полагаем, следует искать не в каком-либо особом понимании законодателем термина «имущество», а в обычных просчетах разработчиков законопроектов, обусловленных, в том числе, неразличением обыденного и юридического смыслов исследуемого термина;

3) имущество в расширительном понимании – это *объединение не только вещей и имущественных прав* (актива), *но и имущественных обязанностей* (долгов, пассива). Наиболее типичный пример такого понимания представляет имущество, относящееся к предприятию: в состав последнего «входят все виды имущества ..., включая ...долги» (п.2 ст.132 ГК). Таким образом, предприятие есть единство наличного («положительного») и долгового («отрицательного») имущества – обязанностей, возникших в связи с использованием предприятия в предпринимательской деятельности.

Дискуссионным является вопрос об отнесении долгов к наследственному имуществу: одни авторы рассматривают наследственное имущество как совокупность имущественных прав и обязанностей наследодателя, которые переходят к наследникам[188], другие – лишь как совокуп-

---

[185] См.: Экономика и жизнь, 1998, № 29. С.11-12.

[186] См.: Хомчик Т. Обвинения в адрес Инструкции // Экономика и жизнь. 1999. №20. С.24.

[187] СЗ РФ, 1999, №28, ст.3493.

[188] См., например: Антимонов Б.С., Граве К.А. Советское наследственное право. М., 1955. С.70; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации,

ность имущественных прав, считая, что долги наследодателя представляют собой обременение наследственного имущества[189]. Из ч.3 ст.538 и ст.553 ГК РСФСР 1964 г. формально вытекает, что имущество включает лишь актив (данные статьи предусматривают, что долги наследодателя находятся за пределами действительной стоимости имущества). И тем не менее, исходя из того, что наследование влечет универсальное правопреемство (переход всех, за некоторыми исключениями, прав и обязанностей), а долги не существуют и не переходят к наследникам отдельно от актива наследственной массы, представляется, что более правильным является рассмотрение наследственного имущества в качестве совокупности прав и обязанностей;

4) в состав имущества также входят *исключительные права.*

Отнесение к имуществу исключительных прав не является бесспорным и во многом зависит от определения правовой природы интеллектуальной собственности. Следует признать, что в современном российском законодательстве проблема понимания исключительных прав и определения их места в системе гражданских прав не нашла однозначного решения. Так, ГК в ст.128 разграничивает имущественные права, относящиеся к имуществу, и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности; аналогично решается вопрос в п.1 ст.2, п.1 ст.8, п.1 ст.656 ГК. Вместе с тем, п.1 ст.1013 ГК уже относит исключительные права, являющиеся объектом доверительного управления, к имуществу, а п.6 ст.66 ГК допускает возможность внесения в качестве вклада в имущество хозяйственного товарищества или общества не только имущественных, но и иных прав, имеющих денежную оценку, под которыми понимаются, в частности, права пользования объектами интеллектуальной собственности, переданные в соответствии с лицензионным договором, который должен быть зарегистрирован в установленном порядке (п.17 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой ГК РФ»[190]). Аналогичные положения содержатся и в ст.15 ФЗ от 14 января 1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью»[191], а также ст.34 ФЗ от 24 ноября 1995 г. «Об акционерных

части первой (постатейный) / Отв. ред. О.Н.Садиков. М., 1997. С.173 (автор – М.Г.Масевич).

[189] См., например: Серебровский В.И. Очерки советского наследственного права. В кн.: Серебровский В.И. Избранные труды. М., 1997. С.55-57. Подобная точка зрения существует и у некоторых зарубежных авторов (см.: Эннекцерус Л. Указ. соч. С.60).

[190] Вестник ВАС РФ. 1996. № 9. С.9.

[191] СЗ РФ, 1998, № 7, ст.785; 1998, № 28, ст.3261; 1999, № 1, ст.2; Российская газета, 2001, 9 августа.

обществах»[192]. Редакция п.2 ст.132 ГК («в состав предприятия ... входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, ...а также ...исключительные права») вообще дает повод для одновременного существования двух противоположных мнений: исключительные права – разновидность имущества и интеллектуальная собственность – самостоятельный объект прав.

Полагаем, что решение вопроса о возможности или невозможности включения исключительных прав в состав имущества напрямую связано с выяснением их места в системе гражданских прав – имущественных и личных неимущественных. По нашему мнению, **необходимо отграничивать исключительные права, с одной стороны, от вещных и обязательственных имущественными правами, а с другой – от личных неимущественных прав.**

Во-первых, исключительные права хоть и имеют, как вещные, абсолютный характер, по целому ряду причин не могут отождествляться с ними, и прежде всего – с правом собственности. Специфика результатов интеллектуальной деятельности как особых объектов, имеющих нематериальный характер, моральную, а не физическую амортизацию, способность к использованию неограниченное количество раз сразу многими субъектами и т.п., влечет невозможность владения и пользования ими в обычном смысле. Поэтому представляется верной ставшая господствующей точка зрения, отрицающая проприетарную концепцию исключительных прав[193].

Во-вторых, необходимо четко отграничивать исключительные права от обязательственных; последние, в отличие от первых, есть права относительные. Они могут составлять содержание правоотношений, возникающих из различных договоров, предметом которых выступают исключительные права (авторские и лицензионные договоры, договоры

---

[192] СЗ РФ, 1996, № 1, ст.1; 1996, № 25, ст.2956; 1999, № 22, ст.2672.

[193] См., например: Богуславский М.М. Покупка и продажа лицензии в СССР // Сов. государство и право. 1968. № 5. С.55; Зенин И.А. Гражданское и торговое право капиталистических стран. М., 1992. С.128-129; Его же. Промышленная собственность и «ноу-хау» советско-германских совместных предприятий // Вестник Московского ун-та. Серия 11 «Право». 1992. № 1. С.17; Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР (часть I). Л., 1975. С.23; Калмыков Ю.Х. Избранное: Труды. Статьи. Выступления. М., 1998. С.107-108; Кузнецов М.Н. Правовые вопросы охраны интеллектуальной собственности в международном частном праве. Учебное пособие. М., 1977. С.6; Его же. Охрана результатов творческой деятельности в международном частном праве: Монография. М., 1988. С.61; Попондопуло В.Ф. Правовой режим предпринимательства. Спб., 1994. С.142; Сергеев А.П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР. Л., 1990. С.19.

коммерческой концессии). Т.е. соответствующие обязательственные имущественные права могут возникать и существовать по поводу тех или иных исключительных прав, но они не отождествляются с ними.

В-третьих, действующее гражданское законодательство исходит из того, что исключительные права носят имущественный характер. Это, в частности, следует из сопоставления ст.ст.128, 138, 150 ГК: в ст.128 ГК исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и нематериальные блага выделяются в самостоятельные виды объектов гражданских прав; под нематериальными же благами законодатель понимает, в том числе, права авторства и иные личные неимущественные права (ст.150 ГК). Следовательно, исключительные права, краткой характеристике которых специально посвящена отдельная статья ГК (ст.138), не являются по логике законодателя личными неимущественными правами[194]. Аналогичный вывод может быть сделан и в результате анализа ст.ст.15, 16 Закона РФ от 9 июля 1993 г. «Об авторском праве и смежных правах»[195]: в ст.15 речь идет о личных неимущественных правах автора, а в ст.16 – об имущественных, которые определяются как исключительные права автора на использование произведения (п.2). Такой же подход к определению имущественных прав демонстрирует и Закон РФ от 23 сентября 1992 г. «О правовой охране топологий интегральных микросхем»[196] (ст.5).

Итак, несмотря на то, что исключительные права нельзя считать вещными или обязательственными, недопустимо и отрицать их имущественный характер: в отличие от личных неимущественных прав, они могут быть оценены в денежном выражении, на них может обращаться взыскание. Помимо прочего, исключительные права отчуждаемы, тогда как нематериальные блага неотчуждаемы и непередаваемы иным способом (п.1 ст.150 ГК). В связи с этим включение интеллектуальной собственности в состав имущества (а значит – и в состав предприятия как

---

[194] Взгляда на исключительные права как разновидность имущественных прав придерживаются многие авторы (см.: Гаврилов Э. Общие нормы ГК и исключительные права авторов // Российская юстиция. 2000. № 1. С.17; Олехнович Г.И., Боровская Е.А., Чистый Н.В. Нематериальные активы и механизм их использования в экономическом обороте предприятий. Минск, 1997. С.40). В литературе распространен и иной подход к пониманию природы исключительных прав, когда они рассматриваются как единство имущественных и личных неимущественных правомочий (см., например: Гульбин Ю. Охрана прав авторов программного обеспечения ЭВМ // Российская юстиция. 1997. №5. С.45; Дюма Р. Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции. М., 1989. С.18-19; Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 1996. С.14, 18-19, 189).

[195] Ведомости...РФ, 1993, №32, ст.1242; СЗ РФ, 1995, № 30, ст.2866.

[196] Ведомости...РФ, 1992, №42, ст.2328.

имущественного комплекса) имеет по собой серьезную теоретическую почву.

Итак, для гражданского законодательства характерно многовариантное употребление термина «имущество». Причем *применительно к предприятию как имущественному комплексу речь идет о самом широком его понимании.*

В заключение представляется необходимым затронуть еще один дискуссионный вопрос – ***проблему соотношения объекта правоотношения*** (этот термин наиболее часто употребляется в юридической литературе) ***с объектом субъективных юридических прав и обязанностей.*** Отдельные авторы относят данные понятия к числу самостоятельных правовых категорий (А.П.Дудин, Н.И.Матузов, Х.В.Сепп, А.К.Стальгевич и др.)[197]. И все же большинство ученых, к мнению которых присоединяемся и мы, не видят смысла в их разграничении (Я.М.Магазинер, В.А.Тархов, Ю.Г.Ткаченко, В.Н.Щеглов и др.)[198]. Данный подход представляется нам более состоятельным как с теоретической, так и с практической точек зрения. Ведь суть правоотношения заключается именно во взаимодействии прав и обязанностей, составляющих специфическое содержание юридического отношения; поэтому вряд ли имеются серьезные предпосылки для проведения водораздела между объектом правоотношения и объектами прав и обязанностей. Уместно также заметить, что законодатель иногда употребляет выражение «права и обязанности» для обозначения явления, именуемого в науке правоотношением: так, согласно ст.153 ГК, сделками признаются действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей; в теории же не вызывает споров, что сделка как разновидность юридического факта влечет возникновение (изменение, прекращение) юридического отношения. Поэтому в своей работе мы будем использовать *термины «объект правоотношения» и «объект субъективных юридических прав и обязанностей»* как *равнозначные.*

---

[197] См.: Дудин А.П. Указ. соч. С.43-68; Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С.237-239; Сепп Х.В. К вопросу о сущности гражданского правоотношения // Особенности правового положения субъектов и объектов имущественных и личных неимущественных отношений в развитом социалистическом обществе. Тарту, 1986. С.13; Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений // Сов. государство и право. 1957. №2. С.30.

[198] См.: Магазинер Я.М. Указ. соч. С.69; Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. С.111; Ткаченко Ю.Г. Социалистические правоотношения. С.28-30; Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. С.22.

1.2.2. Проблема правосубъектности предприятия в юридической литературе

Начиная со второй половины прошлого столетия правоведы пытаются разрешить вопрос определения юридической сущности предприятия. Специальная литература по торговому праву «богата» различием подходов, концепций, аргументов. Однако единство в понимании предприятия среди ученых до сих пор отсутствует; сказать, что дискуссия о правовой природе предприятия завершена, не представляется возможным (это относится и к современной отечественной литературе, даже несмотря на то, что новый ГК в ст.132 однозначно отнес предприятие к объектам прав).

Как и законодательство, «...юридическая мысль пошла двумя основными путями. Плененные экономическим явлением предприятия – участника хозяйственного оборота, одни юристы «персонализировали» его, объявили субъектом прав, другие, перед лицом растущей оборотоспособности предприятия, признали в нем ...объект прав»[199]. В число сторонников воззрения на предприятие как самостоятельный субъект прав и обязанностей входили такие известные дореволюционные авторы, как А.Моммзен, Эндеманн, Табор[200], П.Цитович[201] (хотя в состав предприятия они включали и имущество). По-видимому, к этой позиции склонялся и Г.Ф. Шершеневич, поместивший параграф о торговом предприятии в отдел учебника по торговому праву под названием «Субъекты торговых сделок». Однако полной ясности в вопросе о том, что есть предприятие – субъект или объект, Г.Ф. Шершеневич не внес: рассмотрев предприятие в качестве экономически и юридически (до определенной степени) самостоятельного менового хозяйства, являющегося совокупностью не только имущественных средств (заведение, товары, касса, права), но и личных (предприниматель и вспомогательный персонал), автор заявил, что «с юридической стороны торговое предприятие объективируется, и предприниматель оказывается, как субъект того особого имущества, которое называется торговым предприятием, вне этого последнего»[202]. Но из данного утверждения как раз и следует, что предприятие есть объект, а не субъект. Другая группа авторов одно-

---

[199] Флейшиц Е.А. Указ. соч. С.18.

[200] Обзор их взглядов см.: Розенберг В. Торговое имя, фирма и торгово-промышленное предприятие. С.286.

[201] Это следует, в частности, из отождествления П. Цитовичем предприятия и товарищества (см.: Цитович П. Проект положения об акционерных обществах // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. Книга третья. Май. С.108).

[202] См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 года). М., 1994. С.70-75.

значно высказалась за признание предприятия объектом прав (Вольф, А.И.Каминка, Лабанд, Писко и др.)[203].

В советской юридической литературе изучение предприятия осуществлялось, главным образом, с точки зрения его правосубъектности, поскольку наиболее распространенным смысловым значением исследуемого термина в законодательстве было определение предприятия как организации, наделенной (или ненаделенной) правами юридического лица. И это вполне естественно: так же, как быстро развивавшийся на рубеже веков оборот предприятий послужил толчком к активизации научных исследований феномена предприятия, фактический запрет оборота предприятий в послереволюционное время сделал изучение предприятия как объекта не слишком актуальным. Вновь эта тема громко прозвучала в работах известного советского ученого А.В.Карасса – «Социалистическое предприятие как объект права собственности государства» (1951 г.)[204] и «Право государственной социалистической собственности (объекты и содержание)» (1954 г.)[205].

В связи с включением в новый ГК специальной статьи о предприятии как объекте гражданских прав, а также комплекса норм, регулирующих отношения по продаже и аренде предприятия, спор по поводу правосубъектности предприятия в значительной степени утратил былую полемичность. Вместе с тем, некоторые авторы не считают новеллу ГК достоинством законодательства и высказываются за рассмотрение предприятия только в качестве субъекта правоотношений. Так, В.К.Андреев резко негативно отозвался о трактовке в ст.132 ГК предприятия как объекта: «нарушать традиционно сложившееся в России представление о предприятии как субъекте права недопустимо»[206]. Этот аргумент, однако, не может нас убедить потому, что и в ранее действовавшем законодательстве предприятием обозначался не только субъект, но и объект прав.

Более весомые доказательства в защиту взгляда на предприятие как субъект приводят Н.И.Клейн и В.В.Чубаров. По их мнению, «упоминание в определении прав требования, долгов и ряда исключи-

---

[203] См.: Каминка А.И. Указ. соч. 1912. С.114-116; Розенберг В. Торговое имя, фирма и торгово-промышленное предприятие. С.287 (обзор взглядов Лабанда).

[204] Изв. АН СССР. Отделение экономики и права. 1951. № 4. С.246-257.

[205] За «гипертрофированное» исследование предприятия как объекта права собственности А.В. Карасс был даже подвергнут критике (см.: Райхер В.К. [Рецензия] // Сов. государство и право. 1955. №1. С.122. – Рец. на кн.: Карасс А.В. Право государственной социалистической собственности. М., 1954).

[206] Андреев В.К. Проблемы правосубъектности в предпринимательской деятельности // Правовое регулирование предпринимательской деятельности / Под ред. В.В.Лаптева. М., 1995. С.21.

тельных прав предприятия дает основание полагать, что в ст.132 ГК, по существу, содержится определение предприятия как субъекта гражданских прав. Такой вывод основан на том, что и права требования, и долги, и исключительные права могут принадлежать только субъекту права»[207]. Как представляется, одной из причин существования этой позиции является неудачная редакция п.2 ст.132 ГК: упоминание о «правах на обозначения, индивидуализирующих предприятие, его продукцию, работы и услуги» дает повод для упрека законодателя в непоследовательности при характеристике предприятия как объекта. Вместе с тем, комплексное изучение норм первой и второй частей ГК позволяет сделать вывод о том, что предприятие есть объект, а не субъект гражданских прав (в частности, в п.1 ст.132 говорится о предприятии как недвижимом имуществе; в п.2 ст.559 – о средствах индивидуализации не предприятия, а продавца предприятия, товаров, работ и услуг продавца; в п.1 ст.656 – о правах и долгах арендодателя, относящихся к предприятию).

«...Когда законодатель упоминает в составе имущества предприятия как единого имущественного комплекса права требования и долги, – справедливо замечает В.В.Витрянский по поводу точки зрения Н.И.Клейн и В.В.Чубарова, – он имеет в виду, конечно же, права требования и долги по обязательствам собственника предприятия, связанным с деятельностью этого имущественного комплекса. ...предприятие, не будучи юридическим лицом, в принципе не может иметь никаких прав и обязанностей»[208]. Кроме того, само по себе наличие в составе имущественного комплекса прав и обязанностей, принадлежащих субъекту, не влечет того, что этот имущественный комплекс становится субъектом; в соответствии со ст.128 ГК имущественные и исключительные права относятся к объектам гражданских прав и могут выступать как в составе предприятия, так и в отдельности предметом различных сделок (например, договора коммерческой концессии, соглашения о переводе долга, договора дарения и др.).

В пользу признания предприятия субъектом склоняется С.П.Бортников, утверждающий, что «...отнесение предприятия к объекту права порождает немало проблем». Данное заключение обосновывается тем, что «только юридическое лицо, являясь собственником предприятия, должно определять судьбу этого имущества. Но при купле-продаже, дарении и т.п. вместе с имуществом связываются некоторые изменения и в судьбе самого распорядителя. Итогом любой вышеуказанной сделки всегда является переход собственности от одного лица к другому, что же на-

[207] Гражданское право России. Часть вторая. Обязательственное право: Курс лекций / Отв. ред. О.Н.Садиков. М., 1997. С.151.

[208] Витрянский В.В. Договор купли-продажи и его отдельные виды. М., 1999. С.268.

блюдается в нашей ситуации? После завершения сделки собственник остается тот же»[209]. Приведенное мнение представляется небесспорным. В частности, не вполне понятно, почему при купле-продаже (дарении) предприятия его собственник остается тот же, ведь предприятие принадлежит не самому себе, а конкретному субъекту гражданского права (о какой купле-продаже или дарении тогда вообще можно говорить?).

Далее С.П.Бортников пишет: «...не следует рассматривать предприятие лишь как объект определенных правовых отношений и лишь как обособленное в определенном порядке имущество. Предприятие – это сложная система отношений, системообразующим элементом которых является предприниматель..»[210]. В свою очередь, мы можем возразить, что не следует рассматривать предприятие и лишь как субъект правоотношений.

А.Е.Черноморец, выступая против отождествления предприятия с имуществом, указывал, что «...живую ткань, социальную основу предприятий составляют люди, объединившиеся для достижения общей хозяйственной цели. Они образуют ту совокупную рабочую силу, которая приводит в движение средства производства, без соединения с ней это – мертвый капитал»[211], а потому предприятие не является объектом.

Мы полностью согласны с тем, что ни при каких условиях трудовой коллектив не может стать объектом гражданских прав. Но *из этого*, с нашей точки зрения, *следует вовсе не то, что предприятие не является объектом, а то, что в состав предприятия-объекта не входят и не могут входить люди*, осуществляющие эксплуатацию предприятия как имущественного комплекса. Если мы подразумеваем под предприятием социальную организацию, т.е. устойчивую социальную группу с регламентированным поведением людей (В.И.Франчук)[212], сложную систему взаимодействия между работниками, состоящую из формальной, социотехнической, внеформальной и социально-психологической подсистем (Г.Саймен, Дж.Марч)[213], то, естественно, данный социальный организм не может быть объектом правоотношений. Но гражданское законодательство и не относит людей к компонентам предприятия. **Объективное же существование функционирующих сложных имущественных комплексов, имеющих денежную оценку,** которые традиционно обозначаются термином «предприятие», **вызывает потребность в их регламента-**

[209] Бортников С.П. Товарищество на вере (коммандитное товарищество). Самара, 1999. С.20.

[210] Бортников С.П. Указ. соч. С.23.

[211] Черноморец А.Е. Логико-лингвистический аспект теории права собственности // Государство и право. 1993. № 11. С.22.

[212] См.: Франчук В.И. Основы современной теории организаций. М., 1995. С.5.

[213] Цит. по: Пригожин А.И. Организации: системы и люди. Эффективность трудовых организаций в социалистическом обществе. М., 1983. С.32.

ции как объектов. Как отмечал В.Розенберг, «...предприятие, само по себе, представляет известную, иногда очень большую экономическую ценность, совершенно независимую от его составных частей. ...все то, что способно иметь объективную ценность, становится, обыкновенно, предметом оборота»[214], а следовательно – и объектом гражданских прав.

Таким образом, **характеристика предприятия как объекта**, несомненно, **имеет право на существование**. Другое дело, что **нельзя говорить о предприятии – объекте, видя в нем социальную, а не имущественную организацию**. Предприятие-объект эксплуатируется трудовым коллективом (предприятием-организацией), но применительно к гражданскому праву не отождествляется с ним; работники вступают в трудовые отношения не с предприятием, а с физическим или юридическим лицом, которому это предприятие принадлежит. Кстати сказать, нам представляется, что *многочисленные споры по поводу правомерности рассмотрения предприятия в качестве объекта были вызваны именно тем, что под предприятием понимался не чисто имущественный, а социально-имущественный комплекс.*

Итак, предприятие как объект не есть социальная организация. Четкое разграничение понятий «юридическое лицо» («организация») и «предприятие» необходимо для правильного применения закона. В частности, отрицание правосубъектности за предприятием-объектом позволяет не допустить смешение договора доверительного управления предприятием как имущественным комплексом (гл.53 ГК) с договором о передаче полномочий исполнительного органа управляющему (п.3 ст.103 ГК, п.1 ст.69 ФЗ «Об акционерных обществах», ст.42 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»)[215]. В последнем случае мы наблюдаем управление деятельностью организации, осуществляемое посредством реализации управляющим установленных законом и учредительными документами функций органа юридического лица. При доверительном управлении предприятием объектом управления выступает не организация, а непосредственно имущественный комплекс, ей принадлежащий. Кроме того, в результате заключения договора о передаче полномочий исполнительного органа хозяйственное общество, передавшее полномочия, приобретает статус дочернего общества (п.1 ст.105 ГК). При доверительном управлении предприятием этого не происходит; доверительный управляющий и учредитель управления, являясь автономными участниками гражданско-правовой жизни, не имеют

---

[214] Розенберг В. Торговое имя, фирма и торгово-промышленное предприятие. С.283.

[215] На различие указанных договоров специально обращают внимание Н.Д.Егоров и Е.А.Суханов (см.: Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1997. С.586-587 (автор – Н.Д.Егоров); Суханов Е.А. Договор доверительного управления имуществом // Вестник ВАС РФ. 2000. № 1. С.81).

возможности определять решения друг друга (естественно, если отсутствуют иные юридические основания для признания организации дочерним обществом).

В заключение хочется отметить, что дискуссии по поводу правовой природы предприятия не ограничивались борьбой сторонников признания предприятия субъектом или объектом прав. Мы уже говорили, что ряд авторов вообще отказывал категории «предприятие» в «праве на юридическую жизнь», считая предприятие чисто экономическим (хозяйственным), а не правовым явлением. С таким взглядом на предприятие тесно связан еще один подход к определению предприятия, не получивший, правда, поддержки и развития в литературе. Его автором является известный российский дореволюционный цивилист А.Х.Гольмстен, рассмотревший предприятие как определенную отрасль деятельности (экономический, но не юридический институт). «Торговым предприятием, – писал ученый, – именуется определенная отрасль торговой деятельности, обособленная, с объективной стороны, известным родом сделок и товаров, а с субъективной – как профессия определенного лица; так, торговым предприятием будет банкирское предприятие, заключающееся в том, что банкир профессионально занимается известными сделками...»; «в торговом предприятии обособляется ... отрасль торговли, а не имущество»[216]. Таким образом, в предприятии видится не некий статичный объект (организация или имущественный комплекс), а непосредственная деятельность купца; торговые же помещения, документы, книги и т.д. являются не системообразующими (составными) элементами торгового предприятия, а его принадлежностями (внешними проявлениями), без которых торговая деятельность невозможна.

Данное понимание соответствует одному из распространенных значений слова «предприятие» – предприятие как дело; действительно, мы нередко употребляем это слово для характеристики какого-то начинания, имеющего динамичное развитие. И все-таки, в законодательстве рассматриваемый подход не нашел поддержки (как в прошлом, так и в настоящем), за исключением, как отмечалось, законодательства США. Думается, что для этого не имеется и серьезных теоретических или практических предпосылок: анализ деятельности предпринимателя как таковой имеет значение скорее для социологии права, чем гражданского законодательства. Кроме того, для обозначения предпринимательства как рисковой деятельности, направленной на извлечение прибыли, российское право оперирует понятием «предпринимательская деятельность» (п.1 ст.2 ГК). В связи с этим нет никакого смысла нормативно обозначать одно и то же явление разными терминами.

[216] Гольмстен А.Х. Указ. соч. С.38, 40.

ГЛАВА 2. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

2.1. ПРЕДПРИЯТИЕ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Новый ГК, рассматривая предприятие в качестве объекта гражданских прав, предлагает нормативную основу для теоретического определения предприятия и выделения его сущностных признаков. Вместе с тем, он все-таки не внес окончательной ясности в вопрос о том, что из себя представляет рассматриваемый объект: в комбинации с иными правовыми актами кодекс дает повод для различных трактовок предприятия. Исследованию основных подходов к определению предприятия (главным образом, с точки зрения состава) и посвящен настоящий параграф.

Вообще, проблема легального определения предприятия является достаточно традиционной. Еще известный русский цивилист В.Розенберг отмечал, что «...термин – предприятие, как таковой, не чужд языку законодателя, но закону совершенно неизвестно ни содержание, ни объем этого понятия. ...При таком отношении законодательства к этому коренному понятию торгового оборота роль теории в деле выяснения сущности, объема, содержания и признаков торгово-промышленного предприятия приобретает особое значение»[1]. Ценность этих слов не утрачена и на сегодняшний день, поэтому представляется методологически правильным подойти к анализу трактовок предприятия комплексно, что в нашей ситуации означает системное изложение основных подходов с опорой как на нормативный материал, так и на выводы юридической и иных наук. Думается, анализ концепций предприятия позволит логически перейти к разрешению проблемы определения предприятия.

---

[1] Розенберг В. Торговое имя, фирма и торгово-промышленное предприятие. С.283.

Исследование специальной литературы и нормативной базы позволяет выделить *четыре основных концептуальных подхода к рассмотрению предприятия как объекта гражданских прав:*

а) предприятие есть имущество организации;

б) предприятие является имуществом организации, используемым для осуществления предпринимательской деятельности (предприятие – бизнес);

в) предприятие – сложная вещь (всегда или в определенных ситуациях);

г) предприятие есть особый имущественный комплекс.

Обозначение термином «предприятие» *имущества юридического лица* ***(первый подход)*** во всей его совокупности теоретически берет свое начало в распространенном употреблении данного термина при характеристике и организации, и ее имущественной базы. Данный подход, как отмечалось, был примечателен для советского гражданского законодательства и гражданско-правовой теории, которые рассматривали предприятие-объект как единство основных и оборотных средств, в том числе непосредственно и не участвующих в производственном процессе. Таким образом, под предприятием-объектом фактически понималось имущество, находящееся на балансе предприятия-субъекта. Поэтому неслучайно, что в целях установления единообразия нормативной терминологии отдельные авторы считали необходимым делать специальные уточнения по поводу понимания предприятия как объекта: так, А.В.Венедиктов, подчеркивая «...необходимость точного разграничения между двумя понятиями социалистического госпредприятия: 1) как социалистического госоргана..., и 2) как объекта ...собственности», замечал, что для предприятия – объекта права собственности обычно пользуются терминами «имущество предприятия» или «основные и оборотные средства предприятия»[2].

В какой-то степени подобное понимание предприятия рудиментарно сохраняется и в настоящее время. Так, ФЗ «О государственной регистрации...» в ст.22 определил, что государственная регистрация прав на предприятие как имущественный комплекс и сделок с ним в целом проводится в учреждении юстиции по регистрации прав в месте регистрации предприятия как юридического лица, из чего косвенно вытекает, что речь идет обо всем имуществе предприятия – юридического лица, которое может располагаться в различных регионах. Считаем это грубым «просчетом» законодателя, искажающим современное доктринальное понимание предприятия как объекта. «...Обозначение юридического

[2] См.: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л., 1948. С.592, 593. Также см.: Кудрявцева Г.А. Материальная основа деятельности общественных организаций на современном этапе (правовой аспект). М., 1988. С.103.

лица термином «предприятие», – справедливо утверждает О.Романов, – не исключает вероятности неправильного истолкования понятия «предприятие как объект...», поскольку дает основание отождествлять его со всем имуществом юридического лица в целом ввиду того, что Закон указывает на комплексный характер предприятия как недвижимости, но не упоминает о присущей предприятию вещной обособленности»[3].

Иллюстрацией рассматриваемого подхода служит и точка зрения А.М.Эрделевского, выдвинувшего тезис о том, что переход права собственности на предприятие как имущественный комплекс возможен только для государственных или муниципальных предприятий. Логика обоснования приведенного утверждения такова: согласно п.1 ст.132 ГК и ст.1 ФЗ «О государственной регистрации...» недвижимостью признается лишь предприятие в целом; ст.559 ГК также предусматривает в качестве предмета договора продажи, подлежащего государственной регистрации, предприятие в целом. Однако, как считает автор, коммерческая организация – собственник имущественного комплекса вправе произвести отчуждение лишь его части, иначе она утратила бы важнейший признак юридического лица, предусмотренный ст.48 ГК, – «наличие в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленного *имущественного комплекса* (курсив наш. – Ю.П.), которым это лицо могло бы отвечать по своим обязательствам»[4].

Нетрудно увидеть, что здесь мы имеем дело со смешением понятий «предприятие – имущественный комплекс» и «имущество коммерческой организации», что не соответствует новому подходу к определению предприятия, заложенного ГК. В пользу последнего утверждения можно привести следующие аргументы:

- во-первых, ст.ст.132, 559 ГК все-таки говорят не об имуществе организации, а о предприятии как имущественном комплексе; в качестве же имущественного комплекса явно не следует видеть всякую совокупность имущества, пусть даже и одного юридического лица. Например, имущество только что созданного акционерного общества, включающего в себя несколько офисных столов и канцелярских принадлежностей, а также обязательство по возврате суммы займа, вряд ли стоит именовать предприятием;
- во-вторых, в результате последовательного проведения анализируемой точки зрения необоснованно исключаются случаи нахождения:

---

[3] Романов О. Государственная регистрация прав на недвижимость и сделок с недвижимым имуществом: некоторые проблемы правоприменения // Хозяйство и право. 1998. № 8. С.49.

[4] См.: Эрделевский А.М. Комментарий к Федеральному закону «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». М., 1999. С.52-53.

- предприятия сразу у нескольких субъектов гражданского права;
- предприятия у гражданина (ведь последний не является организацией);
- нескольких предприятий у одной коммерческой организации (в том числе у унитарного предприятия), предназначенных, например, для производства разных видов товаров.

Возможность нахождения одного или нескольких предприятий как у юридического, так и физического лица справедливо допускают многие авторы (В.А.Дозорцев, Ю.Г.Жариков, Е.Б.Козлова, А.Д.Куликов, М.Г.Масевич, М.В.Телюкина и др.)[5];

• в-третьих, А.М. Эрделевский допускает неточность при ссылке на ст.48 ГК: она гласит, что юридическое лицо должно иметь в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении имущество, а вовсе не обособленный имущественный комплекс. Думается, что автор не учитывает также немаловажное обстоятельство, что продажа предприятия (даже в случае признания его имуществом организации) не лишает юридическое лицо имущества, ведь продавец в обмен на предприятие приобретает деньги (или право требования уплаты денежной суммы). Судебная же практика исходит из того, что имущество юридического лица не исчерпывается только вещными объектами. Так, в арбитражном суде рассматривалось дело по иску общества с ограниченной ответственностью (ООО) к акционерному обществу о применении последствий недействительности ничтожной сделки – договора купли-продажи предприятия – торгового комплекса. Суд отверг доводы истца – продавца по договору – о том, что сделка ничтожна, так как заключение договора о продаже всего имущества ООО без одновременного принятия решения о ликвидации ООО нарушает положения п.1 ст.48 ГК. Суд правомерно указал, что имущество юридического лица наряду с вещными объектами включает в себя и денежные средства, находящиеся на счетах юридического лица[6]. Итак, **организация после продажи предприятия продолжает функционирование в качестве юридического лица;** другое дело, что не исключается и вариант ее ликвидации.

---

[5] См.: Дозорцев В.А. Указ. соч. С.251; Жариков Ю.Г., Масевич М.Г. Недвижимое имущество: Правовое регулирование. Научно-практическое пособие. М., 1997. С.184-185; Козлова Е.Б. Государственная регистрация договора купли-продажи предприятия и перехода права собственности на предприятие как имущественный комплекс // Юридический мир. 1999. №4. С.40; Куликов А.Д. Правовое регулирование ипотеки предприятия // Юридический мир. 1999. №11. С.37; Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / Отв. ред. А.Ю.Кабалкин. М., 1998. С.142.

[6] Судебное дело приводится по: Табашников В.Н. Указ. соч. С.8.

Помимо прочего, в случае признания предприятия всем имуществом юридического лица получалось бы, что практически каждое юридическое лицо, включая некоммерческие организации, при любых обстоятельствах и на любом этапе своего существования имеют недвижимость, ведь предприятие отнесено законом к недвижимому имуществу. Нелепость такого следствия очевидна. Кроме того, в силу прямого указания закона имущественный комплекс, образующий предприятие, должен использоваться в предпринимательской деятельности (п.1 ст.132 ГК); имущество же юридического лица может включать в себя объекты с иным целевым назначением. Резюмируя сказанное, в настоящее время **представляется недопустимым отождествлять предприятие с имуществом юридического лица**.

Трактовка предприятия как *имущества, предназначенного для осуществления предпринимательства* ***(второй подход)***, близка к представленному выше взгляду на предприятие; отличие заключается лишь в том, что речь в данном случае идет не обо всем имуществе организации, а об определенной его части, а именно – об имуществе, используемом в коммерческих целях. Следует заметить, что такой подход не имел и не имеет принципиальных сторонников среди цивилистов; поводом же для его существования на сегодняшний день является редакция ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», п.1 ст.86 которого определяет, что при продаже предприятия (бизнеса) должника в процессе внешнего управления отчуждению подлежат все виды имущества, предназначенного для осуществления предпринимательской деятельности должника. В связи с этим, например, Н.А.Васильева считает, что имущество, пусть прямо и не связанное с целью деятельности организации, но предназначенное для предпринимательства, относится к предприятию и подлежит отчуждению при продаже предприятия (бизнеса) должника[7]. В формально-юридическом плане высказанное Н.А.Васильевой мнение совершенно обоснованно. Вместе с тем, простое комментирование приведенной нормы закона представляется нам недостаточным, ибо оно не отвечает на вопрос о том, а верно ли вообще подошел законодатель к регулированию продажи предприятия в рамках процедур банкротства. Не утрачивает ли термин «предприятие» статуса самостоятельного правового понятия при рассмотрении предприятия в качестве любого имущества организации, предназначенного для осуществления коммерции?

[7] В качестве примера автор приводит ценные бумаги акционерного общества и сравнивает их с детским садом и домом отдыха, имеющими социально-культурное, бытовое назначение: если ценные бумаги входят в состав предприятия, то детский сад и дом отдыха – нет. См.: Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» / Под общей ред. В.В.Витрянского. М., 1998. С.212-213.

Неточность редакции исследуемой нормы убедительно показала М.В.Телюкина, отметившая, что подобная редакция, игнорирующая возможность наличия у должника нескольких предприятий, способна породить немало проблем на практике. И действительно, «...осуществление продажи одного из предприятий должника может рассматриваться как противоречие содержанию ч.2 п.1 ... статьи (ст.86 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». – Ю.П.), так как в этом случае отчуждаться будут не все виды имущества, предназначенного для осуществления предпринимательской деятельности должника»[8]. Вполне очевидно, что не существует никаких соображений практического или теоретического характера столь «примитивно» подходить к определению предприятия. Более того, как мы только что видели, это может привести к не совсем оправданным последствиям на практике. В связи с этим М.В.Телюкина предлагает расценивать рассматриваемую норму «...как установление необходимости отчуждения при продаже предприятия всех видов имущества, предназначенных для осуществления предпринимательской деятельности в рамках отчуждаемого имущественного комплекса»[9]. Однако это предложение кажется нам не совсем верным, поскольку толкование, данное ученым, все равно противоречит закону, который, несмотря ни на что, говорит об отчуждении всякого имущества, предназначенного для осуществления коммерческой деятельности. Кроме того, в силу п.1 ст.132 ГК весь имущественный комплекс, образующий предприятие, предназначен для осуществления предпринимательской деятельности, а потому невозможно имущество, относящееся к предприятию, разделить на имущество, предназначенное и не предназначенное для предпринимательства.

Решение вопроса, с нашей точки зрения, должно носить более кардинальный характер. Думается, правильным было бы внести изменения в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а именно:

а) абз.8 ст.85 изложить в следующей редакции: «продажа одного или нескольких предприятий должника»;

б) заменить название ст.86 на следующее: «Продажа предприятия (предприятий) должника»;

в) абз.1 п.1 ст.86 изложить в следующей редакции: «В целях удовлетворения требований кредиторов план внешнего управления может предусматривать продажу одного или нескольких предприятий должника»;

г) изложить абз.2 п.1 ст.86 следующим образом: «При продаже предприятия как имущественного комплекса отчуждению подлежат все виды

[8] Телюкина М.В. Указ. соч. С.142.

[9] Там же. С.142.

имущества, относящиеся к предприятию (п.2 ст.132 Гражданского кодекса Российской Федерации), за исключением прав и обязанностей, которые не могут быть переданы другим лицам».

В соответствии с ***третьим подходом***, *предприятие представляет собой сложную вещь*. Вопрос о правомерности отнесения к предприятию исключительно вещей не единожды поднимался в юридической литературе. В дореволюционной цивилистике он проявился наиболее явным образом в дискуссии о том, тождественно ли торговое предприятие торговому заведению или нет (т.е. является ли заведение лишь одной из составных частей предприятия, образующих последнее наряду с другими не менее важными элементами). Одни ученые считали смешение предприятия с заведением недопустимым (А.И.Каминка, В.Розенберг)[10]; другие – допускали такую возможность (В.Удинцев)[11], за что были подвергнуты критике.

Полемика продолжилась и в советской юридической науке; однако, она приобрела несколько иной аспект. В качестве комплекса орудий и средств производства (а значит – комплекса вещей), выделенных для выполнения определенной хозяйственной задачи, предлагали считать предприятие (речь шла о государственном социалистическом предприятии) как объект права собственности А.В.Венедиктов и поддержавший его Д.М.Генкин[12]. Их оппонентами, в частности, выступили А.В.Карасс, С.М.Корнеев, Е.А.Мельников, включившие в состав предприятия помимо основных и оборотных средств также права и обязанности[13]. Таким образом, вопрос о составе предприятия рассматривался под углом зрения возможности установления в отношении предприятия вещного права.

С принятием нового ГК, впервые определившего состав предприятия (п.2 ст.132), приведенные дискуссии в значительной мере утратили былую остроту, но сохранили свою актуальность, поскольку проблема рассмотрения предприятия в качестве вещи не решена окончательно и в настоящее время ни в законодательстве, ни в специальной литературе.

Следует отметить, что употребление термина «предприятие», в том числе в разноотраслевых нормативных актах, для обозначения особой

---

[10] См.: Каминка А.И. Указ. соч. С.112; Розенберг В. Торговое имя, фирма и торгово-промышленное предприятие. С.280.

[11] См.: Удинцев В. Указ. соч. С.222, 243 и далее.

[12] См.: Венедиктов А.В. Указ. соч. С.592; Генкин Д.М. Право собственности в СССР. С.86-87.

[13] См.: Карасс А.В. Право государственной социалистической собственности (объекты и содержание). С.66-68; Корнеев С.М. Право государственной социалистической собственности в СССР. М., 1964. С.159-163; Мельников Е.А. Право государственной социалистической собственности. Куйбышев, 1976. С.52.

сложной вещи достаточно традиционно. Однако основной критерий отнесения той или иной сложной вещи к категории предприятий здесь носит скорее технический, чем юридический характер. Поэтому о предприятии-вещи говорится в аспекте его ввода в действие, строительства, расширения, реконструкции, технического перевооружения[14] (т.е. имеются в виду действия по реконструкции, строительству, расширению, перевооружению производства, и прежде всего – зданий, сооружений, иных объектов основного, подсобного и обслуживающего назначения[15]). Главный же вопрос, в связи с этим, состоит в том, можно ли опираться на такое видение предприятия при изучении предприятия как специфического объекта прав. Представляется, что нет, и на это имеются, с нашей точки зрения, серьезные причины.

Состав предприятия как имущественного комплекса, используемого для осуществления предпринимательской деятельности, чрезвычайно разнороден: в силу прямого указания закона оно включает в себя не только вещи, но и права требования, долги, исключительные права (п.2 ст.132 ГК)[16]. Таким образом, предприятие представляет *совокупность вещей и иных объектов гражданских прав*, а не совокупность только вещей. Поэтому предприятие – сложный имущественный комплекс не может быть признано вещью, состоящей из разнородных вещей, образующих единое целое, предполагающее использование их по общему назначению, т.е. сложной вещью (ст.134 ГК); *сложную вещь образуют исключительно вещи*. В составе же предприятия может быть множество сложных вещей, но они не исчерпывают его структуру; более того, часто вещественная составляющая предприятия имеет меньшую имущественную ценность по сравнению с иными элементами, например, исключительными правами. Вряд ли имелся бы и смысл давать столь развернутое правовое регулирование отношений по поводу предприятия (специальные параграфы в главах ГК о купле-продаже и аренде), если признать предприятие просто сложной вещью.

Кстати сказать, данные выводы получили поддержку и в судебной практике. Об этом свидетельствует, в частности, анализ практики арбитражного суда Самарской области. Так, суд счел невозможным применить правила об обязательной государственной регистрации договора купли-продажи предприятия к продаже «нежилого помещения с под-

[14] См., например: п.2 ст.740 ГК; ст.1 ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений».

[15] Подробнее см.: Реконструкция промышленных предприятий. В 2-х томах / Под ред. В.Д.Топчия, Р.А.Гребенника. М., 1990. Т.1. С.5 и далее.

[16] В связи с этим не иначе как недоразумением следует считать положения ст.5 ФЗ от 16 июля 1998 г. «Об оценочной деятельности в РФ» (СЗ РФ, 1998, № 31, ст.3813), которая обозначает предприятие как совокупность вещей.

валом, известного как магазин «Фонтан»[17]. По другому делу арбитражный суд Самарской области фактически рассмотрел рыбцех в качестве недвижимого имущества, не являющегося предприятием, дав оценку возникшим между сторонами правоотношениям с позиции норм ГК об аренде зданий и сооружений[18].

В связи с изложенным трудно согласиться с мнением авторов, рассматривающих предприятие в качестве сложной вещи, не делая при этом каких-либо специальных пояснений или оговорок (Е.А.Богатых, М.И.Брагинский, И.В.Елисеев, Е.А.Суханов, Л.В.Щенникова, К.Б.Ярошенко)[19]; поэтому мы присоединяемся к позиции ученых, выступающих **против отождествления предприятия с вещью** (В.В.Витрянский, Ю.Г.Жариков, О.М.Козырь, М.Г.Масевич)[20].

В качестве особой разновидности рассматриваемого подхода можно считать точку зрения на предприятие, заключающуюся в том, что *предприятие при определенных обстоятельствах может быть сложной вещью*, поскольку качественный состав предприятия не является постоянной величиной; все зависит от конкретной ситуации. Наиболее рельефно изложенная позиция представлена у В.Н.Табашникова. «Имущественный комплекс, – считает ученый, – нельзя свести к понятию сложной вещи, он определяет более емкое явление, чем сложная вещь: последняя состоит из реальных, наличных вещей, а имущественный комплекс образуют не только вещи, но и иное имущество. Хотя, **безусловно** (выделено нами. – Ю.П.), могут встречаться случаи, когда понятиями «имущественный комплекс» и «сложная вещь» определяют один и тот же объект»[21]. Очевидно, что в последнем случае имеются в виду еще или уже не действующие имущественные комплексы (например, только что построенный завод как совокупность телесных вещей).

---

[17] Решение арбитражного суда Самарской области от 18 марта 1998 г. по делу №А55-217/97-17 // Архив арбитражного суда Самарской области.

[18] Постановление апелляционной инстанции от 27 августа 1999 г. по делу №А55-4798/99-27 // Архив арбитражного суда Самарской области.

[19] См.: Богатых Е.А. Гражданское и торговое право. Часть 1. М., 1996. С.84; Брагинский М., Суханов Е., Ярошенко К. Объекты гражданских прав. (Комментарий ГК РФ) // Хозяйство и право. 1995. № 5. С.7; Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1997. С.103 (автор – И.В.Елисеев); Щенникова Л.В. Вещные права в гражданском праве России. М., 1996. С.9.

[20] См.: Витрянский В.В. Договор купли-продажи и его отдельные виды. С.266; Жариков Ю.Г., Масевич М.Г. Указ. соч. С.185; Козырь О.М. Указ. соч. С.281.

[21] Табашников В.Н. Указ. соч. С.12.

Думается, что такое видение предприятия является слишком широким и не соответствует идее законодателя, заложенной в ГК. Действительно, состав предприятия чрезвычайно изменчив, вследствие чего «нельзя ...определить экономический состав ...предприятия в качестве постоянной величины»[22]. Но речь здесь идет, по нашему мнению, лишь о возможности различных комбинаций элементов предприятия, зависимости структуры предприятия от его целевой направленности, а не о сущностной многовариантности состава предприятий, ведь с юридической точки зрения сложная вещь и имущественный комплекс, не являющийся сложной вещью, принципиально отличны друг от друга. Из этой посылки, думается, исходили и разработчики кодекса, обратившие внимание в пояснительной записке к основным положениям части второй ГК на специфичность предприятия как товара: «Особым товаром, включенным в оборот, становятся предприятия. Их продажа в целом, **«на ходу»**, предполагает передачу покупателю **не только зданий и оборудования, но и «привязанных» к материальной основе производства прав и обязанностей** продавца (выделено нами. – Ю.П.)»[23]. Т.е. предприятием должны именоваться не комплекты оборудования и иных вещей (зданий, сооружений, кассовой наличности и т.п.), а *находящиеся в эксплуатации* имущественные комплексы, состоящие наряду с вещами из иных объектов гражданских прав.

Помимо прочего, только что рассмотренный взгляд на предприятие, как и ранее перечисленные в настоящем параграфе подходы, ведут к нивелированию понятия предприятия, лишению его необходимой четкости и категориальной самостоятельности. И хотя правовые категории выполняют служебную роль, «однако это ...не означает, что применение их безгранично и, обладая известной абстрактностью, они могут использоваться в любой ситуации. Наоборот, организационный и экономический эффект может достигаться применением лишь строго определенных правовых средств»[24].

Последняя ***(четвертая)*** позиция исходит, прежде всего, из трактовки предприятия, данной в ст.132 ГК, определившей, что предприятие, во-первых, есть имущественный *комплекс*, используемый для осуществления предпринимательской деятельности, и во-вторых, этот комплекс включает в себя различные по своему режиму объекты гражданских прав, что делает невозможным признание предприятия сложной вещью.

---

[22] Дуссан И. К вопросу об отчуждении торгового предприятия. (Очерк французского и германского права) // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1913. № 28. С.51.

[23] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Проект. М., 1995. С.10.

[24] Развитие советского гражданского права на современном этапе / Н.С.Малеин, В.П.Мозолин и др. М., 1986. С.122.

Именно данная позиция представляется верной. Существенные ее отличия от ранее изложенных подходов заключаются в том, что:

1) состав предприятия следует определять не простым отнесением к нему различных имущественных объектов, принадлежащих субъекту (как это имеет место, например, при рассмотрении предприятия в качестве имущества организации или бизнеса), а на основе возможности или невозможности включения того или иного объекта в имущественный комплекс, характеризующийся целостностью, единством;

2) категория «предприятие» приобретает самостоятельную ценность, занимая особое место в терминологии, с помощь которой исследуются объекты гражданских прав, что в полной мере соответствует специальному выделению норм о предприятии (ст.132) в рамках гл.6 ГК.

Итак, **предприятие есть особый имущественный комплекс**, используемый для осуществления предпринимательской деятельности. Но утверждение о специфичности предприятия – имущественного комплекса свидетельствует о том, что наряду с предприятиями существуют и иные имущественные комплексы, ведь говоря об особенностях того или иного предмета познания, мы сравниваем его с другими предметами. Поэтому принципиальным для уяснения сущности предприятия является вопрос, всякий ли имущественный комплекс следует квалифицировать как предприятие. Так, по мнению В.Н.Табашникова, «в законодательстве термин «имущественный комплекс» употребляется исключительно при характеристике предприятия»[25]. Однако анализ действующего законодательства опровергает данное утверждение.

В частности, согласно п.2 ст.340 и п.1 ст.1013 ГК предметом ипотеки и доверительного управления могут быть *предприятие или другие имущественные комплексы,* т.е. предприятие не исчерпывает всех видов имущественных комплексов – объектов гражданских прав. Кроме того, отечественное законодательство употребляет термин «имущественный комплекс» для обозначения:

- системы газоснабжения («имущественный производственный комплекс, состоящий из технологически, организационно и экономически взаимосвязанных и централизованно управляемых производственных и иных объектов, предназначенных для добычи, транспортировки, хранения, поставок газа») и газораспределительной системы («имущественный производственный комплекс, состоящий из организационно и экономически взаимосвязанных объектов, предназначенных для транспортировки и подачи газа непосредственно его потребителям») – ст.ст.2, 6-8 ФЗ от 12 марта 1999 г. «О газоснабжении в РФ»[26];

[25] Табашников В.Н. Указ. соч. С.12.

[26] Российская газета, 1999, 8 апреля.

- паевого инвестиционного фонда («имущественный комплекс без создания юридического лица») – п.1 Указа Президента РФ от 26 июля 1995 г. № 765 «О дополнительных мерах по повышению эффективности инвестиционной политики РФ»[27];

- автозаправочной станции («обособленный стационарный имущественный комплекс, предназначенный для заправки горюче-смазочными материалами любых транспортных средств») – ст.2 Закона Самарской области от 21 июля 1999 г. № 29-ГД «О едином налоге на вмененный доход для деятельности по продаже горюче-смазочных материалов через автозаправочные станции на территории Самарской области»[28].

Очевидно, что имущественными комплексами также являются кондоминиум – «единый комплекс недвижимого имущества, включающий земельный участок в установленных границах и расположенное на нем жилое здание, иные объекты недвижимости» (ст.1 ФЗ от 24 мая 1996 г. «О товариществах собственников жилья»[29]), стационарный пункт наблюдения за состоянием окружающей природный среды, ее загрязнением, определяемый законодателем как «комплекс, включающий в себя земельный участок или часть акватории с установленными на них приборами и оборудованием, предназначенными для определения характеристик окружающей природной среды, ее загрязнения» (ст.1 ФЗ от 3 июля 1999 г. «О гидрометеорологической службе»[30]). Вряд ли вообще перечень имущественных комплексов, в том числе используемых для осуществления предпринимательской деятельности, может быть дан исчерпывающе.

Здравый смысл подсказывает, что трудно единую систему газоснабжения или кондоминиум считать предприятием. Следовательно, дефиниция «предприятие есть имущественный комплекс» явно недостаточна для сущностного определения предприятия; на первый план выдвигается проблема выяснения специфики предприятия как одного из возможных имущественных комплексов; возникает необходимость ответить на вопрос, какими признаками должен обладать имущественный комплекс, чтобы стать предприятием.

[27] СЗ РФ, 1995, № 31, ст.3097; 1998, № 9, ст.1097.
[28] Волжская коммуна, 1999, № 114, 27 июля.
[29] СЗ РФ, 1996, № 25, ст.2963.
[30] Российская газета, 1999, 30 июля.

2.2. ПОНЯТИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Определить какое-либо понятие – значит указать, что оно означает, установить существенные признаки, входящие в его содержание. Для правовой науки процесс определения понятий особенно важен, поскольку, как отмечалось, непротиворечивая и однозначно трактуемая юридическая терминология служит исходным моментом эффективной правоприменительной деятельности. Новый ГК впервые в отечественном гражданском законодательстве дал определение предприятия как объекта прав, признав его имущественным комплексом, используемым для осуществления предпринимательской деятельности (п.1 ст.132). Вместе с тем, этого явно недостаточно для сущностного понимания предприятия; поэтому вопрос определения предприятия не снимается с повестки дня.

Поставленная проблема, как указывалось, не является новой: она исследовалась и исследуется в отечественной и зарубежной литературе разных периодов. Интересно, что ряд авторов, усмотрев чрезмерную сложность феномена предприятия, вообще отказался от попыток выявить признаки последнего (Вольф, А.И.Каминка, Штегеманн)[31]. По утверждению Штегеманна, «определить теоретически предприятие также невозможно, как уложить все разнообразие экономической жизни в систематически расположенные правовые формулы». Этот подход нам представляется неконструктивным. Понятно, что все предприятия значительно отличаются друг от друга; всегда можно найти десятки серьезных различий даже между предприятиями, предназначенными для осуществления одной и той же деятельности. И тем не менее, когда мы говорим об определении предприятия, речь идет о юридической, а не фактической квалификации имущественного комплекса; вопрос состоит в установлении единых для всех предприятий особенностей, затрагивающих сущность, а не внешние проявления работы предприятия. Кроме того, и с методологической точки зрения без установления признаков предмета невозможно научно подходить к рассмотрению этого предмета.

Поэтому закономерно, что большинство авторов не оставляли (и не оставляют) попыток дать определение предприятия и выделить его основные признаки. Первоначальные исследователи предприятия сосре-

[31] Обзор воззрений указанных авторов см.: Каминка А.И. Указ. соч. С.115-116; Розенберг В. Торговое имя, фирма и торгово-промышленное предприятие. С.284.

доточивали свое внимание на его характеристике с точки зрения состава (Беренд, А.Моммзен, Эндеманн)[32]. С развитием законодательства, судебной практики и теории торгового права все большее значение стало придаваться проблеме выявления сути предприятия. Писко усмотрел эту суть в присущей предприятию организации средств производства и наличии более или менее обеспеченных путей сбыта[33]. Широкое распространение получило воззрение, в соответствии с которым предприятие есть совокупность средств для известной цели: в частности, И. Дуссан видел в торговом предприятии «совокупность имущественных средств, соединенных ради определенной экономической цели – производства торговли»[34], Н.И.Нерсесов определял предприятие как «совокупность всех для известной коммерческой или промышленной цели предназначенных производительных средств»[35], а Г.Ф.Шершеневич – как «совокупность личных и имущественных средств, соединенных для достижения известной торгово-хозяйственной цели по определенному плану»[36]. Интерес представляет определение предприятия, данное немецким ученым Л.Эннекцерусом: «предприятие..., – пишет он, – это сумма вещей, прав или фактический отношений (возможности, добрая воля), которые посредством субъекта прав (предпринимателя) связаны в организационное единство»[37]. Тем самым, автор подчеркивает единство предприятия, носящее, по его мнению, организационный характер. Выводы приведенных авторов, несомненно, заслуживают самого пристального внимания, хотя и требуют глубокого осмысления с позиции действующего российского законодательства, во многом отличного от дореволюционного отечественного и зарубежного.

Современная цивилистическая литература России, как правило, ограничивает характеристику предприятия указанием на основные моменты, содержащиеся в ст.132 ГК, в силу чего обычно определяет предприятие как имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности[38]. Вместе с тем, отрадно отме-

---

[32] Обзор взглядов указанных авторов см.: Розенберг В. Торговое имя, фирма и торгово-промышленное предприятие. С.283.

[33] Приводится по: Каминка А.И. Указ. соч. С.115.

[34] Дуссан И. Указ. соч. С.51.

[35] Нерсесов Н.И. Конспективный курс лекций по торговому и вексельному праву. М., 1896. С.54.

[36] Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 года). С.70.

[37] Эннекцерус Л. Указ. соч. С.67.

[38] См., например: Балабанов И.Т. Операции с недвижимостью в России. М., 1996. С.18; Витрянский В.В. Договор купли-продажи и его отдельные виды. С.265; Российское гражданское право: Учебник / Под ред. З.Г.Крыловой, Э.П.Гаврилова. М., 1999. С.52.

тить, что появляются и работы, в которых авторы выдвигают собственные определения предприятия и (или) специально указывают его признаки. В.Н.Табашников выделяет три признака предприятия: во-первых, предприятие есть имущественный комплекс – совокупность имущества, которое используется по единому назначению, во-вторых, это такой имущественный комплекс, который используется для осуществления лишь предпринимательской деятельности, и в-третьих, предприятие в целом является недвижимостью[39] (как видим, весь перечень данных признаков полностью вытекает из ст.132 ГК).

По мнению Т.Л.Левшиной, предприятию присущи четыре признака. Как и предыдущий ученый, она отмечает, что предприятие есть единый имущественный комплекс, включающий все виды имущества, предназначенные для осуществления деятельности (первый признак), и что данный комплекс используется для осуществления предпринимательской деятельности (второй признак). Наряду с этим, к числу самостоятельных признаков автор относит признаки, заключающиеся в том, что совершение сделок с предприятием не влечет прекращения предпринимательства, которое осуществлялось предыдущим владельцем, т.е. объектом является имущественный комплекс «на ходу» (третий признак), и что при совершении сделок с имущественным комплексом юридического лица последнее не прекращает свою деятельность в качестве субъекта гражданского права (четвертый признак)[40]. Отмеченные Т.Л.Левшиной особенности сделок с предприятиями, безусловно, важны для понимания предприятия как объекта; однако в изложении автора они скорее являются характеристиками сделок как юридических фактов и возникающих из них отношений, чем признаками самого предприятия – объекта прав. То, что у Т.Л.Левшиной обозначено как третий и четвертый признаки предприятия, на самом деле есть правовые последствия сущности (совокупности существенных признаков) предприятия, проявляющейся при совершении сделок, но не признаки самого предприятия (т.е. то, в чем предприятия сходны друг с другом или чем они отличаются друг от друга).

И.В.Елисеев под предприятием понимает «принадлежащий предпринимателю единый и обособленный имущественный комплекс, признаваемый недвижимостью и используемый для ведения предпринимательской деятельности» и выдвигает следующие специфические свойства предприятия. «Во-первых, – считает автор, – предприятие – это имущество, предназначенное для ведения предпринимательской деятельности. ...

---

[39] См.: Табашников В.Н. Указ. соч. С.12-14.

[40] См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Отв. ред. О.Н.Садиков. М., 1997. С.281-282.

Во-вторых, предприятие – это обособленное от других имуществ, в том числе принадлежащих тому же предпринимателю. В-третьих, предприятие – это единый имущественный комплекс, представляющий собой не просто совокупность разрозненных предметов, а одну непотребляемую сложную (совокупную) вещь. Наконец, предприятие – это вещь недвижимая»[41]. Заслуга И.В.Елисеева, предлагающего собственную дефиницию предприятия, несомненна. Однако, ряд моментов требует критического анализа. В частности, мы уже обращали внимание, что нельзя согласиться с трактовкой предприятия как сложной вещи; в дополнительном обосновании нуждается вывод об обособленности предприятия в составе имущества коммерсанта.

Таким образом, проблема определения предприятия остается нерешенной. Как известно, «...определение ценно не само по себе. Оно должно быть естественным итогом и закономерным выводом предшествующего процесса изучения предмета»[42]. Поэтому считаем логически необходимым сначала дать подробную характеристику предприятия с точки зрения его существенных признаков, а затем попытаться на основе проведенного анализа сформулировать понятие предприятия. Выдвигая те или иные признаки предприятия, мы, безусловно, будем основываться на нормативном материале. Вместе с тем, думается, что отдельные положения законодательства нуждаются в серьезной корректировке, вследствие чего нами вносятся предложения по совершенствованию законодательства, позволяющие более верно, как представляется, подойти к пониманию (а значит – и определению) предприятия.

Полагаем, необходимо выделять следующие основные признаки предприятия, благодаря которым отдельные имущественные комплексы и могут признаваться предприятиями:

а) предприятие с точки зрения своего состава является сложным (разнородным) имущественным комплексом, включающим материальные и нематериальные элементы (статическая характеристика предприятия);

б) элементы предприятия образуют целостность, единство, что позволяет осуществлять определенный (определенные) вид (виды) деятельности (интеграционная характеристика предприятия);

в) предприятие есть эксплуатируемый имущественный комплекс, так называемое предприятие «на ходу» (динамическая характеристика предприятия);

---

[41] См.: Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1997. С.103-104.

[42] Ивин А.А. Искусство правильно мыслить. М., 1990. С.101-102.

г) имущественный комплекс, образующий предприятие, используется в предпринимательской деятельности (целевая характеристика предприятия).

Перечисленные признаки тесно связаны между собой, и только вся их совокупность позволяет говорить о предприятии. Как можно заметить, первый и четвертые признаки носят чисто правовой характер, хотя и обусловлены экономическими причинами. Второй и третий признаки, наоборот, имеют экономическую «генетику», но порождают целый ряд правовых последствий и оказывают решающее значение для юридической квалификации имущественного комплекса в качестве предприятия. Это отражает реальное взаимодействие экономической и юридической наук, диалектическое взаимопроникновение экономических и правовых явлений. Законодатель также выделяет еще один признак предприятия, признавая его недвижимостью. Данное положение считаем спорным и требующим серьезного анализа.

2.2.1. Предприятие как сложный (разнородный) имущественный комплекс

Предприятие как имущественный комплекс отличается сложным составом. Подробно состав предприятия раскрывается в п.2 ст.132 и п.1 ст.656 ГК. Исходя из перечня объектов гражданских прав (ст.128 ГК), понятия имущества в гражданском законодательстве, а также анализа указанных статей ***состав предприятия*** можно разбить на следующие группы элементов:

1) вещи (земельные участки, здания, сооружения, оборудование; запасы сырья, топлива, материалов; продукция; иные основные и оборотные средства);

2) имущественные права (права пользования землей, водой и другими природными ресурсами, зданиями, сооружениями и оборудованием; права требования; иные имущественные права), кроме исключительных прав (также имеющих имущественный характер, но, как правило, выделяемых в отдельный вид объектов);

3) имущественные обязанности (долги);

4) исключительные права (права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, продукцию, работы и услуги; иные исключительные права).

Однако это вовсе не означает, что сделки с предприятиями должны охватывать все перечисленные элементы в полном объеме: во-первых, п.2 ст.132 ГК предусматривает в качестве объекта сделок не только предприятие в целом, но и его часть, во-вторых, законом или договором

могут устанавливаться изъятия из состава предприятия – предмета различных гражданско-правовых договоров (п.2 ст.132, ст.559, ст.656 ГК). Так, из п.1 ст.656 ГК вытекает, что если основные средства безусловно входят в состав сдаваемого в аренду предприятия, то оборотные средства, имущественные и исключительные права – лишь в порядке, на условиях и в пределах, определяемых договором. Отдельные авторы (А.А.Иванов, Г.С.Шапкина)[43] считают, что в договоре должны определяться порядок, условия и пределы передачи лишь оборотных средств. Однако грамматическое толкование п.1 ст.656 ГК, по нашему мнению, дает основание для вывода о распространении положения, предусматривающего необходимость специального фиксирования в соглашении правил о порядке, условиях и пределах передачи не только оборотных средств, но и имущественных и исключительных прав: слова «в порядке, на условиях и в пределах» связаны с глаголом «передать», с которым, в свою очередь, равноправно согласуются слова «оборотные средства», «имущественные права», «исключительные права».

Несмотря на возможность невключения в состав предприятия – предмета сделок – отдельных компонентов, **предприятие не должно сводиться лишь к комплексу тех или иных вещей, только к основным средствам** (пусть и являющимся «главным богатством»[44] коммерсанта): **использование предприятия в предпринимательской деятельности предполагает наличие в его составе иных объектов** гражданских прав. К аналогичному выводу приходит и С.А.Степанов, который совершенно обоснованно отмечает, что «...предприятие может выступать в качестве объекта гражданского права либо как имущественный комплекс, объединяющий вещи и имущественные права, либо как имущественный комплекс, существующий только как определенная совокупность имущественных прав. *Предприятие* как имущественный комплекс, *состоящий только из вещей*, ни теоретически, ни практически *невозможно*»[45] (курсив наш. – Ю.П.).

---

[43] См.: Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1997. С.188-189 (автор – А.А.Иванов); Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Отв. ред. О.Н.Садиков. М., 1997. С.228 (автор – Г.С.Шапкина). Иного мнения правомерно придерживается В. Утка (см.: Утка В. Аренда предприятия как имущественного комплекса // Хозяйство и право. 1999. № 2. С.74).

[44] Новиков С. Основные средства предприятий: Понятие, стоимость, износ, аренда и налогообложение // Хозяйство и право. 1997. №9. С.76.

[45] Степанов С.А. Предприятие как имущественный комплекс по Гражданскому кодексу Российской Федерации. Некоторые вопросы о составе имущественного комплекса предприятия // Актуальные проблемы гражданского права / Под ред. С.С.Алексеева. – М., 2000. С.53-54.

Показательно, что, например, французское законодательство, регламентируя отношения по продаже торговых активов, не относит к последним недвижимость, а также долги и требования к третьим лицам[46]. Поэтому во французской и отечественной литературе справедливо отмечается, что торговые активы не могут отождествляться с предприятием (С.Жамен, М.И.Кулагин, Л.Лакур)[47].

Значительную долю в структуре имущественного комплекса, образующего предприятие, занимают ***вещи*** (в том числе деньги и ценные бумаги), составляющие материальную базу осуществления производственно-коммерческой деятельности. Согласно п.1 ст.656 ГК, вещи, относящиеся к предприятию, подразделяются на основные и оборотные средства, понятия которых раскрываются в нормативно-правовых актах о бухгалтерском учете и отчетности.

Основные средства есть совокупность материально-вещественных ценностей, одновременно отвечающих следующим признакам:

а) они используются в качестве средств труда при производстве продукции, выполнении работ или оказании услуг либо для управления организации;

б) срок такого использования превышает 12 месяцев или равен обычному операционному циклу, если он превышает 12 месяцев (п.46 Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в РФ, утвержденного приказом Минфина РФ от 29 июля 1998 г. №34н[48]);

в) стоимость ценностей составляет более 100-кратного установленного законом размера минимальной месячной оплаты труда на дату приобретения (п.2.1 Положения по бухгалтерскому учету «Учет основных средств» (ПБУ 6/97), утвержденного приказом Минфина РФ от 3 сентября 1997 г. № 65н[49]).

Основные средства многократно участвуют в процессе производства и, постепенно изнашиваясь, переносят свою стоимость на созданный продукт по частям в течение ряда лет в виде амортизационных отчислений. Этим они отличаются от оборотных средств, которые более ликвидны по сравнению с основными средствами и потребляются в каждом производственном цикле, перенося всю свою стоимость на создаваемую

---

[46] См.: Гражданское и торговое право капиталистических государств / Отв. ред. Е.А.Васильев. М., 1993. С.114.

[47] См.: Жамен С., Лакур Л. Торговое право: Учебное пособие. М., 1993. С.42; Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. С.22.

[48] Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1998. №23. С.29.

[49] Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1998. №3. С.55.

продукцию. К *вещам, являющимся оборотными средствами* (не все оборотные средства есть вещи), относятся:

а) материально-производственные запасы предпринимателя, включающие, согласно п.3 Положения по бухгалтерскому учету «Учет материально-производственных запасов» (ПБУ 5/98), утвержденного приказом Минфина РФ от 15 июня 1998 г. № 25н[50], малоценные и быстроизнашивающиеся предметы, готовую продукцию, товары;

б) краткосрочные займы, высоколиквидные ценные бумаги и т.п., затраты на которые рассматриваются как краткосрочные финансовые вложения;

в) денежные средства – сумма денег в кассе, иные наличные денежные средства, готовые к дальнейшему обороту.

Предприятие является функционирующим имущественным комплексом; это предопределяет включение законодателем в его состав ***имущественных прав и обязанностей*** (долгов). Передача прав требования и иных имущественных прав позволяет приобретателю предприятия обеспечить его бесперебойную эксплуатацию. Отнесение к предприятию долгов важно потому, что передача актива без пассива способна привести к лишению кредиторов реальной возможности осуществить свои права. Иногда, правда, закон допускает случаи, когда долги не входят в состав отчуждаемого предприятия, например, при продаже предприятия несостоятельного должника (ч.4 п.1 ст.86 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Кстати сказать, это дало повод Пенсионному фонду России считать, что речь в такой ситуации должна идти о продаже не собственно предприятия как имущественного комплекса, а бизнеса, не обремененного долгами, не являющегося предприятием (п.14 Ответов на наиболее актуальные вопросы, связанные с применением ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», сообщенных письмом ПФР от 23 марта 1998 г. № 09-28/2029). Не соглашаясь с данной позицией по существу (ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» хоть и употребляет термин «бизнес», но наряду с термином «предприятие»; поэтому точнее будет рассматривать бизнес как особую разновидность предприятия либо отождествлять термины «бизнес» и «предприятие», а продажу предприятия несостоятельного должника считать специальным видом продажи предприятий), заслуживающей внимания является тенденция правоприменительных органов не сводить предприятие только к вещам.

Основная проблема правового характера заключается в диверсификации прав и обязанностей, относящихся к конкретному предприятию, особенно если у одного субъекта имеется сразу несколько имуществен-

[50] Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1998. №19. С.18-19.

ных комплексов. Поскольку, как мы увидим далее, в основе единства элементов предприятия лежит деятельность, постольку и к составу предприятия следует относить те права и обязанности, которые возникли в связи с деятельностью коммерсанта *в определенной сфере*. Однако стоит присоединиться к мнению В.Н.Табашникова, считающего, что «включение в состав продаваемого предприятия не связанных с его деятельностью долгов и прав требования может быть дополнительным способом определения продажной стоимости предприятия. Так, включение в состав предприятия «ликвидных» прав требования может повысить привлекательность предприятия для приобретателя, и наоборот, в том случае, если предприятие само по себе представляет значительную ценность, целесообразно включить в его состав долги»[51].

Теоретический интерес вызывает вопрос о видах имущественных прав, входящих в состав предприятия. Наиболее распространено деление имущественных прав на вещные и обязательственные. Пункт 2 ст.132 ГК говорит только о правах требованиях (правах, бесспорно, носящих обязательственный характер); в п.1 ст.656 ГК права требования указываются отдельно от имущественных прав арендодателя, связанных с предприятием (первые – уступаются; вторые – передаются). Это не совсем точно, поскольку права требования также являются имущественными правами. С нашей точки зрения, правомерно говорить о возможности передачи в составе предприятия, во-первых, вещных прав[52] (за исключением прав собственности, хозяйственного ведения и оперативного управления, ибо тогда незачем отдельно упоминать о передаче вещей), и, во-вторых, обязательственных прав, в том числе прав требования.

В п.1 ст.656 ГК специально выделяются права пользования землей, водой и другими природными ресурсами, зданиями, сооружениями и оборудованием. Указанные права пользования могут относиться к объектам, как находящимся, так и не находящимся в собственности арендодателя. В первом случае, по сути, мы имеем дело со сдачей объектов в аренду: фразы «передать вещь во временное пользование» и «передать право пользования вещью, принадлежащей на праве собственности» юридически равнозначны. Во втором случае закон предусматривает необходимость соблюдения особой процедуры, поскольку передача прав владения и пользования находящимся в собственности других лиц имуществом (в том числе землей и другими природными

[51] Табашников В.Н. Указ. соч. С.9.

[52] Это, правда, весьма маловероятно, однако указание на возможность перехода вещных прав имеет под собой основание, поскольку ст.216 ГК не дала исчерпывающего перечня вещных прав.

ресурсами) производится в порядке, предусмотренном законом и иными правовыми актами, а именно:

- передача прав и обязанностей по договору аренды (перенаем) по общему правилу требует согласия собственника (п.2 ст.615 ГК);

- переход прав пользования природными ресурсами нередко сопряжен с получением (переоформлением) лицензии. Так, при переходе права пользования участком недр в случае приобретения субъектом предпринимательской деятельности имущественного комплекса организации-банкрота лицензия на пользование участком недр подлежит переоформлению (ст.17.1 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. «О недрах»)[53]; права пользования водными объектами приобретаются на основании лицензии на водопользование и заключенного в соответствии с ней договора пользования водным объектом (ст.46 Водного кодекса РФ от 18 октября 1995 г.)[54].

В состав предприятия как имущественного комплекса закон включает ***исключительные права*** (интеллектуальную собственность). Объектами этих прав выступают результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации *юридического лица*, индивидуализации продукции, выполняемых работ или услуг (абз.1 ст.138 ГК). Использование объектов исключительных прав может осуществляться третьими лицами только с согласия правообладателя (абз.2 ст.138 ГК), субъект этих прав «...обладает монополией на реализацию тех возможностей, которые заложены»[55] в правах; в этом и заключается главный смысл признания рассматриваемых прав исключительными.

К числу наиболее распространенных средств индивидуализации относятся товарный знак, знак обслуживания и фирменное наименование. В п.2 ст.132 ГК, в отличие от ст.138 ГК, говорится о средствах индивидуализации не юридического лица, а предприятия, а также продукции, работ и услуг предприятия. Вопрос о возможности наличия у предприятия фирменного наименования будет рассмотрен далее; что же касается средств индивидуализации продукции, работ и услуг предприятия (товарных знаков, знаков обслуживания и др.), то здесь мы имеем дело с неточностью закона. Очевидно, что осуществлять выпуск продукции, выполнять работы и оказывать услуги может только субъект. Поэтому, исходя из того, что предприятие является объектом гражданских прав, выражение «продукция, работы и услуги предприятия» – не более, чем метафора.

---

[53] Ведомости...РФ, 1992, №16, ст.834; СЗ РФ, 1995, №10, ст.823; СЗ РФ, 1999, №7, ст.879; Российская газета, 2000, 13 января.

[54] СЗ РФ, 1995, №47, ст.4471.

[55] Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. С.528.

Применительно к предприятию исключительные права на средства индивидуализации имеют особое значение, хотя исключительные права собственно на результаты интеллектуальной деятельности, несомненно, также могут включаться в состав предприятия (например, исключительные права на использование изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, созданных работником в связи с выполнением служебных обязанностей или конкретного задания работодателя[56]).

Традиционно дискуссионной является *проблема включения в состав предприятия фирменного наименования* (точнее – права на фирменное наименование) и возможности его отчуждения. В дореволюционной цивилистической литературе данная проблема преимущественно исследовалась в ракурсе того, является ли фирма принадлежностью предприятия либо она индивидуализирует купца (коммерсанта), которому принадлежит предприятие. К первой точке зрения склонялись, например, Н.И.Нерсесов, В.Розенберг, Г.Ф.Шершеневич[57]; ко второй – Башилов, А.И.Каминка, Нефедов, В.Удинцев[58]. В предмет настоящего исследования не входит детальное изучение вопроса о фирменном наименовании: мы остановимся лишь на некоторых принципиальных моментах, непосредственно касающихся темы работы.

Согласно п.4 ст.54 и ст.138 ГК, фирменное наименование есть средство индивидуализации *юридического лица*. Вместе с тем, п.2 ст.132 ГК говорит о фирменном наименовании как обозначении, индивидуализирующем *предприятие* – объект гражданских прав. Но данная идея не проводится законодателем последовательно: в п.2 ст.559 ГК речь уже идет о фирменном наименовании продавца предприятия (а не самого предприятия), в п.1 ст.1027 ГК – о фирменном наименовании правообладателя – стороны договора коммерческой концессии. Поэтому в настоящее время однозначно можно говорить только о фирменном наименовании как средстве индивидуализации юридического лица – коммерческой организации.

Данный вывод имеет решающее значение для определения позиции о возможности отчуждения фирменного наименования, в том числе по

---

[56] См.: ст.8 Патентного закона РФ от 23 сентября 1992 г. (Ведомости...РФ, 1992, №42, ст.2319).

[57] См.: Нерсесов Н.И. Указ. соч. С.56; Розенберг В. Торгово-промышленное заведение и его вывеска // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1913. №22. С.419; Его же. Сложение фирмы // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1913. №31. С.194; Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 года). С.75.

[58] См.: Каминка А.И. Указ. соч. С.153, 154; Удинцев В. Указ. соч. С.226, 227, 234; Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 года). С.75-76 (обзор точек зрения Башилова и Нефедова).

сделкам купли-продажи и аренды предприятия. Поскольку оно индивидуализирует юридическое лицо, то, по мнению ряда авторов (Г.Е.Авилов, М.Г.Масевич, В.Н.Табашников, С.М.Чеучева)[59], право на рассматриваемый объект промышленной собственности не может отчуждаться по сделкам с предприятием. Эта точка зрения представляется верной: в противном случае может сложиться абсурдная ситуация, когда юридическое лицо, продав одно из своих многочисленных предприятий, не сможет продолжать деятельность, поскольку окажется без фирменного наименования. Кроме того, каждая коммерческая организация может иметь только одно фирменное наименование; если же допустить возможность отчуждения права на фирменное наименование, то может случиться, что, например, у покупателя предприятия – акционерного общества будет два фирменных наименования (одно – свое собственное, второе – перешедшее к нему от продавца предприятия).

Однако данная позиция не является общепризнанной. На взгляд И.В.Елисеева, «поскольку доктринальное понимание ...проблемы еще не сложилось, целесообразно следовать буквальному смыслу п.2 ст.559 ГК, включая фирму в предмет договора продажи предприятия»[60]. Думается, что выдвинутое автором положение не может рассматриваться как серьезный аргумент. Концептуальная неразработанность темы – еще не повод для буквального следования норме закона, противоречащей, кстати, другим нормам того же закона.

О.М.Олейник считает, что «...исключение фирменного наименования может в принципе негативно сказаться на возможности использовать предприятие как имущественный комплекс. Кроме того, если исключать это фирменное наименование из состава предприятия и не передавать его покупателю, то не вполне понятно, куда его определить как объект предпринимательской деятельности»[61]. Последнее утверждение нам представляется не совсем обоснованным: фирменное наименование как средство индивидуализации юридического лица никуда не девается при продаже предприятия, ведь юридическое лицо – продавец – не лишается своей правосубъектности в случае отчуждения предприятия. С замечанием же о практической значимости перехода права на фирму для эксплуатации предприятия стоит согласиться. Однако из этого вовсе не

---

[59] См., например: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. М., 1997. С.135-136 (автор – Г.Е. Авилов); Масевич М.Г., Чеучева С.М. Продажа предприятий // Дело и Право. 1996. № 7(55). С.33; Табашников В.Н. Указ. соч. С.10-11.

[60] Гражданское право: Учебник. Часть II / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1997. С.106.

[61] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая (Книга I.: Глава 30. Купля-продажа) / Отв. ред. Т.Е.Абова, А.Ю.Кабалкин. М., 1999. С.223.

обязательно следует то, что право на фирменное наименование является отчуждаемым. Не лучше ли сделать возможным «существование» помимо фирменного наименования юридического лица также и особого обозначения, под которым субъект осуществляет эксплуатацию принадлежащего ему имущественного комплекса? Это позволило бы избежать многочисленных теоретических и практических проблем, возникающих или могущих возникнуть при переходе права на фирменное наименование в результате отчуждения предприятия. В целях же недопущения терминологического смешения понятий следовало бы разграничить, с одной стороны, *фирменное наименование юридического лица*, а с другой стороны, *фирму как обозначение, под которым осуществляется использование предприятия*[62]. Именно право на фирму должно входить в состав предприятия и являться элементом предмета договоров, связанных с передачей предприятий. Кстати, это допускается Положением о фирме, утвержденным ЦИК и СНК СССР 22 июня 1927 г.[63], и широко распространено в зарубежных странах, где фирменное наименование коммерсанта может как совпадать, так и не совпадать с фирмой предприятия[64]. Относительно же фирменного наименования следует четко заявить, что оно не подлежит отчуждению, в связи с чем неправомерно говорить о переходе или передаче права на фирменное наименование (п.2 ст.559, п.1 ст.656 ГК). Однако при выполнении определенных условий (главным образом, связанных с соблюдением антимонопольного законодательства) юридическое лицо при продаже или аренде предприятия может предоставлять другим субъектам право на использование собственного фирменного наименования (аналогичная ситуация возникает при заключении договора коммерческой концессии – ст.1027 ГК).

Обобщая изложенное, основными теоретическими постулатами по вопросу о фирменном наименовании как элементе предприятия, по нашему мнению, должны стать следующие положения:

---

[62] В литературе обосновывается и иной подход, в соответствии с которым фирма и фирменное наименование – равнозначные понятия, фирменное наименование имеет двойственную правовую природу (средство индивидуализации субъекта экономической деятельности и предприятия). См.: Грибанов А. Предприятие и фирменное наименование (Сравнительный анализ по праву России и Германии) // Хозяйство и право. 2000. №11. С.3-13.

[63] См.: Нормативные материалы по гражданскому праву (сборник) / Составитель А.Ю.Кабалкин. М., 1965. С.48-49.

[64] См.: Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Комментарий. М., 1977. С.33, 152-153; Гражданское и торговое право капиталистических государств: Учебник. Ч.I / Под ред. Р.Л.Нарышкиной. М., 1983. С.143.

а) каждая коммерческая организация должна иметь фирменное наименование; любой субъект гражданского права, а не только коммерческая организация, может иметь наименования, под которыми он осуществляет эксплуатацию принадлежащих ему предприятий. Такие наименования следует называть фирмами;

б) фирменное наименование должно включать указание на организационно-правовую форму и оригинальное название, а фирма – указание на субъекта, которому принадлежит предприятие, указание на характер деятельности предприятия, а также оригинальное название;

в) фирменное наименование является средством индивидуализации коммерческой организации, а фирма – деятельности (промысла) субъекта, которому принадлежит предприятие;

г) оригинальное название как составной элемент фирмы может как совпадать, так и не совпадать с оригинальным названием – элементом фирменного наименования;

д) право на фирменное наименование является неотчуждаемым, правомерно говорить лишь о предоставлении права на использование оригинального названия, входящего в состав фирменного наименования. Право на фирму, в отличие от фирменного наименования, может быть отчуждено, но только одновременно с предприятием (принцип акцессорности фирмы с предприятием[65], которому следует, в частности, германское гражданское законодательство, и который закреплялся в п.12 Положения о фирме 1927 г.);

е) предоставление права на использование фирменного наименования, а также отчуждение права на фирму не допускаются, если это ведет к введению потребителей в заблуждение. Сообразуясь с этим, следует разработать и принять специальный правовой акт (постановление Правительства РФ), устанавливающий принципы и методику определения нарушений антимонопольного законодательства при совершении указанных действий.

В соответствии с выдвинутыми предложениями следует внести соответствующие изменения и дополнения в нормативные акты, в частности:

а) дополнить ст.54 ГК пятым пунктом следующего содержания: «5. Юридические лица вправе иметь специальные наименования, под которыми они осуществляют использование принадлежащих им предприятий как имущественных комплексов» (в силу п.3 ст.23 ГК данное правило будет в полной мере относиться и к индивидуальным предпринимателям);

[65] Данный принцип поддерживается многими авторами (см., в частности: Белов В.В., Виталиев Г.В., Денисов Г.М. Интеллектуальная собственность. Законодательство и практика его применения: Учебное пособие. М., 1997. С.130).

б) уточнить редакцию п.2 ст.559 ГК, заменив слова «права на фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания и другие средства индивидуализации продавца и его товаров, работ или услуг...» следующим текстом: «Права на товарный знак, знак обслуживания, фирму (либо право на использование фирменного наименования) и другие средства индивидуализации продавца, его деятельности, товаров, работ или услуг...». Аналогичные изменения должны быть внесены в абз.2 п.2 ст.132 и п.1 ст.656 ГК;

в) в части третьей ГК выделить отдельную главу (или параграф), посвященную вопросам регистрации и использования фирменных наименований и фирм;

г) дополнить перечень нематериальных активов, данный в п.55 Положения по ведению бухгалтерского учета и отчетности в РФ, правами на фирму. Это представляется особенно важным, поскольку возможность оборота исключительных прав предполагает включение их в состав нематериальных активов организации.

Представляется, что нельзя включать в состав отчуждаемого предприятия такое нематериальное благо как ***деловая репутация***. Деловая репутация характеризует не объект, а субъект прав (гражданина или юридического лица), а потому она имеет значение для осуществления конкретным субъектом предпринимательской деятельности как связанной, так и не связанной с использованием предприятия. Помимо прочего, деловая репутация в принципе является неотчуждаемым и непередаваемым объектом гражданских прав (п.1 ст.150 ГК).

Иной позиции придерживается, в частности, С.А.Степанов. Его главные аргументы – реальная ценность деловой репутации, непосредственная связь с получением дохода, а также аналогия с возможностью внесения деловой репутации в качестве вклада в договор простого товарищества[66]. Само по себе признание репутации как важного фактора экономической деятельности хозяйствующего субъекта не вызывает возражений, однако все-таки это не меняет принадлежности деловой репутации именно субъекту (которым предприятие, как отмечалось, ни при каких условиях не является), а не объекту. Сравнение же с договором простого товарищества представляется не вполне точным: деловая репутация, а равно деловые связи, профессиональные и иные знания, навыки и умения могут признаваться *вкладом товарища в общее дело* (п.1 ст.1042 ГК), от денежной оценки которого зависит порядок распределения прибыли, расходов и убытков (ст.ст.1046, 1048 ГК). Вместе с тем, в состав *общего имущества товарищей* деловая репутация не входит (ст.1043 ГК) и априори входить не может (по этим соображениям

[66] См.: Степанов С.А. Указ. соч. С.64-65.

вряд ли она относится и к *имущественному* комплексу, образующему предприятию).

В литературе (главным образом, зарубежной) обосновывается мнение, согласно которому к числу элементов предприятия относятся так называемые ***шансы (клиентелла)*** предприятия – фактическое положение предприятия на рынке, сложившиеся деловые связи (отношения с поставщиками и потребителями, т.е. клиентурой) и приобретенная репутация. Иногда клиентеллу отграничивают от шансов: шансы есть «возможность благоприятных результатов торгово-промышленной деятельности в будущем» (Беренд)[67], которая оценивается в том числе (но не единственно) на основе имеющейся клиентеллы. Во Франции рассмотренные нематериальные элементы обозначают термином «achallandage» и признают наличие особого права на achallandage; в Англии употребляют термин «goodwill».

Допускает возможность отнесения к составу предприятия шансов (клиентеллы) О.М. Козырь, хотя и отмечает сопряженные с этим трудности, заключающиеся в отсутствии нормативной основы инвентаризации такого рода нематериальных элементов (а ст.561 ГК требует инвентаризации состава предприятия)[68]. И все же, с юридической точки зрения довольно сложно говорить о клиентелле (шансах) как составных компонентах предприятия – имущественного комплекса. Убедительной критике концепция «шансы – элемент предприятия» была подвергнута Е.А.Флейшиц: «...отчуждения клиентелы и «шансов» вообще, в собственном смысле этого слова, быть не может, ...потому что как клиентела, так и «шансы» вообще представляются чисто фактическими условиями жизни предприятия. Но облеченное правовой силой соглашение о том или ином фактическом обстоятельстве вполне возможно. Название его, как в данном случае, отчуждением, конечно, нельзя не признать метафорой»[69]. Не вызывает сомнений, что шансы (клиентелла) оказывают (и порой – весьма существенное) влияние на определение рыночной оценки отчуждаемого предприятия; по сути, они есть не что иное, как разница между рыночной стоимостью активов и контрактной ценой на приобретаемое предприятие[70]; шансы могут быть учтены также и при оценке исключительных прав. Однако собственно элементами предприятия шансы (клиентелла) не являются: юридически так называемое отчуждение шансов состоит не в приобретении прав на шансы, а в принятии продавцом на себя ряда обязанностей по отношению к покупателю.

---

[67] Цит. по: Розенберг В. Торговое имя, фирма и торгово-промышленное предприятие. С.284.

[68] См.: Козырь О.М. Указ. соч. С.280.

[69] Флейшиц Е.А. Указ. соч. С.36.

[70] Подробнее см.: Олехнович Г.И., Боровская Е.А., Чистый Н.В. Указ. соч. С.22-23.

На практике в договоры продажи предприятия обычно включаются следующие обязанности продавца: не открывать новых предприятий с аналогичной предметной деятельностью; не разглашать и не использовать известные ему тайны, связанные с предприятием; оказывать содействие покупателю при эксплуатации предприятия на первоначальном этапе (представить приобретателя в кругу поставщиков, отсылать соответствующую корреспонденцию и т.п.).

Полагаем, что и в настоящее время не будет противоречием включать указанные обязанности в текст договоров, причем не только продажи, но и аренды предприятий. Для внесения окончательной определенности ст.ст.559, 656 ГК должны быть дополнены пунктами (п.4 ст.559, п.3 ст.656 ГК) следующего содержания: «Договором на продавца (или соответственно арендодателя) могут быть возложены обязанности воздерживаться от осуществления на определенной в договоре территории в течение установленного времени деятельности, аналогичной деятельности по использованию предприятия, а также оказывать продавцу (или соответственно арендатору) техническое, консультационное и иное содействие» (сходные правила зафиксированы в главах ГК, посвященных агентскому договору (ст.1007) и коммерческой концессии (ст.1033)). Принятие на себя продавцом отмеченных обязанностей не должно, однако, влечь ограничение конкуренции. Поэтому, например, нельзя включать в договор условие о запрете продавцу осуществлять определенные виды предпринимательства или вообще всякое предпринимательство.

Эксплуатация предприятия всегда производится людьми, трудовым коллективом; наряду с чисто имущественными отношениями при функционировании предприятия возникают трудовые отношения. Это породило точку зрения, согласно которой в состав предприятия должны включаться «права и обязанности предприятия (его собственника) в области трудовых отношений» (В.П.Мозолин)[71]. Данное предложение считаем спорным: предприятие является имущественным комплексом, ***трудовые же права и обязанности*** *имуществом не являются и имущественного характера не носят.* Как справедливо замечает О.М.Козырь, «...опасения о том, что «предприятие на ходу» не сможет быть объектом гражданско-правовых сделок, поскольку закон не включил в его состав права и обязанности в отношении работников, проистекают из недооценки трудового права как самостоятельной отрасли, вторгаться в положения которой у гражданско-правового регулирования просто нет

[71] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Научно-практический комментарий / Отв. ред. Т.Е.Абова, А.Ю.Кабалкин, В.П.Мозолин. М., 1999. С.229.

оснований»[72]. Безусловно, что регламентация трудовых отношений, в том числе и при отчуждении предприятия как имущественного комплекса, – прерогатива трудового, а не гражданского законодательства. Кроме того, отнесение прав и обязанностей в отношении работников может породить неверное представление о предприятии, поскольку, по большому счету, включение трудового коллектива в состав предприятия ведет к тому, что предприятие из объекта превращается в субъект.

Однако недопустимость рассмотрения трудовых прав и обязанностей в качестве элементов предприятия не означает утрату необходимости в регулировании вопроса их перехода при отчуждении имущественных комплексов. Основным принципом здесь должен стать **принцип «непрерывности трудовых отношений»**, когда отчуждение предприятия не влечет прекращения прав и обязанностей работников, обслуживающих предприятие (увольнения работников). Такой подход в наибольшей степени позволяет защитить интересы трудового коллектива, а также делает возможным продолжение бесперебойной работы предприятия при его отчуждении. В настоящее время выдвинутый принцип зафиксирован применительно к продаже предприятий в процессе банкротства: согласно п.2 ст.86 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» при продаже предприятия все трудовые договоры (контракты), действующие на момент продажи предприятия, сохраняют силу; при этом, права и обязанности работодателя переходят к покупателю предприятия. КЗоТ РФ прямо не содержит правил на этот счет (понятие «предприятие» используется кодексом для обозначения субъекта права, а не особого имущественного комплекса). Вместе с тем, в условиях отсутствия нормативного регулирования исследуемой проблемы трудовым законодательством к случаям отчуждения предприятий по аналогии может применяться ст.29 КЗоТ РФ, определяющая, что при смене собственника предприятия трудовые отношения с согласия работника продолжаются, а прекращение трудового договора (контракта) по инициативе администрации возможно только при сокращении численности или штата работников.

Проект Трудового кодекса РФ, внесенный Правительством РФ[73], также не регламентирует судьбу трудовых отношений при отчуждении предприятий. Однако обращает на себя внимание ст.70 «Трудовые правоотношения при смене собственника организации», указывающая, что

[72] Козырь О.М. Указ. соч. С.281. По этой причине положения о преемстве покупателя и арендатора в части трудовых прав и обязанностей, первоначально включенные в проект части второй ГК (см.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Проект. М., 1995. С.60-61, 87-88), не вошли в окончательный вариант.

[73] См.: Российская газета, 1999, 28 апреля.

смена собственника организации не является основанием для расторжения трудовых договоров с другими работниками организации; только в случае отказа работника от продолжения работы в связи со сменой собственника организации трудовой договор прекращается (имеется исключение – при смене собственника организации новый собственник не позднее трех месяцев со дня возникновения у него права собственности вправе расторгнуть трудовой договор с руководителем организации, его заместителями и главными бухгалтерами). Конечно, ни о какой смене собственника организации не может быть речи: в этом плане проект кодекса допускает обычную логико-лингвистическую ошибку, путая юридическое с экономическим (кстати сказать, в других статьях проекта (например, в ст.ст.76, 231) уже говорится о смене собственника имущества организации, а не самой организации). Несмотря на указанную погрешность, с перечисленными правилами трудно не согласиться по существу. Данные положения в полной мере могут быть применимы к случаям отчуждения предприятий. Учитывая, что предприятие не тождественно имуществу организации в целом, ст.70 проекта Трудового кодекса РФ должна быть дополнена абзацем следующего содержания: «Правила, установленные настоящей статьей, применяются также в случаях отчуждения предприятий как имущественных комплексов».

Принцип «непрерывности трудовых отношений» принят во многих зарубежных странах. В частности, в соответствии с §480 Коммерческого кодекса Чешской Республики (Закона № 513/1991 СБ) права и обязанности, вытекающие из трудовых правоотношений к работникам предприятия, переходят от продающего к покупателю[74]; согласно ст.35 кн.1 Кодекса труда Франции «если происходит изменение в юридическом положении предпринимателя, в частности в связи с наследованием, продажей ...капитала, ...все трудовые договоры, действующие в момент изменения, остаются в силе для отношений между новым предпринимателем и персоналом предприятия». Принципиально по-другому был решен вопрос в английском руководящем судебном решении 1966 г. по делу «Foster Clarck Indentire Trusts», в котором указывалось, что передача предприятия от одной компании к другой означает увольнение работников. Однако приведенная норма не стала господствующей в судебной практике Англии: последующие судебные решения признавали преемство в трудовых отношениях при отчуждении предприятий[75].

Обобщая все изложенное в настоящем разделе, можно сказать, что *сложность предприятия с точки зрения его состава проявляется в нескольких аспектах:*

---

[74] Три кита чешского права: Сборник кодексов. Прага, 1998. С.57.

[75] См.: Усенин В.И., Каленский В.Г., Маслов В.И. Указ. соч. С.19-20.

во-первых, оно всегда включает в себя разнородные объекты гражданских прав с неодинаковым правовым режимом (элементами предприятия могут быть вещи (недвижимые и движимые), права (в том числе исключительные) и обязанности);

во-вторых, предприятие состоит не только из наличного, но и долгового имущества (актива и пассива);

в-третьих, предприятие представляет собой совокупность как материальных, так и нематериальных элементов.

2.2.2. Предприятие как единый имущественный комплекс

Множественность и разноплановость элементов предприятия, а также перманентная изменчивость его состава вовсе не говорят о том, что оно представляет собой какой-то бессистемный, разрозненный, эклектичный конгломерат вещей и иных объектов. Данные элементы находятся во внутренней связи, обусловленной целевыми, организационными, техническими, технологическими и иными моментами, предполагают использование по общему назначению и образуют хозяйственную систему, *организованное единство*. В результате этого предприятие как система – «...это не просто сумма частей, а целостный комплекс, характеризующийся новым качеством, не присущим составляющим ...элементам»[76]. При ином варианте отсутствовала бы и необходимость в специальной регламентации сделок с предприятием в целом. Благодаря единству компонентов предприятия возможна самоценность последнего, отличная от ценности составных частей. Юридически признак единства находит отражение в определении предприятия как комплекса (от лат. complexus – связь, сочетание), под которым понимается «совокупность предметов, явлений или свойств, образующих одно целое»[77].

Интегративная целостность предприятия отчетливо проявляется в происходящей в рамках предприятия так называемой реальной суброгации, означающей, что «...отдельные имущества, входящие в состав совокупности, могут заменяться другими – совокупность продолжает существовать как неизменная. Новое имущество занимает место выбывшего, суброгируется ему»[78], сущностная же характеристика предприятия как системы не претерпевает серьезных изменений.

---

[76] Лаптев В.В. Правовая организация хозяйственных систем. М., 1978. С.6-7.

[77] Большая Советская Энциклопедия / Гл. ред. А.М.Прохоров. М., 1973. Т.12. С.585.

[78] Жюллио де ла Морандьер Л. Указ. соч. С.64.

Но что лежит в основе единства компонентов предприятия как совокупности функционирующих ресурсов, т.е. что цементирует элементы, в результате чего они образует некое новое качество в лице предприятия? В определенной мере этот вопрос исследовался в дореволюционной литературе. Опыт, накопленный цивилистикой того времени, может и должен быть использован в настоящее время.

Как отмечалось, господствующим подходом среди сторонников рассмотрения предприятия как объекта являлась точка зрения, согласно которой под предприятием понималось имущество (или производительные средства, или имущественные средства), предназначенное для известной коммерческой или промышленной цели. Следовательно, единство предприятия обусловлено единством цели использования составляющих его элементов. Так, по мнению немецкого автора Р.Исая, «хотя предприятие ...и состоит из самых разнообразных элементов, но все эти части ... содействуют в достижении одной общей цели»[79]. Несколько по-иному подошли к рассматриваемому вопросу Писко и поддержавший его А.И.Каминка, признававшие торговое предприятие имуществом, основанным на единстве деятельности[80].

Думается, что между приведенными подходами нет антагонизма, тем более что деятельность всегда носит целенаправленный характер. «Понятие деятельности фиксирует специфику общественной жизни людей, которая состоит в том, что они целенаправленно (подчеркнуто нами. – Ю.П.) преобразуют объективную природу и социальную действительность»[81]. И все же более точно будет говорить о предприятии как комплексе элементов, основанных на единстве деятельности субъекта, а не цели. Именно характер деятельности предопределяет минимальный набор элементов, необходимых для образования предприятия. Благодаря этому критерию можно без труда отграничить одно предприятие от другого (например, мастерскую по обслуживанию автомобилей от завода по производству спиртных напитков), так как деятельность предприятия всегда специализирована. Элементы и образуют целостное предприятие из-за того, что в своей совокупности они позволяют осуществлять *определенную* деятельность *в конкретной сфере* (одной или нескольких), приносящую доход, т.е. осуществлять *промысел*. Таким образом, наблюдается двусторонняя диалектическая связь (*взаимо*связь): с одной стороны, **деятельность порождает единство предприятия**, с другой стороны, это **единство дает возможность осуществлять промысел**.

---

[79] Цит. по: Розенберг В. Торговое имя, фирма и торгово-промышленное предприятие. С.284.

[80] См.: Каминка А.И. Указ. соч. С.115.

[81] Давыдов В.В. Теория деятельности и социальная практика // Вопросы философии. 1996. №5. С.52.

Целевое же назначение, по большому счету, у всех предприятий одинакова – использование для извлечения прибыли.

Единство предприятия проявляется в различных аспектах. В частности, можно говорить об организационном аспекте (деятельность по эксплуатации предприятия производится по определенному плану, организованным коллективом людей с четко установленными функциями и т.п.), о технологическом аспекте (вещественная составляющая предприятия всегда образует технологическое единство), о территориальном аспекте (как правило, коммерческое использование предприятия приурочено к определенному месту). Однако все перечисленное носит фактический, а не юридический характер. Характеристика предприятия как экономического целого не вызывает сомнений; спорным является вопрос, *составляет ли предприятие не только хозяйственное, но и юридическое единство*, не только фактическую, но и юридическую совокупность элементов.

Анализ гражданского законодательства позволяет утверждать, что **единство предприятия носит**, в том числе, и **юридический характер**. Это вытекает, например, из того, что:

- ГК признает оборотоспособными предприятия в целом, а не только их отдельные элементы (п.2 ст.132), что объясняет специальное выделение норм о продаже и аренде предприятия в главах ГК, посвященных купле-продаже и аренде;

- по общему правилу при ипотеке предприятия право залога распространяется, в том числе, на имущество, приобретенное в период ипотеки (п.2 ст.340 ГК);

- права на средства индивидуализации продавца, а также права использования таких средств индивидуализации переходят к покупателю, если иное не предусмотрено договором (п.2 ст.559 ГК), т.е. исключительные права следуют судьбе отчуждаемого имущественного комплекса;

- в случае передачи в составе проданного предприятия долгов, не указанных в договоре, покупатель вправе требовать уменьшения покупной цены (п.3 ст.565 ГК), но долги все равно считаются переведенными;

- момент передачи всех составных элементов предприятия при его продаже совпадает (этот момент определяется днем подписания передаточного акта обеими сторонами) (п.2 ст.563 ГК).

Приведенные *примеры, характеризующие юридическое единство предприятия, относятся к сфере обязательственных отношений*. Но можно ли и следует ли пойти дальше и признать предприятие единым объектом вещного права, и, в частности, объектом права собственности? Из п.2 ст.132 ГК вытекает положительный ответ: предприятие в целом или его часть, – гласит ГК, – могут быть объектом купли-продажи, залога,

аренды и других сделок, связанных с установлением, изменением и прекращением вещных прав. Отсюда – многократное употребление законодателем термина «собственность» применительно к предприятию (п.1 ст.559, ст.564 ГК; п.2 ст.73 ФЗ «Об ипотеке» и др.), признание предприятия в целом недвижимостью (п.1 ст.132 ГК), определение момента перехода права собственности на продаваемое предприятие моментом государственной регистрации права (ст.564 ГК) и т.п. Однако правильно ли подошел законодатель к решению этого важнейшего и теоретически непростого вопроса?

Проблема признания предприятия объектом права собственности является дискуссионной. Многие авторы допускают возможность установления права собственности на предприятие в целом (М.И.Брагинский, В.А.Дозорцев, А.А.Иванов, А.В.Карасс, С.М.Корнеев, В.АРясенцев, В.Н.Табашников, Ю.К.Толстой и др.)[82]. Иную позицию заняли, как отмечалось, А.В.Венедиктов и Д.М.Генкин, утверждавшие, что под предприятием как объектом собственности необходимо понимать лишь орудия и средства производства[83].

Впервые в советской литературе вывод о возможности установления вещного права в отношении предприятия в целом был сделан А.В.Карассом, увидевшем в государственном предприятии самостоятельный объект права государственной социалистической собственности, отличный от средств производства, составляющих «тело» предприятия. «Право собственности, – считал ученый, – связано с вещами, предприятие как объект права собственности также представляет особого рода «вещь»[84]. Последнее замечание особенно важно: автор не отрицает известного доктринального положения, что объектами вещных прав выступают вещи, вследствие чего автор и причисляет предприятие к вещам.

В.А.Дозорцев также подчеркивает, что объектом права собственности могут быть только материальные вещи, ограниченные в простран-

---

[82] См.: Брагинский М.И. К вопросу о соотношении вещных и обязательственных правоотношений // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А.Хохлова. С.125; Корнеев С.М. Указ. соч. С.160-163; Советское гражданское право. Часть I / Отв. ред. В.Т.Смирнов, Ю.К.Толстой, А.К.Юрченко. Л., 1982. С.243 (автор – Ю.К.Толстой); Советское гражданское право: Учебник: В 2-х частях. Ч.1 / Отв. ред. В.А.Рясенцев. М., 1986. С.306-307 (автор – В.А.Рясенцев). Ссылки на работы В.А.Дозорцева, А.А.Иванова, А.В.Карасса, В.Н.Табашникова приводятся далее.

[83] См.: Венедиктов А.В. Указ. соч. С.592; Генкин Д.М. Право собственности в СССР. С.87.

[84] См.: Карасс А.В. Право государственной социалистической собственности (объекты и содержание). С.63.

стве. Вместе с тем, автор считает, что из этого принципа есть одно исключение: права могут выступать объектами права собственности, когда речь идет о предприятии как имущественном комплексе. «В обособленном же виде обязательственные требования и другие права на объекты, не имеющие вещественного характера, никак не могут входить в число объектов права собственности»[85]. Аналогичное мнение высказывают В.В.Витрянский и А.А.Иванов. Так, В.В.Витрянский указывает, что «имущественные права в самостоятельном виде не могут принадлежать кому-либо на праве собственности или ином вещном праве»[86]; с точки зрения А.А.Иванова, «...обязательственные права или права на нематериальные блага могут оказаться в составе сложных вещей..., скажем, предприятий. А сложные вещи как некое структурированное целое являются объектами вещного права. Однако в этом случае ни права требования, ни права на нематериальные блага ...не попадают в число объектов вещного права *прямо и непосредственно* (курсив наш. – Ю.П.)»[87]. Но в чем же тогда заключается смысл отнесения нематериальных элементов предприятия к числу объектов права собственности, если сами они прямо и непосредственно такими объектами быть не могут? Не превращается ли предприятие как объект права собственности в слишком «эфемерную» фикцию?

На наш взгляд, разница в правовой природе материальных и нематериальных элементов, образующих предприятие, так велика, что распространять на них единый правовой режим в рамках предприятия представляется теоретически неверным и нецелесообразным. «Доктрина и практика выделяют отдельные элементы имущественного комплекса предприятия – материальные и нематериальные. Смысл такого выделения определяется тремя причинами. Во-первых, для этих элементов... действует различный правовой режим эксплуатации. Во-вторых, данные элементы защищаются различными правовыми способами... В-третьих, при отчуждении предприятия ...подлежат самостоятельной, дифференцированной стоимостной оценке и подчинены по закону неодинаковому порядку перехода к новому собственнику»[88]. Неудивительно, что, например, при регулировании договора аренды предприятия законодатель вынужден подробно описывать состав сдаваемого в аренду предприятия, причем, употребляя термин «владение и пользование» только в отношении основных средств (права требования уступаются, а долги переводятся!). Говорить же о единстве предприятия и

[85] См.: Дозорцев В.А. Указ. соч. С.231-232.
[86] Витрянский В.В. Договор мены // Вестник ВАС РФ. 2000. №2. С.130.
[87] Иванов А.А. Вещное право // Правоведение. 1992. № 1. С.117.
[88] Гражданское и торговое право капиталистических государств / Отв. ред. Е.А.Васильев. М., 1993. С.112-113.

устанавливать особенности в переходе предприятий, связанные с одновременной передачей разнородных объектов гражданских прав, допустимо и в случае непризнания предприятия в целом объектом вещных прав. Ведь, например, когда мы говорим о наследственной массе как совокупности имущественных прав и долгов наследодателя, никому не приходит в голову мысль определять эту массу объектом права собственности. Кстати сказать, иногда даже авторы, не оспаривающие положение ГК о предприятии в целом как объекте вещных прав, проводят четкую грань между передачей отличных друг от друга по своему режиму компонентов предприятия. Так, по мнению В.С.Ема, «передача предприятия как целостного имущественного комплекса предполагает совершение продавцом и покупателем различных сделок, направленных на отчуждение отдельных элементов предприятия покупателю. Поэтому на базе договора продажи предприятия могут быть заключены различные договоры»[89]. Однако не означает ли это как раз то, что предприятие не следует рассматривать объектом единого вещного права?

Кроме того, объектом права собственности, хозяйственного ведения и оперативного управления, как было заявлено ранее, могут быть только вещи – материальные предметы (так называемые «телесные» вещи), а предприятие не является сложной вещью. Но из этого логически следует, что предприятие в целом не может быть и объектом вещных прав. В данном качестве могут выступать лишь отдельные материальные компоненты предприятия: здания, сооружения, станки и т.п. Поэтому *считать предприятие в целом объектом собственности – значит подменять юридическое экономическим.*

На наш взгляд, при рассмотрении предприятия объектом права собственности имеет место неразличение содержания термина «имущество» и значение термина «объект собственности». Когда мы заявляем, что субъекту принадлежит определенное имущество, то имеются в виду те вещи, которыми он вправе владеть, пользоваться и распоряжаться, а также те права и обязанности, которые возникли в результате участия субъекта в различных правоотношениях. Предприятие, как отмечалось, может быть рассматриваемо в качестве имущества, т.е. совокупности вещей, прав, имеющих денежную оценку, и обязанностей, а в наиболее абстрактном понимании имущества – в качестве совокупности только имущественных прав (вещных, обязательственных, исключительных) и обязанностей. **Ни права, ни обязанности к числу объектов права собственности не относятся.** Но **это не значит, что они не могут выступать**

[89] Ем В.С. Договор продажи предприятия как форма отчуждения и приобретения бизнеса // Законодательство. 1999. №11. С.16.

объектами обязательственных отношений, в том числе и в составе предприятия как имущественного (а не вещественного!) комплекса.

Важно отметить, что хотя в литературе и отмечается тенденция к рассмотрению предприятия в буржуазных государствах в качестве объекта собственности[90], нормы законодательства многих зарубежных стран не позволяют юридически говорить о признании предприятия единым объектом вещных прав. Например, в соответствии с п.1 §476 Коммерческого кодекса Чешской Республики договором о продаже предприятия продающий обязывается перевести на покупателя *право собственности к вещам, другие права* и другие имущественные ценности, которые служат для работы предприятия, а покупатель обязывается перенять обязательства продающего, связанные с предприятием, и уплатить цену покупки[91]. Итак, чешский законодатель особо подчеркивает, что право собственности относится лишь к вещам, которые не исчерпывают состав предприятия. ЕТК США в ст.6-102 определяет, что при комплексной продаже отчуждаются оборудование, материалы, товары и иные материальные запасы[92]; для передачи нематериальных элементов (прав требования, долгов) требуется отдельное соглашение (или специальная оговорка в договоре продажи активов действующего торгового предприятия)[93]. Французское законодательство допускает установление ипотеки на торговый фонд, не включающий наряду с недвижимостью права требования к третьим лицам[94]. Таким образом, зарубежное законодательство устанавливает различия в правовом режиме элементов сложных имущественных комплексов.

С учетом всего вышеизложенного представляется, что **предприятие в целом**, единство которого хоть и носит не только экономический, но и юридический характер, **не является объектом вещных прав, особого (единого) права на предприятие не существует**. «Права на предприятие в той же мере не существует, – справедливо подчеркивает Л.Эннекцерус, – как и права на имущество. Поэтому не существует вещных прав на предприятие, предприятие не может быть также рассматриваемо как субъективное право»[95]. Однако **предприятие в целом может выступать объектом обязательственных отношений**. *В этом и заключается основная специфика предприятия как объекта гражданских прав.*

---

[90] См.: Кулагин М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада. М., 1992. С.66.

[91] См.: Три кита чешского права: Сборник кодексов. С.56.

[92] Единообразный торговый кодекс США / Серия: Современное зарубежное и международное частное право. М., 1996. С.270-273.

[93] См.: Farnsworth A.E. Contracts. New York, 1999. P.704, 749.

[94] См.: Жариков Ю.Г., Масевич М.Г. Указ. соч. С.186.

[95] Эннекцерус Л. Указ. соч. С.67.

В свете высказанных тезисов возникает вопрос о моменте перехода отдельных элементов предприятия к принимающей стороне при продаже предприятия. Нам кажется правомерным следующий подход к решению данного вопроса:

- право собственности на недвижимые вещи, относящиеся к предприятию, покупатель приобретает с момента государственной регистрации перехода права собственности, если иное не установлено законом; на движимые вещи – с момента передачи, если иное не установлено законом или договором (ст.223 ГК). Разграничение моментов перехода права собственности в отношении движимостей и недвижимостей, относящихся к предприятию, проводится, кстати, чешским законодателем: согласно п.3 §483 Коммерческого кодекса право собственности к вещам, включенным в продажу предприятия, переходит от продавца к покупателю днем вступления договора в силу; право собственности же к недвижимому имуществу переходит с момента записи в кадастре недвижимости[96];

- иные права продавца считаются переданными (уступленными), а долги – переведенными с момента подписания передаточного акта обеими сторонами (п.2 ст.563 ГК), если иное не установлено законом или договором. В частности, ранее указывалось, что права пользования некоторыми природными ресурсами (например, недрами, водными ресурсами) перейдут на покупателя только после получения (либо переоформления) специальной лицензии. Стороны могут предусмотреть, что права и обязанности продавца переходят на покупателя с момента регистрации перехода права собственности на объекты недвижимости, относящиеся к предприятию.

Иногда закон императивно устанавливает специальные правила о моменте перехода прав к покупателю. Так, в соответствии с п.2 ст.21 ФЗ «О приватизации...» право собственности на государственное или муниципальное имущество, которое приватизируется на коммерческом конкурсе, переходит к его победителю *после* выполнения инвестиционных и (или) социальных условий в отношении объекта приватизации: приватизация же предприятия возможна исключительно на конкурсе (п.2 ст.16 ФЗ «О приватизации...»). Выполнение условий конкурса должно быть установлено формируемой продавцом специальной комиссией и подтверждено ее актом, утвержденным продавцом (п.41 Положения о продаже на коммерческом конкурсе с инвестиционными и (или) социальными условиями государственного или муниципального имущества, утвержденного постановлением Правительства РФ от 9 ноября 1998 г. № 1311[97]).

---

[96] См.: Три кита чешского права: Сборник кодексов. С.57.

[97] СЗ РФ, 1998, № 46, ст.5699.

Сложность представляет вопрос определения момента перехода исключительных прав к покупателю. В п.2 ст.559 и п.1 ст.564 ГК заложена идея «автоматического» перехода данных прав. Вместе с тем, это противоречит отдельным положениями законодательства РФ. Например, уступка товарного знака либо предоставление права на его использование согласно ст.27 Закона РФ от 23 сентября 1992 г. «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»[98] допускаются исключительно на основании договора, подлежащего под страхом его недействительности регистрации в Патентном ведомстве[99]. Думается, что исключительные права при продаже предприятия в случаях, прямо установленных законом, должны переходить к покупателю только с момента регистрации такого перехода в Патентном ведомстве; этого требуют интересы защиты прав кредиторов и потребителей. Учитывая сложность предприятия как имущественного комплекса, включающего в себя помимо исключительных прав иные объекты, регистрации в Патентном ведомстве должен, с нашей точки зрения, подлежать не сам договор, а именно переход исключительного права от продавца к покупателю.

Полагаем, что в законодательство следует внести изменения и дополнения, сообразующиеся с выдвинутыми теоретическими положениями, а именно:

а) абз.1 п.2 ст.132 ГК изложить в следующей редакции: «Предприятие в целом или его часть могут быть предметом договоров купли-продажи, аренды, залога, доверительного управления и иных сделок.».

Необходимость исключения из данного абзаца слов «связанных с установлением, изменением и прекращением вещных прав» продиктована не только тем, что предприятие в целом не является объектом вещных прав, но и тем, что необоснованно считать вещными правами (в чистом виде) права, возникающие из договоров аренды[100], залога[101]

---

[98] Ведомости... РФ, 1992, № 42, ст.2322.

[99] В настоящее время согласно подпункту 47 п.6 Положения о Министерстве юстиции РФ, утвержденного Указом Президента РФ от 2 августа 1999 г. №954 (Российская газета, 1999, 5 августа), функции государственного Патентного ведомства осуществляет Минюст РФ.

[100] Вопрос о сущности арендных прав является спорным. Большинство авторов отрицают за ними вещный характер (см., в частности: Суханов Е. Общие положения о праве собственности и других вещных правах // Хозяйство и право. 1995. №6. С.44; Хохлов С.А. Право собственности и другие вещные права // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А.Хохлова. С.393).

и доверительного управления[102]. *Указанные права с точки зрения действующего законодательства имеют скорее обязательственно-правовую*, чем вещно-правовую *природу*, хотя, несомненно, и «отягощены» абсолютными элементами, вещными полномочиями (так, право залога и договор аренды сохраняются при переходе вещных прав на заложенное и арендованное имущество – ст.ст.353, 617 ГК; имущество, находящееся в хозяйственном ведении или оперативном управлении, не может быть передано в доверительное управление – п.3 ст.1013 ГК). Вещное право, «хотя и происходит начально от действия воли, но от единой, а не совокупной и двусторонней воли и, определившись однажды, своею силою существует и действует, требуя себе признания от всякого, кто бы

---

[101] Проблема отнесения залога к вещным или обязательственным институтам является традиционной для цивилистики. Одни авторы указывают на обязательственный характер залога (см: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М., 1998. С.402-404; Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С.186; Мейер Д.И. Русское гражданское право. Спб., 1902. С.342-343), другие – на вещный (см., например: Покровский И.А. История римского права. Спб., 1999. С.317; Щенникова Л.В. Указ. соч. С.19), третьи усматривают двойственную природу залога, видя в нем вещный способ обеспечения обязательства (см.: Вишневский А.А. Залоговое право. Учебное и практическое пособие. М., 1995. С.3-9; Свириденко О. Правовое регулирование залога и его реализация в банковском кредитовании // Хозяйство и право. 1998. №7. С.73-74).

[102] Очевидно, можно констатировать, что вещный институт траста так и не прижился в условиях российской правовой действительности. В настоящее время господствующим воззрением является характеристика доверительного управления как обязательственного института; противников доверительной собственности оказалось больше (см.: Безбах В. Доверительная собственность // Сов. юстиция. 1992. № 5. С.11; Кряжков А.В. Доверительное управление имуществом в России: формирование института и сферы применения // Государство и право. 1997. № 3. С.24; Суханов Е.А. Договор доверительного управления имуществом // Вестник ВАС РФ. 2000. № 1. С.82). Представляется это обоснованным, тем более, что и в английской традиции договор и траст коренным образом отличаются друг от друга (см.: Нарышкина Р.Л. Доверительная собственность в гражданском праве Англии и США. М., 1965. С.19-20). Ряд авторов признают вещно-правовой характер доверительного управления (см.: Рябов А.А. Траст в российском праве // Государство и право. 1996. № 9. С.45) или допускают одновременное существование траста и доверительного управления (см.: Лахно П., Бирюков П. Траст – новый институт российского права // Хозяйство и право. 1995. № 4. С.58; Сырбо В.А. Отражение научно-практических концепций траста в гражданском законодательстве России // Юридические гарантии прав субъектов предпринимательской деятельности: Сборник научных трудов / Отв. ред. Э.Г.Илиопуло. Кемерово, 1996. С.61).

то ни был»[103]. Рассматриваемые же нами права, являющиеся срочными по своей сути и непосредственно зависимыми от собственника, указанной характеристикой не обладают;

б) п.1 ст.559 ГК изложить в новой редакции: «1. По договору продажи предприятия продавец обязуется передать в собственность покупателя земельные участки, здания, сооружения, запасы сырья, топлива, материалов и иные основные и оборотные средства, а также уступить права требования, передать иные имущественные права, связанные с предприятием, и перевести долги, относящиеся к предприятию. В состав продаваемого предприятия не включаются права и обязанности, которые продавец не вправе передавать другим лицам.»;

в) ст.564 ГК изложить следующим образом: «Переход прав и обязанностей, относящихся к предприятию.

1. Права собственности на недвижимые вещи, относящиеся к предприятию, переходят к покупателю с момента государственной регистрации этих прав, если иное не установлено законом. Поскольку иное не предусмотрено договором, переход прав собственности на недвижимые вещи подлежит государственной регистрации непосредственно после передачи предприятия покупателю (статья 563).

2. Иные права и обязанности, относящиеся к предприятию, переходят к покупателю с момента передачи предприятия (статья 563), если иное не установлено законом или договором.

3. До перехода к покупателю прав собственности и иных прав, относящихся к предприятию, покупатель вправе распоряжаться вещами и имущественными правами, входящими в состав проданного предприятия, в той мере, в какой это необходимо для целей, для которых предприятие было приобретено.»;

г) редакцию п.2 ст.73 ФЗ «Об ипотеке» заменить на: «2. К покупателю, который приобрел на публичных торгах предприятие, переходят относящиеся к последнему права и обязанности в порядке, предусмотренном статьей 564 Гражданского кодекса Российской Федерации.»;

д) в части третьей ГК включить нормы, посвященные регистрации в Патентном ведомстве перехода исключительных прав, а также принадлежащих на основании лицензии прав использования средств индивидуализации в случае совершения сделок с предприятиями.

В заключение исследования вопроса о единстве предприятия представляется логичным рассмотреть проблему обособленности предприятия в составе имущества коммерсанта. В связи с тем, что составные компоненты предприятия взаимосвязаны между собой, неизбежно встает вопрос, не порождает ли относительное правовое единство предпри-

[103] Победоносцев К. Указ. соч. С.121.

ятия юридическую обособленность имущественного комплекса от остального имущества, принадлежащего конкретному субъекту.

Идея обособленности торгового предприятия отчасти проводилась в русском законодательстве дореволюционного периода: обложение промысловым налогом производилось в отношении каждого предприятия, устанавливалась обязательность особого счетоводства, фактически допускалась специальная подсудность по месту нахождения предприятия, определялись меры, направленные на поддержание функционирования предприятия в случае смерти хозяина и т.д.[104] В западных странах рассматриваемый признак находит свое проявление, в частности, в том, что предприятие имеет собственное фирменное наименование, не совпадающее с фирмой коммерсанта, и переходящее вместе с предприятием; торговые книги, в которых фиксируются хозяйственные операции, ведутся от имени самого предприятия; требования и долги, возникающие в связи с эксплуатацией предприятия, связаны не с его «хозяином», а с самим предприятием как таковым; «хозяин» предприятия, изымающий в личных целях средства, относящиеся к предприятию, по торговым книгам становится должником предприятия. Однако, как отмечает Р.Саватье, «собственник может авансировать свое предприятие либо изымать его доходы или ценности, используя их для своих других предприятий или для другой части своего имущества. Но все эти операции не имеют юридического значения, поскольку собственник не может быть должником или кредитором в отношении самого себя»[105]. Последнее замечание показывает, что обособленность предприятия является весьма и весьма относительной.

Как и за рубежом, современное отечественное законодательство наделяет правосубъектностью не предприятие, а соответствующие физические или юридические лица, которым оно принадлежит. Именно физические и юридические лица выступают кредиторами и должниками в обязательствах (а не предприятия). При этом недостаточность средств, относящихся к предприятию, для погашения долгов, возникших в связи с его функционированием, не является юридическим препятствием для несения субъектом гражданско-правовой ответственности: согласно ст.ст.24, 56 ГК граждане и юридические лица отвечают по обязательствам всем принадлежащим им имуществом (исключение сделано для финансируемых собственником учреждений), которое может и не охватываться активами предприятия (а у граждан всегда не охватывается). Поэтому **обособленность предприятия носит хозяйственный, а не юридиче-**

[104] Подробнее см.: Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 года). С.72-74.

[105] Саватье Р. Указ. соч. С.42. Также см.: Гражданское и торговое право капиталистических стран / Под ред. Д.М.Генкина. М., 1949. С.123-124.

ский характер, вследствие чего **нет оснований говорить о признаке обособленности предприятия в правовом смысле. Его следует рассматривать как экономическую характеристику предприятия**. Тем не менее, указание на фактическую обособленность предприятия как имущественного комплекса имеет значение и для юридической науки, так как позволяет увидеть дополнительные аргументы в пользу недопустимости отождествления понятий «предприятие» и «имущество физического или юридического лица». Из признания предприятия хозяйственно обособленным имущественным комплексом неумолимо следует, что:

а) предприниматель может иметь сразу несколько предприятий, каждое из которых организационно, технически, технологически и территориально отделено друг от друга. Причем эти предприятия могут предназначаться для осуществления деятельности как одного вида (например, сеть торговых точек быстрого питания), так и разных видов (например, химчистка, свиноферма и фабрика по пошиву детской одежды);

б) помимо собственно предприятия коммерсанту могут принадлежать и иные объекты гражданских прав, не относящиеся к предприятию (индивидуальный предприниматель как гражданин может иметь на праве собственность частное жилое помещение, дачу, машину и т.п.; юридическое лицо может одновременно создать неограниченное число филиалов, расположенных в разных населенных пунктах, осуществляющих никак не связанные между собой виды хозяйственной деятельности и т.д.).

2.2.3. Предприятие как эксплуатируемый имущественный комплекс

Сложность предприятия заключается не только (и не столько) в том, что оно включает в свой состав различные объекты гражданских прав, но и в том, что имущественный комплекс, образующий предприятие, является достаточно подвижным, *динамичным по своему составу*. Данный аспект, раскрывающий сложность предприятия как особого комплекса имущества, обусловливает, как мы увидим далее, значительную специфику в нормативном регулировании отношений по поводу предприятий.

Динамичность состава имманентно присуща предприятию, она обусловлена самой сущностью изучаемого объекта. Ведь основным назначением предприятия является его использование предпринимателем (индивидуальным или коллективным) при осуществлении коммерческой деятельности, эффективность которой зависит от умения предпринимателя быстро реагировать на изменения в рыночной конъюнктуре, опе-

ративно использовать различные механизмы привлечения дополнительных инвестиций (что, как правило, влечет увеличение в количественном выражении стоимости активов предприятия) и т.п.

Предпринимательская деятельность всегда проявляется в качественных и количественных изменениях ее материальной основы – имущественной базы (росте или уменьшении актива и пассива), поскольку в процессе осуществления такой деятельности постоянно происходит оборот фондов, без чего невозможно нормальное функционирование (эксплуатация) и предприятия; предприятие как капитал «...имеет свою особую судьбу: он растет, изменяется в составе, уменьшается, снова увеличивается...»[106].

Естественное свойство предприятия постоянно изменяться «оправдывает» введение в законодательство норм, устанавливающих особенности в регламентации сделок с предприятиями. Так:

- при аренде предприятия в изъятие из общего правила (п.2 ст.615 ГК) арендатор вправе без согласия арендодателя распоряжаться материальными ценностями, относящимися к предприятию, и вносить изменения в состав арендованного имущественного комплекса, если иное не предусмотрено договором (ст.660 ГК). Данная норма позволяет арендатору эксплуатировать предприятие без излишней «оглядки» на арендодателя и при условии собственной грамотности как предпринимателя добиться наибольшего коммерческого успеха;

- при ипотеке предприятия право залога, как отмечалось, распространяется, в том числе, на имущество, приобретенное в период ипотеки, если иное не предусмотрено законом или договором (п.2 ст.340 ГК, ст.69 ФЗ «Об ипотеке»). Это делает ипотеку стабильно работающего предприятия привлекательным для кредитора способом обеспечения исполнения обязательства.

Приведенные особенности в правовой регламентации сделок с предприятиями, вызванные подвижностью состава предмета указанных сделок, позволяют сделать важный вывод о том, что законодатель под предприятием понимает не некое статичное имущество, а работающий, функционирующий, «живой» имущественный комплекс, т.е. то, что в литературе получило название **«предприятие «на ходу».** Напрямую это следует и из п.1 ст.132 ГК, гласящего, что предприятием как объектом прав признается имущественный комплекс, *используемый* для осуществления предпринимательской деятельности: речь не идет об имуществе, *предназначенном для использования* в коммерции, ГК говорит именно об используемом комплексе. Данный подход не является «выдумкой» современного российского законодательства; и ранее в отечественной

[106] Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 года). С.70.

и зарубежной юридической литературе высказывалась аналогичная позиция. Еще в начале XX века австрийский ученый Геллер усматривал сущность предприятия в постоянной готовности к деятельности, составляющей предмет предприятия[107]. Активным сторонником взгляда на предприятие как функционирующий объект выступал С.М.Корнеев, обоснованно заявивший, что «когда законодательство говорит о предприятиях как объектах права ... собственности, то имеются в виду предприятия действующие. Если к какому-либо комплексу средств производства не прилагается человеческий труд..., то объектом права ...собственности ...будут отдельные материальные ценности... Предприятия же как самостоятельного объекта в таких случаях нет»[108]; речь должна идти об имущественном комплексе, не образующем предприятие.

Таким образом, **предприятие есть функционирующий имущественный комплекс;** «...не законсервированное в производственных зданиях оборудование, а действующий «в реальном времени» и стремящийся к самоопределению механизм»[109]. Поэтому **передача предприятия подразумевает продолжение его эксплуатации**, дальнейшее использование в осуществлении предпринимательской деятельности. Отсюда – и необходимость в законодательном регулировании трудовых отношений работников, обслуживающих отчуждаемый имущественный комплекс, в определении юридической судьбы «долгов», связанных с работой предприятия, и т.п. Исследуемая динамическая характеристика предприятия ориентирует нас и в части определения состава предприятия при его передаче другому субъекту: думается, что в современных условиях следует использовать принцип, выработанный еще в начале XX века германской судебной практикой, согласно которому отчуждение предприятия предполагает переход всех его частей, которые нужны для продолжения торгового дела и сохранения конкретного характера данного предприятия[110]. Кстати сказать, этот подход уже находит признание в современной российской судебной практике. Так, Президиум ВАС РФ, отправляя на новое рассмотрение дело, являвшееся предметом судебного разбирательства в арбитражном суде Самарской области, о призна-

---

[107] О взглядах Геллера см.: Розенберг В. Торговое имя, фирма и торгово-промышленное предприятие. С.284.

[108] Корнеев С.М. Указ. соч. С.161.

[109] Степанов С.А. Указ. соч. С.66. Однако нельзя согласиться с выводом автора о трудовых отношениях как «бесспорно присутствующем элементе предприятия» (с.67), делаемом на основе характеристики предприятия как *действующего* механизма. Из того, что участие предприятия в обороте неосуществимо без человеческого фактора (с.67), думается, не вытекает, что трудовые отношения становятся компонентом *имущественного* комплекса.

[110] См.: Каминка А.И. Указ. соч. С.121.

нии недействительной сделки приватизации Междуреченского лесоперевалочного комбината в части включения в уставный капитал АООТ «Междуреченский лесоперевалочный комбинат» здания котельной, в частности, указал на необходимость оценки доводов ответчика о том, что спорный объект входит в технологический цикл производства, и его изъятие повлечет за собой остановку производства (постановление от 5 октября 1999 г. № 2184/99).

Вследствие того, что предприятие есть функционирующий комплекс, на практике может возникать вопрос, как быть в ситуации, когда эксплуатация имущественного комплекса временно приостановлена, например, магазин в связи с отсутствием персонала закрылся. Представляется, что правильно подошел к решению затронутой проблемы В.Н.Табашников, считающий, что «...если предприятие временно по каким-либо причинам не используется в предпринимательской деятельности, но сохраняется единство имущественного комплекса и возможность возобновления предпринимательской деятельности, то этот имущественный комплекс не перестает быть предприятием»[111]. Последнее замечание – относительно единства и **способности к возобновлению коммерческой деятельности** – представляется нам наиболее существенным. В случае утраты этих свойств имущественный комплекс теряет статус предприятия и должен рассматриваться как совокупность разрозненных объектов, не образующих предприятие.

2.2.4. Предприятие как имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности

Признак использования имущественного комплекса, составляющего предприятие, в предпринимательской деятельности непосредственно вытекает из формулировки п.1 ст.132 ГК. ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в связи с этим, вообще рассматривает термины «предприятие» и «бизнес» как синонимичные, что, правда, не совсем точно, ибо под бизнесом обычно понимается не предприятие как имущественный комплекс, а сама предпринимательская деятельность[112], вследствие чего обоснованной кажется рекомендация А.М.Эрделевского о целе-

[111] Табашников В.Н. Указ. соч. С.13.

[112] Такое смысловое значение термина «бизнес» является наиболее распространенным в экономической литературе (см., например: Оценка бизнеса: Учебник / Под ред. А.Г.Грязновой, М.А.Федотовой. М., 1998. С.496), и вряд ли следует законодательству наполнять рассматриваемый термин иным содержанием.

сообразности «...при применении предусмотренных в Законе о банкротстве процедур воздерживаться от употребления термина «бизнес», используя достаточно устоявшийся термин «предприятие»[113].

Исследуемая характеристика предприятия знаменует возврат отечественного законодательства к изначальному пониманию предприятия (безотносительно к тому, рассматривается ли оно субъектом или объектом) как хозяйственного комплекса, предназначенного для извлечения прибыли, ведь предприятия «суть установления, назначенные для постоянной в данном районе встречи спроса и предложения определенного рода вещей или услуг» (П.Цитович)[114], предполагающие моменты посредничества, риска и цели обогащения коммерсанта. Поэтому, например, как справедливо отмечает В.Н.Табашников, «...медицинский комплекс, используемый поликлиникой (государственным учреждением) для оказания медицинской помощи гражданам в рамках обязательного медицинского страхования, нельзя признать предприятием»[115]. Данный медицинский комплекс, конечно, является имущественным комплексом, но таким комплексом, который не составляет предприятие.

Введение в законодательство анализируемого признака отражает произошедшие в России коренные изменения экономической системы, настойчиво потребовавшие нового регулирования формирующихся рыночных отношений. Ранее советское законодательство видело основную направленность предприятия в осуществлении производства материальных благ с целью удовлетворения потребностей населения; естественно, что извлечение прибыли не стояло ни на первом, ни на каком другом месте среди целевых установок предприятия, поскольку в условиях социалистической экономики предпринимательство находилось под запретом. Так, Положение о производственном объединении (комбинате) 1974 г. прямо определяло, что одной из главных задач объединения (комбината) является развитие и совершенствование производства в целях наиболее полного удовлетворения потребностей народного хозяйства и населения в соответствующих видах продукции. Более того, в литературе того времени нередко звучали мнения, что организации, не участвующие в непосредственном производстве и специализирующиеся на отношениях обращения (снабженческо-сбытовые, торговые, заготовительные, финансовые и др.), вообще не являются предприятиями[116]. С постепенным же переходом экономики на рыночные механизмы и отказом от административных методов управления предпри-

[113] Эрделевский А.М. Продажа бизнеса // Юридический мир. 1998. №8. С.65.
[114] Цит. по: Розенберг В. Торговое имя, фирма и торгово-промышленное предприятие. С.285.
[115] Табашников В.Н. Указ. соч. С.13.
[116] См.: Бухаловский О.Н. Указ. соч. С.22; Тавасиев А.М. Указ. соч. С.30-31.

ятие стало рассматриваться не как основное звено планового народного хозяйства, а как способ осуществления предпринимательства. Согласно ст.2 Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» 1990 г. предпринимательская деятельность могла осуществляться в двух формах: без привлечения наемного труда и с привлечением наемного труда. В первом случае она регистрировалась как индивидуальная трудовая деятельность; во втором – как предприятие[117].

В настоящее время можно смело сказать, что для признания имущественного комплекса предприятием не важно, эксплуатируется ли он для осуществления торговой деятельности (торговые предприятия) или деятельности по переработке продукции с последующей ее реализацией (промышленные предприятия). **На смену производственной концепции предприятия пришла предпринимательская**, когда основным квалифицирующим признаком имущественного комплекса является факт его использования в предпринимательской деятельности, т.е. самостоятельной деятельности, осуществляемой на свой риск лицами, зарегистрированными в качестве предпринимателей, и направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг (п.1 ст.2 ГК). Само определение предпринимательской деятельности не предполагает ограничения коммерсанта сугубо производственными вопросами (в смысле машинного производства продукции), вследствие чего не вполне понятна позиция, занятая Т.В. Кашаниной, утверждающей, что «...предприятие – это экономическая категория, и означает она производственно-технический механизм, предназначенный для производственной, а не для коммерческой деятельности»[118]. Подход автора прямо противоречит действующему законодательству.

Итак, предприятие всегда используется для осуществления коммерческой деятельности. В этой связи возникает вопрос о видах субъектов гражданского права, которым могут принадлежать предприятия[119]. Закон не устанавливает на данный счет специальных ограничений (естественно, это положение верно без учета особых правил об оборото-

---

[117] Конечно, приведенные нормативные акты говорят о предприятии-субъекте. Тем не менее, все упомянутое в полной мере относится и к предприятию-объекту (т.е. имуществу производственного предприятия).

[118] Кашанина Т.В. Указ. соч. С.36.

[119] Как отмечалось, вследствие разнообразия состава предприятия говорить о том, что оно может находиться в чьей-то собственности, неправомерно. Поэтому когда в настоящей работе речь идет о принадлежности предприятия какому-либо субъекту, то под этим понимается принадлежность на праве собственности вещей, относящихся к предприятию, и наличие у субъекта соответствующих прав и обязанностей.

способности отдельных видов предприятий). Однако вследствие особенности целевого назначения предприятий, по общему правилу, они формируют имущественную базу коммерческих организаций и граждан – индивидуальных предпринимателей, т.е. субъектов, основной целью деятельности которых является извлечение прибыли. В литературе высказано мнение, что «поскольку ГК не признает сейчас возможность создания индивидуальных (семейных) предприятий, ...нужно признать, что индивидуальный предприниматель – гражданин ...не может создать и обладать предприятием», хотя «...в составе своего имущества гражданин может иметь предприятие как недвижимость, без обособления его в качестве самостоятельного субъекта права»[120] (М.Г.Масевич). Приведенная цитата – наглядный пример отождествления предприятия с субъектом. Предприятие – имущественный комплекс не создается как юридическое лицо или организация, не наделенная правами юридического лица, а потому оно в принципе не может быть обособлено в качестве субъекта; *предприятие является лишь имущественной базой предпринимательской деятельности, которую могут вести не только юридические, но физические лица.* Вследствие этого позиция М.Г.Масевича представляется неубедительной.

Нередко право собственности на вещи, относящиеся к предприятию, принадлежит публичным субъектам (Российской Федерации, субъектам России, муниципальным образованиям). В этом случае на данные вещи кроме права государственной или муниципальной собственности возникают ограниченные вещные права – право хозяйственного ведения (у унитарных предприятий, за исключением казенных) или оперативного управления (у казенных предприятий и учреждений).

Предприятия могут принадлежать также и некоммерческим организациям, поскольку закон (за некоторыми изъятиями) предоставляет им право заниматься предпринимательством. Некоммерческие организации (кроме ассоциаций и союзов) вправе самостоятельно использовать предприятия для осуществления коммерческой деятельности, но с обязательным соблюдением специальных правил, установленных законодательством (п.1 ст.50, п.1 ст.117, п.2 ст.118 ГК; п.1 ст.2, п.2 ст.24 ФЗ от 8 декабря 1995 г. «О некоммерческих организациях»[121]; части 1, 3 ст.37 ФЗ от 14 апреля 1995 г. «Об общественных объединениях»[122] и др.).

Таким образом, предприятия могут принадлежать всем субъектам гражданского права, которым законом разрешено ведение предпринимательской деятельности. Но в практике возможны ситуации, когда

[120] Масевич М.Г. Указ. соч. С.17.
[121] СЗ РФ, 1996, №3, ст.145; 1998, №48, ст.5849; 1999, №28, ст.3473.
[122] СЗ РФ, 1995, №21, ст.1930; 1997, №20, ст.2231; 1998, №30, ст.3608.

предприятия переходят к иным субъектам, например, к гражданам, не являющимся индивидуальными предпринимателями (в частности, в результате наследования имущества индивидуального предпринимателя). Как быть в этом случае, ведь коммерческая деятельность граждан, не зарегистрированных в качестве предпринимателей, противозаконна, а предприятие по своей сути предназначено для коммерческого использования. Представляется, что проблема должна решаться следующим образом: гражданин в возникшей ситуации должен выбрать один из вариантов – либо он регистрируется индивидуальным предпринимателем и продолжает самостоятельно эксплуатировать предприятие, либо он отчуждает предприятие субъекту, имеющему право на ведение предпринимательской деятельности. Если же предприятие продолжает эксплуатироваться новым «владельцем», не являющимся индивидуальным предпринимателем, то к деятельности такого гражданина подлежат применению соответствующие нормы гражданского и налогового законодательства (в том числе негативного характера). В частности, гражданин не вправе ссылаться в отношении заключенных им в связи с работой предприятия сделок на то, что он не является предпринимателем; суд может применить к таким сделкам правила об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности (п.4 ст.23 ГК).

В заключение считаем необходимым сделать одно важное замечание. Применительно к юридическим лицам следует четко разграничивать права на предприятие участника (участников) юридического лица и самого юридического лица. Поскольку участники большинства коммерческих и некоммерческих организаций не имеют вещных прав в отношении имущества юридического лица, а обладают лишь обязательственными правами к самому юридическому лицу (п.2 ст.48 ГК) либо вообще не имеют никаких имущественных прав (п.3 ст.48 ГК[123]), имущество, переданное в качестве вкладов (взносов) учредителями (участниками) или полученное организацией по иным основаниям, является собственностью юридического лица (п.3 ст.213 ГК). Данное положение специально разъяснено в п.2 постановления Пленума ВАС РФ от 25 февраля 1998 г. № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»: с момента внесения имущества в уставный (складочный) капитал и государственной регистрации соответствующих юридических лиц учредители (участники) утрачивают право собственности на это имущест-

[123] Правило п.3 ст.48 ГК является неточным. Оно не учитывает того обстоятельства, что перечень некоммерческих организаций не является исчерпывающим (п.3 ст.50 ГК).

во»[124]. Это – новый концептуальный подход ГК. Ранее п.3 ст.11 Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» 1990 г. гласил, что имущество товарищества с ограниченной ответственностью (акционерного общества закрытого типа) принадлежит его участникам на праве общей долевой собственности; согласно п.43 Положения об акционерных обществах, утвержденного постановлением СМ РФ от 25 декабря 1990 г. №601[125], акция рассматривалась как ценная бумага, удостоверяющая право собственности на долю в уставном капитале общества. Подобные нормативные установления, отвергнутые новым ГК, обоснованно вызывали критику[126] и рассматривались в качестве серьезного недостатка правового регулирования, поскольку практически лишали смысла конструкцию юридического лица.

С учетом изложенного **приобретение, с одной стороны, предприятия как имущественного комплекса, а с другой стороны, прав участника юридического лица, – две совершенно различные юридические процедуры** с неодинаковыми правовыми последствиями. Так, в результате продажи или уступки иным образом доли (ее части) в уставном капитале общества с ограниченной (или дополнительной) ответственностью в установленном порядке (ст.93 ГК, ст.21 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью») цессионарий автоматически становится участником общества и приобретает соответствующие права и обязанности (в частности, право на участие в управлении делами и распределении прибыли; право на получение в случае ликвидации общества части имущества или его стоимости; обязанность вносить вклады определенным образом и т.д.). Предприятие же как имущественный комплекс по-прежнему принадлежит обществу как юридическому лицу. Аналогичная ситуация складывается при отчуждении акций акционерного общества, уступке долей в складочном капитале хозяйственного товарищества (полного или коммандитного). Данное положение уходит корнями к одной из теорий юридического лица – теории фикции, проводившей четкую грань между правами физических лиц и корпорации как юридической личности на имущество корпорации.

---

[124] Вестник ВАС РФ. 1998. №10. С.14-15. Также см.: приложение к информационному письму Президиума ВАС РФ от 28 апреля 1997 г. №13 «Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (Вестник ВАС РФ. 1997. № 7. С.100-101).

[125] СП РСФСР, 1991, № 6, ст.92.

[126] См., например: Зинченко С., Лапач В., Газарьян Б. Вещные права предприятий // Хозяйство и право. 1993. №7. С.51; Суханов Е. Организационно-правовые формы коллективного предпринимательства в сельском хозяйстве // Хозяйство и право. 1995. №12. С.56-57.

Следовательно, если с экономической точки зрения и можно говорить о предприятии (или вообще – всяком имуществе организации) как собственности участников частных юридических лиц (но с определенными оговорками), то с правовой позиции – это будет прямым противоречием закону.

2.2.5. Проблема признания предприятия недвижимостью

Согласно п.1 ст.132 ГК, предприятие в целом как имущественный комплекс признается недвижимостью. Как указывалось ранее, квалификация предприятия в качестве недвижимого имущества, по мнению многих авторов, является одним из признаков предприятия. Это требует детального исследования вопроса о том, можно ли рассматривать предприятие недвижимостью, тем более, что характеристика предприятия как недвижимой вещи является относительно новой и в юридической литературе фактически не подвергалась серьезному анализу.

Вообще, деление вещей на движимые и недвижимые зародилось еще в римском праве и проводится в настоящее время в законодательстве (или судебной практике) большинства цивилизованных государств. Для России рассматриваемая классификация вещей была не столь однозначно признаваемой государством, что связано, главным образом, с известными трансформациями социально-экономического строя. Впервые термин «недвижимое имущество» прозвучал в Указе Петра Первого о единонаследии 1714 г.; он был призван устранить различия между вотчинами и поместьями. Впоследствии категория недвижимости вошла в том X Законов Российской империи (ч.1, статьи 383 и 384). Однако революционные изменения, произошедшие в России, которые привели к изъятию из оборота земли и широкомасштабной национализации средств производства, фактически сделали категорию недвижимости ненужной. При обсуждении проекта ГК РСФСР 1922 г. П.И.Стучка и Д.И.Курский заявили, что в России больше нет недвижимого имущества[127]. В соответствии с этим ГК РСФСР 1922 г. упразднил деление имущества на движимое и недвижимое; на первый план была выдвинута экономическая по своей сути классификация вещей на средства производства и предметы потребления. Лишь в последнее десятилетие – первоначально в Законе РСФСР «О собственности в РСФСР» 1990 г. (п.3 ст.7), а затем в Основах гражданского законодательства Союза ССР

[127] См.: Новицкая Т.Е. Кодификация гражданского права в Советской России 1920-1922 гг. М., 1989. С.79-80.

и республик 1991 г. (п.2 ст.4)[128] и новом ГК (ст.130) – разделение вещей на движимые и недвижимые вновь приобрело огромное правовое значение и стало «самым главным и самым практическим»[129].

Как известно, основной целью отнесения вещей к категории недвижимости является распространение на них в охранительных и фискальных соображениях специального правового режима, связанного с особой регламентацией сделок с недвижимостью, а также установлением формализованного учета прав на недвижимые вещи (системы регистрации). Так, ГК определяет, что:

- право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации (п.1 ст.131). Причем государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права; зарегистрированное право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке (п.1 ст.2 ФЗ «О государственной регистрации...»);

- сделки с землей и другим недвижимым имуществом подлежат государственной регистрации в случаях и в порядке, предусмотренных ст.131 ГК и законом о регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним (п.1 ст.164). Более того, договор, подлежащий государственной регистрации, считается заключенным с момента его регистрации, если иное не установлено законом (п.3 ст.433).

В полном соответствии с этими правилами ГК, причислив предприятие к недвижимости, устанавливает, что договоры продажи, аренды и залога предприятий требуют государственной регистрации (п.3 ст.560, п.2 ст.658, п.3 ст.339); регистрации подлежит и переход права собственности на предприятие при его продаже (п.1 ст.564). Однако в силу разнородности своего состава предприятие является настолько специфичным объектом гражданских прав, что до сих пор мало кто представляет, как должна осуществляться регистрация права собственности на предприятие в целом. Так, Самарской областной регистрационной Палатой за все время ее существования не было зарегистрировано ни одного вещного права на предприятие[130]. Не случайно поэтому п.3 ст.22 ФЗ «О государственной регистрации...» фактически установил необходи-

[128] Ведомости...СССР, 1991, № 26, ст.733.

[129] Победоносцев К. Указ. соч. С.34.

[130] То же самое можно сказать применительно к другим регионам страны. Е.А.Емельянова отмечает, что «...до настоящего времени производится регистрация только объектов, входящих в состав ...предприятия...» (см.: Емельянова Е.А. Предприятие как имущественный комплекс в системе государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Молодая наука – XXI веку: Тезисы докладов международной научной конференции. Ч.3. – Иваново, 2001. С.94.

мость принятия специального нормативного акта, который должен определить правила внесения записей о правах на предприятие как имущественный комплекс и сделок с ним в Единый государственный реестр прав, а также правила взаимодействия между учреждениями юстиции по регистрации прав на предприятие в целом и объекты недвижимого имущества, входящие в состав предприятия. Такой нормативный акт до сих пор не принят, хотя о том, что Министерство юстиции РФ «...вплотную подошло к решению наиболее сложного процедурного вопроса – оформлению прав на предприятие как имущественный комплекс», было заявлено еще в феврале 1999 г.[131]

Но проблемы возникают не только в связи с чисто техническими моментами регистрации прав и сделок с предприятиями, но и по концептуальным аспектам темы. В частности, отсутствует полная ясность в том, к какому виду недвижимости относится предприятие. Из ст.130 ГК следует, что недвижимость бывает двух видов: недвижимость в силу природы и недвижимость в силу закона. К первой разновидности относятся земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно (абз.1 п.1 ст.130), а ко второй – подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты, а также иное имущество, отнесенное законом к недвижимым вещам (абз.2 п.1 ст. 130).

Недвижимость в силу природы обозначается таковой вследствие естественных свойств объекта. Этими свойствами, в частности, являются:

- прочная функциональная связь с землей и, как следствие, фундаментальность (т.е. невозможность похитить, сломать, потерять при обычных условиях), стационарность (т.е. перемещение невозможно без ущерба назначению) и материальность;
- незаменимость, неповторимость (уникальность);
- долговечность, способность к многократному использованию в течение длительного периода времени[132].

Нетрудно заметить, что естественными свойствами недвижимости предприятие в целом не обладает и в принципе не может обладать: наличие в его составе помимо материальных также нематериальных элементов (прав требования, исключительных прав) обусловливает невоз-

---

[131] См.: Крашенинников П. Регистрация – дело реальное // Экономика и жизнь. 1999. №7. С.2.

[132] Подробнее о признаках недвижимости см.: Волочков Н.Г. Справочник по недвижимости. М., 1996. С.23-25; Завьялов А., Коновалов В. Государственная регистрация прав на недвижимость // Российская юстиция. 1998. №6. С.16; Калачева С.А. Операции с недвижимостью. М., 1997. С.3.

можность распространения природных качеств недвижимости на все предприятие. Более того, отдельные компоненты предприятия, часто представляющие наибольшую имущественную ценность, как раз являются недолговечными и заменимыми (например, права требования краткосрочного характера). И уж, конечно, необоснованно говорить о материальности предприятия в целом. В итоге мы вынуждены констатировать, что, если и считать предприятие в целом недвижимостью, оно может быть только недвижимым имуществом в силу прямого указания закона; говорить о всем предприятии как «естественной» недвижимости нет никаких оснований, **недвижимостью** по природе **являются лишь отдельные объекты недвижимости, относящиеся к предприятию** (здания, сооружения и т.п.). К данному выводу в настоящее время склоняется и большинство авторов (В.В.Витрянский, О.М.Козырь, В.Н.Табашников, А.М.Эрделевский и др.)[133]. Это косвенно вытекает и из ГК, который не включил предприятие, в отличие от Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (п.2 ст.4), в перечень объектов, перемещение которых невозможно без несоразмерного ущерба их назначению, а выделил нормы о предприятии в особую статью (ст.132 ГК).

Однако ФЗ «О государственной регистрации...» дает совершенно иную интерпретацию предприятия как недвижимости: согласно ст.1, предприятия как имущественные комплексы есть объекты, которые связаны с землей так, что их перемещение без несоразмерного ущерба назначению невозможно. Закон ставит предприятия в один ряд со зданиями, сооружениями, помещениями, лесами и многолетними насаждениями, кондоминиумами, т.е. теми объектами, которые традиционно считаются недвижимостью по природе. Таким образом, налицо противоречие между характеристикой предприятия как недвижимости в законодательстве и теории гражданского права.

Но, пожалуй, самым сложным последствием признания предприятия недвижимостью является вопрос о государственной регистрации прав на предприятие как имущественный комплекс и сделок с ним. Несмотря на то, что предприятие может включать в себя множество объектов недвижимости, по смыслу ФЗ «О государственной регистрации...» для возникновения права на предприятие требуется лишь один акт государственной регистрации этого права (при условии, что все объекты недвижимости прошли первичную регистрацию). Такая регистрация права, как и регистрация сделки с предприятием, согласно п.2 ст.22 закона

---

[133] См.: Витрянский В.В. Договор купли-продажи и его отдельные виды. С.266; Козырь О.М. Указ. соч. С.280-281; Табашников В.Н. Указ. соч. С.14; Эрделевский А.М. Предприятие как недвижимость: регистрация прав // Законность. 1998. № 5. С.16-17.

производится в месте регистрации предприятия как юридического лица. В свою очередь, зарегистрированное право на предприятие как имущественный комплекс является основанием для внесения записей о праве на каждый объект недвижимого имущества, входящий в состав предприятия, в Единый государственный реестр прав в месте нахождения объекта.

Мы уже отмечали неправомерность рассмотрения в законе предприятия как юридического лица: имущественный комплекс ни при каких условиях не может быть социальной организацией, а юридическое лицо – предметом сделок. Серьезные проблемы возникают и при ближайшем рассмотрении иных аспектов регистрационной процедуры. В частности, закон не рассчитан на ситуации, когда:

- предприятие принадлежит физическому, а не юридическому лицу;
- предприятие принадлежит сразу нескольким субъектам гражданского права, особенно если их место нахождения (жительства) различно;
- предприятие переходит от одного субъекта права другому, если оба субъекта имеют место нахождения (жительства) в разных регистрационных округах;
- в составе предприятия нет ни одного объекта недвижимости (например, переносное летнее кафе)[134];
- предприятие принадлежит государству или муниципальному образованию;
- при продаже предприятия в целом права собственности на отдельные вещи, относящиеся к предприятию, по соглашению сторон переходят не одновременно.

В литературе предпринимаются попытки указать пути восполнения данных пробелов и недоработок в законодательстве. По мнению В.Н.Табашникова, государственная регистрация прав на предприятие и сделок с ним, возникновения, ограничения, перехода, прекращения прав должна проводиться в учреждении юстиции по регистрации прав в месте регистрации юридического лица – субъекта права на предприятие; если субъектом права является физическое лицо, по аналогии следует регистрировать право на предприятие по месту его жительства[135].

О.Романов также считает, что право на предприятие в целом должно регистрироваться в ответственном за регистрацию учреждении юстиции, находящемся по месту регистрации юридического лица – собственника предприятия; причем регистрационная запись должна содержать

---

[134] На возможность такой ситуации специально обращает внимание А.М.Эрделевский (см.: Эрделевский А.М. Комментарий к Федеральному закону «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». С.49-51).

[135] См.: Табашников В.Н. Указ. соч. С.14.

перечисление всех объектов недвижимости (и все!), относящихся к предприятию. Автор предлагает решение и иных перечисленных выше проблем. В частности, регистрация прав на предприятие, находящееся в общей долевой собственности, будет необходима, по его мнению, одновременно в нескольких учреждениях юстиции, отвечающих за регистрацию недвижимости, – соответственно в месте регистрации каждого из сособственников с указанием на то, что находящемуся в данном регистрационном округе лицу принадлежит определенная доля в праве собственности; на каждый объект недвижимости в месте его нахождения должно быть при этом зарегистрировано право общей собственности. Регистрация права собственности государства на предприятие, – продолжает автор, – должна проводиться в месте регистрации юридического лица, за которым предприятие закреплено[136].

С нашей точки зрения, причиной всех отмеченных противоречий и трудностей является изначальная контрадикторность подхода законодателя к предприятию. С одной стороны, к составу предприятия он относит самые разнородные объекты – вещи, права (в том числе исключительные), долги, с другой стороны, закон определяет, что комплекс этих объектов образует юридическую целостность, способную выступать единым объектом вещного права. Последнее обстоятельство напрямую связано и с признанием предприятия в целом недвижимостью. Мы уже указывали на неправомерность воззрения на предприятие как объект вещного права; вследствие этого не стоит считать предприятие в целом и недвижимым имуществом. В противном случае неизбежны теоретические и практические проблемы. В пользу выдвигаемой нами позиции свидетельствуют следующие аргументы.

Во-первых, законодатель расценивает понятия «недвижимая вещь», «недвижимое имущество», «недвижимость» как синонимы (п.1 ст.130 ГК)[137]. Следовательно, признав предприятие недвижимостью, мы должны признать его и вещью. Однако, как отмечалось, предприятие вещью, даже сложной, не является.

Во-вторых, не существует права собственности на предприятие в целом, ибо говорить о праве собственности можно только в отношении вещей – материальных (телесных) предметов. Из утверждения же о том, что предприятие есть недвижимая вещь, логически следует неправомерное признание предприятия в целом объектом права собственности.

В-третьих, государственная регистрация вещных прав возможна лишь в отношении конкретных вещей, входящих в состав предприятия,

[136] См.: Романов О. Указ. соч. С.49-50.

[137] Это подчеркивается и в юридической литературе (см., например: Немец Ю. Движимое и недвижимое имущество. (К совершенствованию гражданского законодательства) // Хозяйство и право. 1998. №6. С.102).

поскольку регистрации всегда предшествует кадастровый и технический учет (инвентаризация) объекта недвижимости (ст.1 ФЗ «О государственной регистрации...»). Постоянно меняющиеся права и обязанности (за исключением, разве что, исключительных прав), также входящие в состав предприятия, такому учету не подлежат. Кстати сказать, в разработанном Минюстом России проекте Правил внесения записей о правах на предприятие как имущественный комплекс и сделок с ним в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним и взаимодействия учреждений юстиции по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним речь фактически идет лишь об учете недвижимого имущества, относящегося к предприятию (раздел III Правил), что вполне объяснимо. Но, как известно, предприятие охватывает не только недвижимые вещи; более того, в его составе вообще может не быть недвижимости.

В-четвертых, в соответствии с российской системой учета прав на недвижимость вещные права на недвижимое имущество не могут возникнуть или прекратиться без государственной регистрации. Так, согласно п.1 ст.564 ГК, право собственности на предприятие при его продаже переходит к покупателю с момента государственной регистрации этого права. Если считать предприятие в целом недвижимостью, то права покупателя в момент государственной регистрации перехода права собственности возникают в отношении сразу всех элементов предприятия, в том числе и исключительных прав. Вместе с тем, как отмечалось ранее, данное правило находится в противоречии с другими положениями законодательства РФ, устанавливающими необходимость специальной регистрации договоров об уступке либо предоставлении права на использование ряда объектов интеллектуальной деятельности. Таким образом, признание предприятия недвижимостью может привести к утрате смысла в специальных процедурах перехода исключительных прав. На это обстоятельство справедливо обращают внимание некоторые ученые. В частности, М.Орлова подчеркивает, что установление в отношении движимых вещей и прав, входящих в состав предприятия, правового режима недвижимости создает сложности при заключении и оформлении сделок с предприятиями, включающими в себя, например, объекты интеллектуальной собственности[138].

Особо стоит заметить, что зарубежное законодательство развитых стран не причисляет предприятие к недвижимости. Более того, французским Кассационным Судом предприятие вообще «...было объявлено

[138] См.: Орлова М. Недвижимое имущество и ипотека // Российская юстиция. 1998. №11. С.10.

безоговорочно движимостью»[139]. Российское дореволюционное законодательство относило к недвижимости не само предприятие, а его обзаведение (т.е. вещественную составляющую предприятия, не являющуюся единственной) – фабрики, заводы, лавки и т.п. Прославленный цивилист А.И.Каминка специально отмечал, «...как велика разница между торговым предприятием и недвижимым имуществом»[140].

Сказанное позволяет сделать вывод, что **предприятие не должно признаваться недвижимостью**. В составе предприятия могут быть отдельные объекты недвижимости, вещные права на которые подлежат государственной регистрации; но в его составе может и вообще не быть недвижимых вещей. В связи с этим нам представляется, что **договоры, предметом которых является предприятие, не следует подвергать государственной регистрации**; моментом их заключения должен быть момент достижения сторонами соглашения, а не момент государственной регистрации; регистрация же должна осуществляться только в отношении возникновения, перехода, ограничения, прекращения вещных прав на конкретные объекты недвижимости в составе предприятия. При купле-продаже, мене, дарении, ренте необходимо производить государственную регистрацию перехода права собственности на объекты недвижимости, относящиеся к отчуждаемому предприятию; при аренде, залоге и доверительном управлении предприятием, в состав которого входят недвижимые вещи, требуется обязательная государственная регистрация в учреждении юстиции по месту нахождения объекта ограничений (обременений), т.е. условий (запрещений), стесняющих правообладателя при осуществлении права собственности либо иных вещных прав на конкретный объект недвижимого имущества (ст.1 ФЗ «О государственной регистрации...»).

Следует заметить, что предприятие может включать в себя как одну недвижимую вещь, так и несколько. Интересным в данном аспекте является практика по регистрации прав на автозаправочные станции, сложившаяся в Самарской областной регистрационной Палате. Такая регистрация прямо зависит от технической характеристики объекта, данной БТИ. В случае, когда автозаправочной станции БТИ присвоило единый инвентарный номер, Палата регистрирует право на сооружение (операторская, баки хранения топлива и другие объекты станции рассматриваются как части сооружения); если же БТИ присвоило недвижимым вещам, относящимся к автозаправочной станции, самостоятельные инвентарные номера, то регистрируются права на конкретные объекты недвижимости. Представляется, что в последнем случае, а рав-

[139] См.: Флейшиц Е.А. Указ. соч. С.68.
[140] Каминка А.И. Указ. соч. С.114.

но и в иных ситуациях наличия множества объектов недвижимости, относящихся к предприятию, правообладатель должен иметь *возможность* зарегистрировать право на единый комплекс недвижимого имущества предприятия[141]. В результате этого при совершении сделок с предприятиями государственной регистрации будут подлежать возникновение, переход, ограничение или прекращение *вещного права на единый комплекс недвижимого имущества, относящегося к предприятию*; данная регистрация, в свою очередь, станет основанием внесения соответствующих записей применительно к конкретным объектам недвижимости. Это позволит упростить оборот предприятий и снизить оформительские затраты. Более подробно отдельные вопросы государственной регистрации в связи с заключением и исполнением сделок, предметом которых выступают предприятия, будут рассмотрены в третьей главе книги.

Другим важным следствием вывода о недопустимости рассмотрения предприятия недвижимостью является то, что теоретически неверно считать залог предприятия разновидностью залога недвижимости; представляется, что речь должна идти о *распространении норм об ипотеке (залоге недвижимого имущества) на залог предприятий*, как это имеет место, например, в отношении прав арендатора (п.5 ст.5 ФЗ «Об ипотеке»). В связи с этим законодательство о залоге нуждается в серьезных уточнениях, а именно:

а) п.2 ст.334 ГК следует изложить в новой редакции: «2. Залог земельных участков, зданий, сооружений, квартир и другого недвижимого имущества (ипотека) регулируется законом об ипотеке. Законом об ипотеке также регулируется залог предприятий и иных имущественных комплексов, если иное не вытекает из федерального закона или существа имущественных комплексов.

Общие правила о залоге, содержащиеся в настоящем Кодексе, применяются к ипотеке в случаях, когда настоящим Кодексом или законом об ипотеке не установлены иные правила.»;

б) необходимо дополнить ст.5 ФЗ «Об ипотеке» пунктом шестым следующего содержания: «6. Правила об ипотеке недвижимого имущества соответственно применяются к залогу предприятий и иных имущественных комплексов, поскольку иное не вытекает из федерального закона или существа имущественных комплексов.»;

в) из п.4 ст.1 и подпункта 2 пункта 1 ст.5 ФЗ «Об ипотеке» требуется исключить упоминание о предприятиях.

---

[141] Думаем, что регистрация должна осуществляться по месту нахождения большей части недвижимого имущества.

Итак, основными признаками предприятия являются его характеристики как сложного (разнородного), эксплуатируемого, относительно единого имущественного комплекса, а также признак использования в предпринимательской деятельности. Указанные свойства позволяют отличить предприятие от иных объектов: сложных вещей, имущества физических и юридических лиц в целом, совокупностей объектов гражданских прав, не используемых для осуществления коммерции и т.д. На основе такого понимания предприятия представляется, что предприятие как объект гражданских прав может быть определено следующим образом: **предприятие есть эксплуатируемый имущественный комплекс, включающий в себя вещи, права и обязанности, образующие относительное хозяйственное и юридическое единство, и используемый для осуществления предпринимательской деятельности в определенной сфере (определенных сферах).**

ГЛАВА 3. СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СДЕЛОК С ПРЕДПРИЯТИЯМИ КАК ИМУЩЕСТВЕННЫМИ КОМПЛЕКСАМИ

Предприятие в целом, не являясь объектом вещных прав, в то же время, как отмечалось, может выступать единым объектом обязательственных прав. Поэтому специфика предприятия как объекта гражданских прав проявляется, в том числе, в особенностях сделок, предметом которых оно выступает.

Новый ГК прямо закрепляет, что предприятие в целом или его часть могут быть объектом различных сделок (п.2 ст.132). При этом закон не только констатирует возможность заключения сделок по поводу предприятия как имущественного комплекса, но и предлагает достаточно подробное регулирование некоторых из них.

Нормы о ***продаже предприятия*** содержатся в §8 гл.30 ГК. Наряду с этим, продажа предприятий в отдельных случаях подчиняется дополнительным правилам. В частности, особой разновидностью является купля-продажа предприятия, принадлежащего лицу, в отношении которого возбуждено дело о несостоятельности (банкротстве). Такая продажа, во-первых, может быть предусмотрена планом внешнего управления и рассматривается законодателем, с одной стороны, как мера по восстановлению платежеспособности должника (ст.85 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), а с другой стороны, как способ удовлетворения требований кредиторов (п.1 ст.86 указанного закона), и во-вторых, может быть осуществлена в рамках конкурсного производства (п.5 ст.112 закона). К продаже предприятия должника применяются как положения ГК о купле-продаже, так и специальные правила законодательства о банкротстве, обусловленные спецификой причин и целей продажи имущества должника. Существенные отличия имеет договор продажи предприятия – государственного или муниципального имущества, оформляющий сделку приватизации. Он заключается в соответствии с ГК и ФЗ «О приватизации...». Отметим, что государственное и муниципальное имущество (в том числе имущественные комплексы) иначе

как в процессе приватизации продано быть не может; сделки так называемой «прямой» купли-продажи (или отчуждения иными способами) являются ничтожными. Данной позиции, основанной на нормах ГК (ст.217), четко придерживается судебная практика[1].

Аренда имущественных комплексов имела место в советский период; однако впервые детальную регламентацию аренды предприятий (объединений) на уровне закона дали принятые в 1989 г. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде (далее – Основы). Следует подчеркнуть, что аренда, осуществлявшаяся в соответствии с Основами, в значительной мере не соответствует современному пониманию аренды предприятий, базирующемуся на нормах нового ГК. Это объясняется тем, что Основы рассматривали аренду предприятий, прежде всего, как «модель организации хозрасчетной деятельности предприятия в целом и как один из наиболее прогрессивных вариантов внутрихозяйственного расчета его отдельных структурных подразделений»[2]. Передача государственных предприятий в аренду проходила в несколько этапов: трудовым коллективом в качестве самостоятельного юридического лица создавалась организация арендаторов, которая заключала договор аренды и принимала имущество предприятия, в результате чего приобретала статус арендного предприятия. При этом арендное предприятие становилось правопреемником имущественных прав и обязанностей государственного предприятия, взятого им в аренду (п.4 ст.16 Основ). После выкупа арендованного имущества арендное предприятие по решению трудового коллектива могло быть преобразовано в кооператив, акционерное общество или иной вид предприятия, действующего на основе коллективной собственности (п.2 ст.10 Основ). Т.е. основными целями рассматриваемой аренды являлись изменение отношений собственности, а также переход от административно-командных методов управления производством к экономическим на основе создания самостоятельных товаропроизводителей – арендных предприятий. В связи с этим отношения между арендодателем и арендатором не носили и эквивалентно-возмездный характер[3]. «Массовая

[1] См., например: постановления Президиума ВАС РФ от 30 сентября 1997 г. №3490/97 (Вестник ВАС РФ. 1998. № 1. С.77-78), от 7 апреля 1998 г. № 2203/97 (Вестник ВАС РФ. 1998. № 6. С.27-28). Случаи признания сделок по отчуждению муниципального имущества в «обход» норм о приватизации нередко встречаются в практике арбитражного суда Самарской области (решения от 28 сентября 1998 г. по делу № А55-153/98-13, от 10 марта 1999 г. по делу № А55-53/98-30 // Архив арбитражного суда Самарской области).

[2] Тимескова В.С. Правовые вопросы аренды. Л., 1990. С.4.

[3] Подробнее см.: Чернов В.М. Аренда предприятий и отношения собственности // Актуальные проблемы правоведения в современный период: Сб. статей / Отв.

приватизация государственного имущества, в результате чего у значительного количества вновь образованных хозяйствующих субъектов оказались в собственности промышленные производства, цеха, корпуса...»[4] остро поставила вопрос об адекватном правовом регулировании отношений по временному владению и пользованию предприятиями как имущественными комплексами, которое воплотилось в нормах §5 гл.34 нового ГК.

Действующее российское законодательство допускает ***залог предприятия*** (п.2 ст.334, п.2 ст.340 ГК; ст.5 ФЗ «Об ипотеке»). Вместе с тем, такое решение вопроса является дискуссионным. Дело в том, что установление залога в отношении предприятия в целом, включающего в свой состав самые различные объекты, сопряжено со значительными сложностями, ведь предприятие как функционирующий имущественный комплекс в принципе не может оставаться неизменным по составу. Неудивительно, что в юридической литературе были высказаны пожелания о нецелесообразности залога предприятий. Так, А.И.Каминка считал, что «...торговое предприятие представляется мало подходящим объектом для залога. С одной стороны, оно отнюдь не дает кредитору достаточно верного обеспечения. ...С другой стороны, как ни сомнительны права такого кредитора, они во всяком случае чрезвычайно уменьшают права всех остальных кредиторов...»[5]. И все-таки значительная имущественная ценность предприятия, а также распространение на практике случаев отчуждения предприятия неизбежно наталкивали на мысль о допустимости залога предприятий. Как отмечала Е.А.Флейшиц, «предприятие, конечно, не материальная вещь и не право, а именно материальные вещи и права служат... объектами... залога. Но предприятие, как целое, продается и покупается – значит, оно может быть и закладываемо – такова мысль делового оборота, опирающаяся на общепринятое положение гражданского права: что можно продать, то можно и заложить»[6]. Поэтому в современных условиях изменения принципов инвестирования залог предприятия может стать одним из способов обеспечения исполнения долгосрочных и крупных денежных обязательств.

ред. В.Ф.Волович. Томск, 1991. С.75-76; Сухинин В.И. Порядок передачи в аренду предприятий (объединений) по Основам законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде // Там же. С.77-80.

[4] Гончарова Н. Аренда имущественных комплексов // Хозяйство и право. 1994. №8. С.157.

[5] Каминка А.И. Указ. соч. С.135-136. О развитии представлений относительно допустимости ипотеки предприятий см., в частности: Куликов А.Д. Ипотека предприятия по российскому праву // Юридический мир. 1999. № 10. С.50-56.

[6] Флейшиц Е.А. Указ. соч. С.65.

Помимо прочего, п.1 ст.1013 ГК относит предприятие к числу возможных объектов ***доверительного управления.*** Предприятие, в принципе, может выступать и предметом договоров мены, дарения, ренты; однако, в силу того, что оно является, как правило, очень дорогостоящим объектом, а использование указанных договоров в хозяйственном обороте объективно ограничено, их заключение, хоть и не исключается, но маловероятно.

Автор настоящей работы не ставит перед собой цели детально и всеобъемлюще осветить весь круг вопросов заключения, содержания и исполнения сделок с предприятиями. Главным для нас является представление их специфики, *обусловленной особенностями именно предмета договоров*[7] (купли-продажи, аренды, залога) – предприятия как сложного имущественного комплекса, сделки с которым могут иметь общественно значимые последствия и существенно затрагивать интересы граждан, общества и государства. При этом считаем важным показать не столько особое место сделок с предприятиями среди сделок одной и той же видовой принадлежности (например, сравнить общие положения о купле-продаже и нормы о продаже предприятия), сколько отметить некоторые общие специфические черты, присущие большинству сделок, возникающих по поводу предприятия как имущественного комплекса. К числу последних, в частности, можно отнести следующие особенности сделок с предприятиями: необходимость соблюдения повышенных требований к оформлению; гарантированность защиты прав кредиторов; специфичность передачи предприятия как имущественного комплекса; специфичность применения правил ГК о последствиях недействительности сделок, а также об изменении и о расторжении договоров.

Указанные характерные черты сделок с предприятиями и являются предметом исследования в настоящей главе. Кроме того, в заключение поднимается проблема правового регулирования сделок с частью предприятия.

[7] По выражению В.В. Витрянского, именно особенности предприятия являются «...отправной точкой для целого ряда специальных правил, посвященных аренде предприятий» (Витрянский В. Отдельные виды договора аренды. Комментарий ГК РФ // Хозяйство и право. 1996. № 3. С.11). Это можно сказать и в отношении иных договоров по поводу предприятия.

3.1. ПРОБЛЕМЫ ФОРМЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ СДЕЛОК С ПРЕДПРИЯТИЯМИ

Ценность и сложность предприятия как имущественного комплекса обусловливает необходимость соблюдения повышенных требований к оформлению договоров, предметом которых выступает предприятие. Данные требования условно можно свести к трем основным положениям.

Во-первых, они должны заключаться в *письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами* (п.1 ст.560, п.1 ст.658, п.2 ст.1017 ГК), т.е. их заключение не допускается путем обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи (п.2 ст.434 ГК). Причем невыполнение данного требования влечет недействительность договора (п.2 ст.560, п.3 ст.658, п.3 ст.1017 ГК). По общему же правилу, как известно, несоблюдение простой письменной формы не лишает сделки юридической силы, а приводит лишь к невозможности для сторон в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания (п.1 ст.162 ГК).

Договор о залоге предприятия как разновидность сделки об ипотеке, а также договор ренты, кроме того, должны быть *нотариально удостоверены* под страхом недействительности (п.1 ст.165 ГК; ч.2 п.2, п.4 ст.339 ГК; ст.584 ГК; п.1 ст.10 ФЗ «Об ипотеке»). Остальные сделки не требуют обязательного нотариального удостоверения (совершаются в простой письменной форме), однако оно может быть произведено в случаях, предусмотренных соглашением сторон (п.2 ст.163 ГК). Интересно, что проект части второй ГК, подготовленный рабочей группой Минюста РФ и Исследовательского центра частного права, устанавливал безусловную необходимость нотариального удостоверения сделок с недвижимостью (а значит – и договоров, предметом которых является предприятие, поскольку предприятие и в проекте было отнесено к недвижимости)[8]. Однако принятый в качестве закона новый ГК отказался от рассматриваемой нормы, что вызвало острую полемику в среде ученых и практиков: до сих пор активно обсуждается вопрос об обоснованности отказа от нотариального удостоверения большинства сделок с недвижимостью[9]. В поле нашего зрения не входит детальное рассмот-

[8] См., например, п.1 ст.558 и п.1 ст.655 проекта ГК (Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Проект. М., 1995. С.61, 88).

[9] Мнения по данному вопросу существенно различаются: одни авторы дают положительную оценку нововведения ГК о форме сделок (см., например: Цыбуленко З. Сделки с недвижимостью и их регистрация // Хозяйство и право. 1998. №2. С.55-56; Скворцов О.Ю. Регистрация сделок с недвижимостью: Правовое регулирование и судебно-арбитражная практика. М., 1998. С.60-61; Скукин Е.

рение отмеченного вопроса применительно ко всем сделкам с недвижимостью; что же касается сделок с предприятием, то считаем целесообразным сохранить действующие правила о простой письменной форме договоров купли-продажи, аренды и доверительного управления. Нотариальное же удостоверение договора о залоге предприятия вполне объяснимо, поскольку традиционно отечественное «...право ...знало публичность в смысле установления внешних признаков залога в интересах третьих лиц»[10], которая обеспечивается, в том числе, благодаря деятельности нотариусов.

Кстати сказать, несмотря на отсутствие необходимости в обязательном нотариальном удостоверении договора (кроме случаев залога предприятия и ренты), имеется немало аргументов в пользу целесообразности для сторон обращения к нотариусу:

а) в соответствии с п.1 ст.16 ФЗ «О государственной регистрации...» если права возникли на основании договоров (сделок), не требующих обязательного нотариального удостоверения, но нотариально удостоверенных по желанию стороны, заявление о государственной регистрации права подает одна из сторон договора (сделки). Это позволяет добросовестному контрагенту защитить свои права и интересы и сделать ненужным судебное разбирательство по поводу уклонения одной из сторон от государственной регистрации перехода вещного права на недвижимость. Данное правило выгодно и для государства, поскольку его реализация ведет к значительному снижению нагрузки на судебную систему;

б) деятельность нотариусов, традиционно выполняющих возложенные на них государством публичные функции по защите прав и охраняемых законом интересов участников хозяйственной жизни[11] (путем установления правоспособности юридических и дееспособности физи-

---

Платить будем меньше?.. // Права на недвижимость регистрирует государство. Новейшие правовые и нормативные акты. Комментарии специалистов. М., 1998. Вып. №21. С.73); другие – видят в этом снижение гарантий защиты прав субъектов и необоснованное принижение роли нотариата (см., например: Кузнецов А.В. ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»: за и против // Государство и право. 1998. №2. С.60-61; Тихенко А. Законодательство о нотариате требует совершенствования // Российская юстиция. 1997. №3. С.32).

[10] Кассо Л.А. Понятие о залоге в современном праве. М., 1999. С.271.

[11] Публично-правовой характер деятельности нотариусов (как работающих в государственных нотариальных палатах, так и занимающихся частной практикой) подтвержден Конституционным Судом РФ (см.: постановление КС РФ от 24 февраля 1998 г. №7-П // СЗ РФ, 1998, № 10, ст.1242; определение КС РФ от 19 мая 1998 г. №15-П // СЗ, 1998, №22, ст.2491).

ческих лиц, соответствия содержания сделки действительным намерениям контрагентов; путем проверки правильности составления договора с точки зрения его непротиворечия действующему законодательству; посредством разъяснения сторонам смысла и значения сделки, сообщения о правовых последствиях ее совершения и т.п.), позволяет предотвратить нарушение и оспаривание прав последних[12];

в) важное значение имеет то обстоятельство, что в случае совершения нотариального действия, противоречащего законодательству РФ, нотариусы, занимающиеся частной практикой и обязанные, кстати, заключить договор страхования своей ответственности (ст.18 Основ законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г.[13]), по решению суда должны возместить причиненные убытки; нотариусы, работающие в государственной нотариальной конторе, также несут ответственность в установленном законом порядке (ст.17 указанных Основ). Это в немалой мере уменьшает риск возможных потерь для сторон нотариально удостоверенной сделки.

Во-вторых, закон предписывает, что сделки с предприятиями – купли-продажи, мены, дарения, ренты, аренды и залога – подлежат *государственной регистрации* и считаются заключенными с момента такой регистрации (п.3 ст.339, п.3 ст.560, п.2 ст.567, п.3 ст.574, ст.584, п.2 ст.658 ГК; п.п.1-2 ст.10 ФЗ «Об ипотеке»). В случае доверительного управления предприятием предусмотрена государственная регистрация передачи имущества в управление, которая должна осуществляться в том же порядке, что и переход права собственности на это имущество; невыполнение данного правила влечет недействительность договора доверительного управления (п.п.2-3 ст.1017 ГК).

Однако, как подчеркивалось ранее, в силу разнородности состава предприятия и недопустимости признания предприятия в целом недвижимостью целесообразнее считать рассматриваемые договоры заключенными с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям договора. При таком подходе в случае отчуждении предприятия в результате купли-продажи (а также мены, дарения, ренты) необходимо производить лишь государственную регистрацию пере-

[12] Недаром в литературе получила распространение точка зрения на нотариат как институт превентивного правосудия (см.: Герасимов В. Потенциал нотариата не востребован // Российская юстиция. 2000. №1. С.31; Жуйков В. Нотариат как институт превентивного правосудия: Общие цели, принципы и полномочия // Российская юстиция. 1998. №6. С.33-34; № 7. С.33-34; Форин М. Защита участников гражданского оборота: концептуальные вопросы и практические решения // Российская юстиция. 1998. № 6. С.31-32; Ярков В. Публично-правовой характер нотариальной деятельности // Российская юстиция. 1997. №6. С.31-32).

[13] Ведомости... РФ, 1993, № 10, ст.357.

хода права собственности на объекты недвижимости, относящиеся к предприятию (в том числе путем регистрации вещного права на единый комплекс недвижимого имущества как составную часть предприятия и внесения на основании этого соответствующих записей применительно к конкретным объектам недвижимости); при аренде, залоге и доверительном управлении предприятием, в состав которого входят недвижимые вещи, требуется обязательная государственная регистрация ограничений (обременений). Внесение записей об ограничениях (обременениях) – аренде, залоге и доверительном управлении – осуществляется в соответствии с разделом V Правил ведения Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, утвержденных постановлением Правительства РФ от 18 февраля 1998 г. № 219[14] (далее – Правила).

Здесь будет уместно отметить, что правовые акты, касающиеся государственной регистрации ограничений (обременений) вещных прав (как и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним вообще) отличаются крайней внутренней противоречивостью. Так, из п.2 ст.6 и абз.3 п.2 ст.13 ФЗ «О государственной регистрации...» вытекает, что ограничения (обременения) рассматриваются законодателем в качестве сделок. Тем не менее, при регистрации аренды и ипотеки выдается свидетельство о государственной регистрации (п.73 Правил)[15], тогда как государственная регистрация договоров и иных сделок удостоверяется посредством совершения специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки (абз.2 п.1 ст.14 ФЗ «О государственной регистрации...»). Но ведь если считать ограничения (обременения) сделками, то и регистрировать их необходимо по правилам о регистрации сделок! Примеры логических неувязок, способных породить (и уже породивших) немало проблем на практике, можно приводить бесконечно долго.

Вопросы регистрации ограничений (обременений) вещных прав (а также прав и сделок с недвижимостью вообще) лежат за пределами настоящего исследования. Вместе с тем, представляется важным заострить внимание на следующем моменте: *ограничение (обременение) нельзя рассматривать в качестве сделки.* Сделка является юридическим фактом, в результате наступления которого могут возникнуть ограничения (обременения); но основание возникновения какого-либо явления не есть само явление. Другое дело, что по общему правилу нет никакой необходимости в одновременной государственной регистрации сделки и

[14] СЗ РФ, 1998, № 8, ст.963.

[15] ФЗ «Об ипотеке», вступивший в силу позже Правил, уже говорит об удостоверении государственной регистрации ипотеки путем надписи на договоре (п.2 ст.22).

возникшего из нее ограничения (обременения). По сути – это двойная регистрации одного и того же. Примечательно, что данной позиции, по сути, стал придерживаться и Президиум ВАС РФ, обративший внимание применительно к регистрации права аренды на следующие моменты: «...исходя из смысла ГК, регистрация возникающих из договора аренды здания прав арендатора, обременяющих вещные права арендодателя на это здание, осуществляется ...только в том случае, когда регистрации подлежит сам договор аренды недвижимого имущества» (п.6 Обзора практики разрешения споров, связанных с применением ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» – приложения к информационному письму от 16 февраля 2001 г. № 59).

Представляется, что одним из ориентиров совершенствования законодательства о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним мог бы стать следующий принцип: **ограничения (обременения) вещных прав регистрируются посредством государственной регистрации сделок, подлежащих обязательной регистрации, либо самостоятельно в случаях, установленных законом.** Несоблюдение данного правила должно влечь следующие правовые последствия:

- ограничение (обременение) не должно считаться возникшим для третьих лиц. В настоящее время это правило уже закреплено в отношении ипотеки (п.6 ст.20 ФЗ «Об ипотеке»);

- в случае, когда ограничение (обременение) регистрируется путем государственной регистрации сделки, последняя будет являться незаключенной.

Сообразно выдвинутым положениям по проблеме государственной регистрации сделок с предприятиями в действующее законодательство следует внести изменения и дополнения, в том числе:

а) исключить из ст.560 ГК пункт третий и изменить название ст.560 ГК на следующее: «Форма договора продажи предприятия»;

б) изменить название ст.658 ГК на следующее: «Форма договора аренды предприятия и государственная регистрация аренды недвижимых вещей, относящихся к предприятию»;

в) п.2 ст.658 ГК изложить в новой редакции: «2. Аренда недвижимых вещей, относящихся к предприятию, подлежит обязательной государственной регистрации»;

г) п.3 ст.339 ГК дополнить абзацем вторым следующего содержания: «При ипотеке предприятия обязательной государственной регистрации подлежит ипотека недвижимых вещей, относящихся к предприятию»;

д) п.1 ст.10 ФЗ «Об ипотеке» изложить в новой редакции: «1. Договор об ипотеке должен быть нотариально удостоверен и подлежит государственной регистрации, если иное не установлено законом»;

е) дополнить ст.10 ФЗ «Об ипотеке» пунктом пятым следующего содержания: «5. При ипотеке предприятия обязательной государственной регистрации подлежит ипотека недвижимых вещей, относящихся к предприятию»;

ж) изложить пункты второй и третий ст.22 ФЗ «О государственной регистрации...» в новой редакции: «2. При условии государственной регистрации прав на недвижимые вещи, относящиеся к предприятию, по заявлению правообладателя может быть осуществлена государственная регистрация права на единый комплекс недвижимого имущества, относящегося к предприятию. Такая регистрация осуществляется в учреждении юстиции по регистрации прав в месте нахождения большей части недвижимого имущества в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации.

3. При совершении сделок с предприятием в целом государственной регистрации подлежат возникновение, ограничение (обременение), переход или прекращение прав на недвижимые вещи, относящиеся к предприятию.

При наличии государственной регистрации права на единый комплекс недвижимого имущества, относящегося к предприятию, при совершении сделок с предприятием государственной регистрации подлежит возникновение, ограничение (обременение), переход или прекращение права на единый комплекс недвижимого имущества. Такая регистрация является основанием для внесения учреждением юстиции по месту нахождения объекта соответствующих записей в отношении каждого объекта недвижимого имущества, входящего в состав предприятия».

В-третьих, при продаже предприятия, а также при доверительном управлении предприятием *к договору должны быть приложены* следующие *документы*: акт инвентаризации, бухгалтерский баланс, заключение независимого аудитора о составе и стоимости предприятия, перечень всех долгов (обязательств), включаемых в состав предприятия (ст.561, п.2 ст.1017 ГК). Первые три документа являются обязательными приложениями и к договору об ипотеке предприятия (п.3 ст.70 ФЗ «Об ипотеке»).

Очевидно, что при аренде необходимость в составлении и рассмотрении сторонами указанных документов (за исключением, разве что, заключения независимого аудитора) так же велика, на что уже обращалось внимание в юридической литературе[16]. Кроме того, нормативными актами в области бухгалтерского учета инвентаризация имущества

[16] См.: Витрянский В.В. Договор аренды и его виды: Прокат, фрахтование на время, аренда зданий, сооружений и предприятий, лизинг. М., 1999. С.209.

и обязательств прямо предусмотрена для случаев сдачи имущества в аренду (абз.2 п.2 ст.12 ФЗ от 23 февраля 1996 г. «О бухгалтерском учете»[17] и абз.2 п.26 Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности). Поэтому представляется правильным внести соответствующие дополнения в ГК, а именно: п.1 ст.658 ГК изложить в новой редакции – «1. Договор аренды предприятия заключается в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами (пункт 2 статьи 434), с обязательным приложением к нему акта инвентаризации предприятия, бухгалтерского баланса и перечня всех долгов (обязательств), включаемых в состав предприятия».

Считаем важным затронуть ряд аспектов, связанных с необходимостью приложения к изучаемым договорам заключения независимого аудитора о составе и стоимости предприятия. Определение стоимости предприятия есть разновидность оценочной деятельности, т.е. деятельности, направленной на установление в отношении объектов оценки рыночной или иной стоимости и осуществляемой в соответствии с ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ», ст.5 которого прямо относит предприятия к числу потенциальных объектов оценки. При этом закон не ограничивает круг оценщиков только аудиторами: в их качестве могут выступать любые юридические и физические лица – индивидуальные предприниматели (ст.4), получившие лицензию (ст.23). Следует отметить, что основной целью аудиторской деятельности является выражение мнения о достоверности финансовой (бухгалтерской) отчетности экономических субъектов и соответствии порядка ведения бухгалтерского учета законодательству России (п.3 ст.1 ФЗ от 13 июля 2001 г. «Об аудиторской деятельности»[18]) путем проведения аудиторских проверок; оценочная же деятельность аудиторами практически не осуществляется и рассматривается как оказание сопутствующей аудиту услуги (п.п.6 ст.1 ФЗ «Об аудиторской деятельности»). Вследствие этого указание ст.561 ГК на то, что заключение о составе и стоимости предприятия должно даваться исключительно аудитором, создает дополнительные и никак неоправданные трудности в практическом аспекте. Отсюда – необходимость в изменении исследуемой нормы: считаем, что **обязательным приложением к договору купли-продажи предприятия должен быть отчет независимого оценщика (в том числе аудитора, осуществляющего оценочную деятельность) об оценке предприятия.** Кстати сказать, положения многих нормативных актов (в частности, п.3 ст.34 и п.2 ст.77 ФЗ «Об акционерных обществах»; п.2 ст.15 ФЗ «Об обществах с ограничен-

[17] СЗ РФ, 1996, № 48, ст.5369; 1998, № 30, ст.3619.

[18] Российская газета, 2001, 9 августа. Аналогичные положения содержал и п.5 Временных правил аудиторской деятельности в РФ, утвержденных Указом Президента РФ от 22 декабря 1993 г. № 2263 (см.: САПП РФ, 1993, №52, ст.5069).

ной ответственностью»; п.3 ст.9 ФЗ «Об ипотеке»), касающиеся оценки (например, оценки вклада в уставный капитал, рыночной стоимости имущества акционерного общества и т.д.), предусматривают возможность (иногда – необходимость) ее осуществления именно независимыми оценщиками (а не только аудиторами).

Методы и конкретные методики проведения оценки предприятия могут быть различными: многие из них заимствованы из зарубежной практики. В настоящее время наиболее распространенными являются следующие подходы к оценке: доходный (метод капитализации дохода), с помощью которого определяется текущая стоимость будущих доходов от владения недвижимостью; рыночный (сравнительный), основанный на сравнении продаж аналогичных объектов; имущественный, базирующийся на анализе балансовых счетов и их корректировке[19].

ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ» предусматривает необходимость разработки и утверждения Правительством РФ особых стандартов, которым должны соответствовать оценочные методы, применяемые субъектами оценочной деятельности (ст.ст.14, 20). Представляется, что в силу специфичности и масштабности предприятия как сложного объекта вопросам его оценки должен быть посвящен специальный стандарт.

Следует заметить, что стоимость предприятия, определенная аудитором (оценщиком), может и не совпадать с ценой, установленной сторонами и являющейся наряду с предметом существенным условием договора: при продаже предприятия продолжает действовать норма п.1 ст.485 ГК, согласно которой покупатель обязан оплатить товар по цене, предусмотренной договором; оценочная же стоимость может быть лишь ориентиром ее определения; «ничто не препятствует стороне договора продать или купить предприятие себе в убыток. Кроме того, на цену предприятия могут влиять различные факторы, не поддающиеся прямой оценке (перспективы рынка ...и др.)»[20]. Вытекает это и из правового значения отчета об оценке для контрагентов договора: в соответствии со ст.12 ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ» итоговая величина стоимости объекта, указанная в отчете об оценке, признается по общему

---

[19] В последнее время число публикаций, посвященных изучению различных методов оценки недвижимости, в том числе имущественных комплексов, заметно возросло. См., например: Волочков Н.Г. Указ. соч. С.89-90; Григорьев В.В., Островкин И.М. Оценка предприятий. Имущественный подход: Учебно-практическое пособие. М., 1998; Котов А.И., Потеряев Н.В. Оценка имущества предприятий // Бухгалтерский учет. 1995. №8. С.41-43; Купчина Л.А. Оценка недвижимости, сдаваемой в аренду // Бухгалтерский учет. 1997. №9. С.77-79.

[20] Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1997. С.107.

правилу лишь *рекомендуемой* для целей совершения сделки. Однако иное может быть установлено в порядке, предусмотренном законодательством РФ или в судебном порядке: так, в случае обязательности совершения сделки в соответствии с законодательством РФ судебные органы могут обязать совершить сделку по цене, определенной в ходе рассмотрения спора о достоверности рыночной цены, содержащейся в отчете об оценке (ст.13 ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ»).

Спецификой обладает порядок определения цены предприятия, продаваемого в процессе приватизации, которая выражается в необходимости установления начальной цены приватизируемого имущества по определенным правилам. В соответствии с п.1 ст.17 ФЗ «О приватизации...» порядок определения начальной цены предприятия (как, собственно, и иных объектов приватизации) должен фиксироваться в программе приватизации. С нашей точки зрения, было бы правильным указать в новой программе приватизации, что *за основу определения цены приватизируемого объекта должна по общему правилу браться оценочная стоимость*, тем более, что при определении стоимости объектов, принадлежащих государству или муниципальным образованиям, проведение их оценки является обязательным (ст.8 ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ»). Реализация данной нормы способствовала бы пополнению бюджетных ресурсов и прекратила бы практику продажи высоколиквидного государственного (муниципального) имущества «за бесценок». На это нацеливает и Концепция управления государственным имуществом и приватизации в РФ (одобренная постановлением Правительства РФ от 9 сентября 1999 г. № 1024)[21], которая предусматривает, что высоколиквидные предприятия должны приватизироваться с учетом их реальной ценовой оценки, максимально приближенной к мировому уровню (подраздел 2 раздела II).

3.2. ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ КРЕДИТОРОВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ СДЕЛОК С ПРЕДПРИЯТИЯМИ [22]

В связи с тем, что совершение сделок, предметом которых выступает предприятие, серьезно затрагивает права кредиторов по обязательствам, включенным в состав предприятия, законодательство определяет дополнительные гарантии защиты их интересов. Положения ГК на этот счет не являются открытием; проблемы, связанные с охраной прав кре-

[21] См.: СЗ РФ, 1999, № 39, ст.4626.

[22] По данному вопросу также см.: Поваров Ю.С. Защита прав кредиторов при совершении сделок с предприятиями // Гражданин и право. 2001. №3. С.30-35.

диторов, волновали ученых и практиков еще в дореволюционное время. В 1912 г. в Москве даже возник «Временный комитет по изысканию мер против неплатежей», разработавший законопроект о переходе торговых предприятий[23]. Чрезвычайно жесткие правила в целях обеспечения интересов кредиторов устанавливал закон царской России от 3 июня 1906 г. (в частности, он предусматривал пятилетний срок несения солидарной ответственности отчуждателя и приобретателя предприятия, необходимость особых уведомлений со стороны нотариуса об отчуждении предприятия и др.)[24].

Современное гражданское законодательство к числу гарантий прав кредиторов, в частности, относит положение об ответственности сторон договоров продажи и аренды предприятия по обязательствам, исполнение которых покупателем (арендатором) невозможно при отсутствии у них разрешения (лицензии) на занятие соответствующей деятельностью (п.3 ст.559, п.2 ст.656 ГК). Речь, таким образом, идет о случаях, когда объем правоспособности покупателя (арендатора) в силу п.1 ст.49 ГК уже по сравнению с объемом правоспособности продавца (арендодателя) в части возможности осуществления определенных лицензируемых видов деятельности. Включение в состав передаваемого предприятия таких обязательств не освобождает продавца (арендодателя) от этих обязательств; в отношении же продавца, помимо прочего, специально предусматривается, что он несет с покупателем солидарную ответственность. Отсутствие последнего правила применительно к арендодателю является, с нашей точки зрения, результатом недоразумения и «сбоя» законодательной техники. Поэтому *правило о солидарной ответственности арендодателя и арендатора должно быть включено в п.2 ст.656 ГК.*

Другой важной гарантией прав кредиторов является требование об их обязательном письменном уведомлении до передачи предприятия о продаже или аренде последнего (ст.ст.562, 657 ГК), а также при возврате арендованного имущественного комплекса арендодателю (ст.664 ГК). Данное правило корреспондирует норме Общей части ГК о допустимости перевода долга с согласия кредитора (п.1 ст.391), а также положению п.1 ст.563 ГК о содержании передаточного акта, в котором должны указываться, в том числе, данные об уведомлении кредиторов о продаже предприятия. При купле-продаже исследуемая обязанность должна быть исполнена любой из сторон договора[25]; при аренде она

---

[23] См.: Вормс А. Ответственность приобретателя при переходе торговых предприятий // Вестник права и нортариата. 1913. № 17. С.517.

[24] См.: Флейшиц Е.А. Указ. соч. С.45-46.

[25] И.В.Елисеев пишет, что «обязанность ...уведомления лежит на продавце, поскольку именно он должен передать предприятие (в том числе и долги) покупа-

возлагается на арендодателя. Считаем, что интересы кредиторов арендодателя ни в коей мере не будут нарушены, если уведомление об аренде предприятия будет сделано арендатором, в связи с чем редакция п.1 ст.657 ГК должна быть уточнена и может быть следующей: «1. Кредиторы по обязательствам, включенным в состав предприятия, должны быть до его передачи арендатору письменно уведомлены арендодателем или арендатором о передаче предприятия в аренду».

Анализ ст.ст.562, 657 ГК позволяет говорить об урегулированности законодателем трех потенциально возможных ситуаций, которые могут возникнуть в связи с необходимостью исполнения обязанности по уведомлению кредиторов:

а) кредитор получил уведомление и письменно сообщил о своем согласии на перевод долга;

б) кредитор получил уведомление и не сообщил письменно о согласии на перевод долга;

в) кредитор вообще не получил уведомление.

Во втором и третьем случаях закон предоставляет кредиторам дополнительные гарантии получения удовлетворения от должника. Так, письменно уведомленный кредитор вправе в течение трех месяцев заявить должнику требование о прекращении или досрочном исполнении обязательства и возмещении причиненных этим убытков, а при продаже предприятия может также предъявить альтернативное требование – иск о признании договора купли-продажи предприятия недействительным полностью или в соответствующей части.

Наличие у кредитора права на заявление требования о признании договора продажи предприятия недействительным вызывает необходимость определения вида недействительности такой сделки. Как известно, ГК в отношении ничтожной сделки говорит о возможности предъявления иска о применении последствий недействительности (признания сделки недействительной не требуется, так как она недействительна независимо от признания ее таковой судом – п.1 ст.166); когда же речь идет об оспоримой сделке – то предъявляется иск о признании ее недействительной и применении последствий недействительности (ст.12, п.2 ст.166). Из этого формально вытекает, что сделка, совершенная с нарушением требований ст.562 ГК, является оспоримой. Тем не менее, ВАС РФ исходит из того, что поскольку ГК не исключает возможности предъявления исков о признании недействительной ничтожной сделки, споры по таким требованиям подлежат разрешению судом в общем по-

телю» (Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1997. С.111), что не соответствует букве закона, но, в принципе, является наиболее целесообразным вариантом распределения обязанностей сторон.

рядке по заявлению любого заинтересованного лица[26] (п.32 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой ГК РФ»; постановление Президиума ВАС РФ от 27 мая 1997 г. № 2237/96[27]). Это вызвано тем, что предложенную кодексом схему разграничения ничтожных и оспоримых сделок нельзя назвать совершенной: поскольку вопрос о применении последствий недействительности любой сделки есть исключительная компетенция судебных органов, «суды практически вынуждены устанавливать факт ...ничтожности так же, как они делают это и применительно к оспоримым сделкам»[28].

Несмотря на отмеченное обстоятельство, все-таки представляется, что *договоры купли-продажи, признаваемые недействительными на основании п.п.2-3 ст.562 ГК, являются оспоримыми сделками*, что, с одной стороны, как указывалось, формально следует из редакции рассматриваемых пунктов, а с другой стороны, отвечает смысловой разнице между оспоримыми и ничтожными сделками (последние воспринимаются законодателем более негативно, вследствие чего устанавливается 10-летний срок исковой давности и т.п.). Кроме того, ГК ограничивает кредиторами круг лиц, которые вправе предъявить иски о признании сделки продажи недействительной, что характерно именно для оспоримых сделок (абз.1 п.2 ст.166 ГК). Следовательно, речь идет о самостоятельном основании оспоримости сделки, не названном в гл.9 ГК[29], что

---

[26] Позиция, занятая высшими судебными инстанциями, представляется верной. Убедительно обосновывают ее М.И.Брагинский и В.В.Витрянский, считающие, что «при ничтожности сделки речь идет об иске о признании наличия факта, с которым закон связывает ничтожность сделки. ... такого рода обращение в суд укладывается в рамки ...выделяемого в ст.12 ГК способа защиты: «признания прав», что по самой своей природе означает в равной мере признание наличия или отсутствия права» (Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С.153). Правда, следует отметить, что данный подход не всегда получает однозначную поддержку среди судей. Так, арбитражный суд Самарской области отказал в иске о признании недействительным договора аренды приемного пункта по мотиву того, что сделка является ничтожной, вследствие чего нет оснований признавать ее недействительной (решение от 21 июля 1999 г. по делу № А55-3656/99-27 // Архив арбитражного суда Самарской области).

[27] См.: Вестник ВАС РФ. 1997. № 9. С.28-29.

[28] Зинченко С., Газарьян Б. Ничтожные и оспоримые сделки в практике предпринимательства // Хозяйство и право. 1997. № 2. С.121.

[29] О.М.Олейник считает, что в рассматриваемом случае следует говорить «...о наличии специальных условий недействительности договора продажи предприятия ...либо о частном случае применения ст.168 ГК» (см.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. (Книга I.: Глава 30. Купля-продажа) /

не противоречит закону, поскольку основания недействительности должны содержаться в ГК (т.е. не в иных правовых актах), но не обязательно именно в специальной главе о недействительности сделок (п.1 ст.166 ГК).

Особо обратим внимание, что установленный *трехмесячный срок* предъявления уведомленным кредитором требования о признании сделки недействительной, в отличие от годичного срока заявления аналогичного требования кредитором, не извещенным о продаже предприятия, *сроком исковой давности не является.* Это связано с тем, что исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено (ст.195 ГК); надлежащее же уведомление кредитора снимает вопрос о нарушении его субъективных прав. Переход долгов на приобретателя предприятия, как мы увидим далее, даже без согласия кредиторов есть прямое допущение закона, а потому оно не может рассматриваться в качестве нарушения их прав; нарушением будет лишь неуведомление кредиторов о продаже предприятия. Анализируемый трехмесячный срок определяет время существования права на предъявление соответствующего требования – права, предоставленного законом в целях обеспечения максимально сбалансированного сочетания интересов кредиторов и сторон договора купли-продажи предприятия; истечение данного срока влечет прекращение права, возможность его реализации утрачивается. Поэтому следует поддержать И.В.Елисеева, считающего, что трехмесячный срок по своему назначению относится к числу *сроков существования гражданских прав*[30]. В литературе высказано и иное мнение относительно правовой природы рассматриваемого срока: О.М.Олейник утверждает, что поскольку закон ничего не говорит о погашении требований за пределами трехмесячного срока, последний является «...скорее организационным, не влияющим на возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей»[31]. С данным выводом трудно согласиться: истечение трехмесячного срока как раз влечет прекращение субъективного права на заявление установленных законом требований. Представляется, что автором не разграничиваются собственно материальное требование кредитора к должнику (например, требование уплаты денег, выполнения работ и т.п., т.е. сам долг), которое, безусловно, не прекращается при продаже предприятия (с этим никто и не спорит), и требование о признании сделки недействительной, которое за

Отв. ред. Т.Е.Абова, А.Ю.Кабалкин. М., 1999. С.229). Тем самым автор не вносит окончательной определенности в исследуемый вопрос.

[30] См.: Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1997. С.111.

[31] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. (Книга I.: Глава 30. Купля-продажа) / Отв. ред. Т.Е.Абова, А.Ю.Кабалкин. М., 1999. С.229.

пределами трехмесячного срока не может быть реализовано по причине прекращения его существования. Вследствие этого срок, указанный в п.2 ст.562 ГК, вряд ли может быть отнесен к организационным.

Признание трехмесячного срока сроком существования гражданского права объясняет достаточно уникальную ситуацию, когда срок исковой давности вообще не применим к требованию о признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности, поскольку неосуществление права на предъявление такого требования в течение трех месяцев влечет его прекращение не только в процессуальном, но и в материальном смысле (отсюда нет здесь и противоречия п.2 ст.181 ГК, определившему, что срок исковой давности по оспоримым сделкам составляет один год, а также п.2 ст.420 ГК, согласно которому к договорам без каких-либо исключений применяются правила о сделках, предусмотренные гл.9 ГК).

В ситуации, когда кредитор вообще не получил уведомление, он вправе предъявить иск об удовлетворении только что рассмотренных требований, но уже в течение не трех месяцев, а одного года со дня, когда узнал или должен был узнать о передаче предприятия.

Несмотря на кажущуюся простоту ст.ст.562, 657 ГК, вытекающие из них выводы далеко не однозначны. Главные трудности, прежде всего теоретического плана, возникают при решении следующих вопросов.

1. Как быть в случае, когда уведомленный кредитор сообщил о своем несогласии на перевод долга, и можно ли в такой ситуации вообще говорить о переводе долга, ведь, согласно п.1 ст.391 ГК, он допускается лишь с согласия кредитора?

При решении поставленного вопроса необходимо, в частности, исходить из того, что к договорным обязательствам общие положения об обязательствах применяются, если иное не предусмотрено правилами ГК об отдельных видах договоров (п.3 ст.420 ГК). Думается, что именно с этим мы и сталкиваемся в рассматриваемой ситуации: п.2 ст.562 и п.2 ст.657 ГК, не отрицая, в принципе, общего правила об обязательности согласия кредитора на перевод долга, устанавливают специальные указания на случай заявления несогласия, предоставляя возможность кредитору защитить свои права предусмотренными в этих пунктах способами. Необходимость частичного отступления от норм Общей части ГК вызвана тем, что «перевод ... долга на покупателя предприятия по общим правилам, установленным ст.391 ГК, на практике может быть неосуществим хотя бы потому, что количество кредиторов продавца (например, по поставкам продукции) может измеряться тысячами»[32].

[32] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Отв. ред. О.Н.Садиков. М., 1997. С.138.

Перевод же долга имеет место; в противном случае нельзя бы было говорить о солидарной ответственности покупателя (арендатора) по долгам, переведенным без согласия кредитора, так как несение такой ответственности означает не что иное, как возникновение у приобретателя предприятия самостоятельных обязанностей, тем более, что их исполнение порождает у покупателя (арендатора) право регрессного требования к продавцу (арендодателю), но за вычетом доли, падающей на него самого (п.2 ст.325 ГК)[33]. Данный подход принят и в зарубежных странах; Коммерческий кодекс Чешской Республики вообще прямо устанавливает, что для перехода обязательства не требуется согласия кредитора, однако продающий несет ответственность за выполнение покупателем переведенных обязательств (п.3 §477)[34].

Исходя из вышесказанного, с нашей точки зрения, **правила п.2 ст.562 и п.2 ст.657 ГК охватывают и ситуации, когда уведомленный кредитор заявляет о своем несогласии на перевод долга.**

2. Другой не менее острый вопрос состоит в том, каковы правовые последствия хранения уведомленным кредитором молчания относительно перевода долга: можно ли считать молчание согласием на перевод долга? Актуальность этого вопроса обусловлена тем, что стороны договора продажи или аренды предприятия по включенным в состав переданного предприятия долгам, которые были переведены на покупателя без согласия кредитора, несут солидарную ответственность (п.4 ст.562, п.4 ст.657 ГК).

В юридической литературе обозначились различные, прямо противоположные подходы по данной проблеме. По мнению И.В.Елисеева, «неполучение ответа кредитора в течение трех месяцев можно рассматривать как его согласие на перевод долга»; этот вывод вытекает из рассмотрения И.В.Елисеевым молчания как частного случая положитель-

---

[33] По-видимому, к этому склоняется В.Утка, утверждающий, что неполучение согласия на перевод долга при аренде предприятия не влечет признания сделки недействительной по ст.168 ГК (см.: Утка В. Указ. соч. С.75). Иного мнения придерживается Г.Е.Авилов, считающий, что «здесь можно говорить о переводе долга, но состоявшемся лишь в отношениях между продавцом и покупателем предприятия. ...стороной в обязательстве остается продавец предприятия» (правда, данный подход Г.Е.Авилов применяет в отношении случаев, когда уведомленный кредитор сохраняет молчание, но представляется, что аргументация автора распространяется и на наш случай, поскольку фактически речь идет об одном и том же – может ли перейти долг без выражения кредитором своего согласия на это) (подробнее см.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Отв. ред. О.Н.Садиков. М., 1997. С.139). По приведенным нами соображениям позиция Г.Е.Авилова представляется спорной.

[34] Три кита чешского права: Сборник кодексов. С.56.

ного волеизъявления, допускаемого п.3 ст.158 ГК[35]. Аналогичных взглядов придерживается А.А.Иванов, из чего следует и его позиция относительно возможности наступления солидарной ответственности, только если уведомленный кредитор арендодателя заявляет требование о прекращении или досрочном исполнении обязательства в установленный срок[36]. Иную точку зрения высказывает Г.Е.Авилов, считающий, что при отсутствии письменного согласия кредитора перевод долга невозможен; «однако если обязательство будет исполнено покупателем предприятия, кредитор ...будет обязан принять такое исполнение. Более того, обязанность покупателя исполнить кредиторам продавца обязательства, включенные в состав предприятия, может быть внесена в договор продажи предприятия. Кредитор же в любое время сохраняет право дать согласие на перевод долга»[37].

Думается, что однозначного ответа редакция пунктов четвертых ст.ст.562, 657 ГК вообще не дает: с одной стороны, в них, в отличие от пунктов 2-3 указанных статей, не говорится о *письменном* согласии кредиторов, с другой стороны, применение п.3 ст.158 ГК является «натяжкой», поскольку молчание признается выражением воли лишь в случаях, предусмотренных законом (и соглашением сторон), статьи же 562 и 657 ГК прямо это не определяют. В практическом плане более предпочтительным представляется вариант обязательности письменного согласия на перевод долга; при отсутствии такого согласия действует правило о солидарной ответственности. Другое дело, что солидарная ответственность продавца и покупателя (арендодателя и арендатора) не может быть «бесконечной»: это противоречит общему смыслу анализируемых статей и не способствует установлению определенности в отношениях между контрагентами, а также между первоначальным кредитором и должником. Данный вывод распространяется также на случаи неуведомления кредитора. Поэтому **правило о солидарной ответственности сторон договоров продажи и аренды предприятия должно применяться только в пределах сроков заявления предусмотренных законом требований** (трехмесячного или годичного), за исключением, естественно, случаев, когда кредитор заявил предусмотренные законом требования в пределах данных сроков.

---

[35] См.: Гражданское право: Учебник. Часть II / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1997. С.111. Данного подхода придерживались некоторые дореволюционные цивилисты, например, В. Удинцев (см.: Удинцев В. Указ. соч. С.327).

[36] См.: Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1997. С.189-190.

[37] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Отв. ред. О.Н.Садиков. М., 1997. С.139.

С учетом вышесказанного п.4 ст.562 и п.4 ст.657 ГК следует изложить в новой редакции: «После передачи предприятия покупателю (или соответственно арендатору) продавец и покупатель (арендодатель и арендатор) до истечения сроков, установленных в пунктах 2 и 3 настоящей статьи (кроме случаев предъявления указанных в пунктах 2 и 3 требований в предусмотренные сроки), несут солидарную ответственность по включенным в состав переданного предприятия долгам, которые были переведены на покупателя (арендатора) без письменного согласия кредитора».

В заключение представляется необходимым заострить внимание еще на одной проблеме, остро вставшей в наши дни. На практике широкое распространение получили сделки по отчуждению (а также сдаче в аренду) имущественных комплексов (совокупностей вещей), не являющихся предприятиями (имущества столовых и производственных цехов, складских комплексов и т.п.), в связи с чем судебная практика изобилует спорами, касающимися, главным образом, вопросов действительности сделок и исполнения сторонами своих обязательств[38]. В средствах массовой информации нередко можно встретить сообщения с предложением заключить такие сделки. Часто их совершение ведет к резкому снижению гарантий кредиторов получить удовлетворение. Действующее законодательство устанавливает определенные препятствия для отчуждения имущества в целях избежать ответственности. Так, «барьером» для недобросовестных лиц являются правила о совершении крупных сделок (гл.X ФЗ «Об акционерных обществах», ст.46 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и т.д.), об ответственности при преднамеренном банкротстве (п.2 ст.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Однако перечисленные нормы имеет свою четкую направленность, ограниченную сферу применения (например, при преднамеренном банкротстве субсидиарная ответственность лиц, имеющих право давать обязательные для должника указания, наступает только при наличии вины) и не позволяют в полной мере оградить кредиторов от возможных злоупотреблений со стороны должника.

В ряде зарубежных стран выработаны и успешно применяются специальные правила, направленные на защиту интересов кредиторов при отчуждении должником большей части своего имущества. Так, во

[38] См.: постановления Президиума ВАС РФ от 23 сентября 1997 г. № 2844/97 (Вестник ВАС РФ. 1998. № 1. С.75-76), от 26 января 1999 г. № 2800/98 (Вестник ВАС РФ.1999. № 5. С.64-65), от 26 октября 1999 г. № 3216/99 (Вестник ВАС РФ. 2000. № 1. С.42-43). Неоднократно споры рассматриваемой категории являлись предметом разбирательства в арбитражном суде Самарской области (дела №№ А55-163/98-13, А55-1223/99-13, А55-2108/99-13, А55-6917/99-13, А55-7418/99-13 и др. // Архив арбитражного суда Самарской области).

Франции сообщение о продаже торгового фонда, не являющегося, как отмечалось, предприятием, должно быть опубликовано дважды, через определенные промежутки времени; приобретатель уплачивает продавцу покупную цену лишь по истечении 10 дней после вторичной публикации; указанная цена может быть обращена в фонд для непосредственного удовлетворения требований кредиторов[39]. Необходимость защиты прав кредиторов стала в свое время основной причиной включения в ЕТК США раздела 6, посвященного так называемому комплексному отчуждению. Нормы данного раздела устанавливали недействительность сделки при неизвещении кредиторов о ее совершении. Впоследствии, правда, указанное правило стало создавать ненужные затруднения, осложняя заключение сделок, что привело к отказу от специального регулирования комплексного отчуждения и разработке нового, более адекватного новым экономическим реалиям варианта раздела 6 «Комплексная продажа» (Bulk sale). Однако положение о предварительном уведомлении кредиторов (индивидуализированном или путем официальной передачи письменного уведомления в офис секретаря штата в определенных случаях) в целях предоставления им возможности предпринять действия по защите своих интересов было сохранено (ст.ст.6-104, 6-105 ЕТК США)[40].

ГК в ст.562 определяет достаточно действенную и адекватную современному состоянию делового оборота в России систему мер, направленных на защиту прав кредиторов. Думается, что данные положения следует распространить и на случаи продажи (а также сдачи в аренду с правом выкупа) большей части имущества организации, не составляющего предприятие (например, имущества, балансовая стоимость которого на дату заключения договора составляет более половины балансовой стоимости активов юридического лица).

3.3. СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ИМУЩЕСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

Структурной сложностью предприятия объясняется достаточно подробное регулирование исполнения передающей стороной обязанности по передаче предприятия покупателю (арендатору) (ст.ст.563, 659 ГК),

[39] Подробнее см.: Гражданское и торговое право капиталистических государств / Отв. ред. К.К.Яичков. М., 1966. С.105.

[40] См.: Whaley D.J. Problems and Materials on commercial law. New York, 1997. P.1062-1063, 1066-1082; Единообразный торговый кодекс США. С.14-16, 268-285.

осуществляемой по передаточному акту. При купле-продаже закон определяет и его содержание: в передаточном акте указываются данные о составе предприятия и об уведомлении кредиторов, а также сведения о выявленных недостатках переданного имущества и перечень утраченного имущества. Очевидно, что такие же требования должны предъявляться и к содержанию передаточного акта при аренде предприятия.

Составление и представление на подписание передаточного акта, являющееся одним из этапов подготовки предприятия к передаче, есть обязанность передающей стороны – продавца или арендодателя, производящих подготовку предприятия к передаче за свой счет, если стороны не определят иной порядок распределения затрат и расходов по передаче.

Передаточный акт нельзя рассматривать в качестве неотъемлемой части (дополнения, уточнения) договора; он имеет самостоятельное правовое значение, состоящее в следующем:

а) подписание сторонами передаточного акта (а при аренде – также и предоставление имущественного комплекса во владение или пользование) означает исполнение продавцом (арендодателем) обязанности по передаче предприятия покупателю (арендатору) (абз.2 п.1 ст.556, абз.2 п.2 ст.563 и абз.2 п.1 ст.655 ГК). Именно моментом подписания акта определяется момент перехода на покупателя риска случайной гибели или случайного повреждения имущества, относящегося к предприятию (п.2 ст.563 ГК); однако его собственником по-прежнему остается продавец (п.1 ст.564 ГК). Правило о рисках применяется и в отношении арендатора, но только в случае, если это прямо предусмотрено законом или договором (ст.211 ГК).

Придание законодателем передаточному акту значения документа, подтверждающего передачу предприятия, вполне объяснимо. Предприятие – сложнейший по своему составу комплекс; вручение, тем более одновременное, всех его элементов чрезвычайно затруднено, а иногда – и просто невозможно. Но нельзя игнорировать и требования ст.224 ГК, давшей исчерпывающий перечень вариантов передачи вещи, в числе которых подписание передаточного акта не значится. Поэтому применительно к вещам, входящим в состав предприятия, следует согласиться с мнением И.В. Елисеева, что предприятие считается переданным с момента подписания передаточного акта при условии, что обеспечена фактическая возможность беспрепятственно принять предприятие в натуре[41];

б) уклонение от подписания передаточного акта на условиях, предусмотренных договором, приравнивается к отказу стороны от исполне-

[41] Гражданское право: Учебник. Часть II / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1997. С.108.

ния возложенных на нее обязанностей (абз.3 п.1 ст.556, абз.3 п.1 ст.655 ГК). При этом возникает вопрос о правовых последствиях такого уклонения, ведь, согласно п.3 ст.450 ГК, в специально предусмотренных законом случаях односторонний отказ от исполнения договора влечет его расторжение. Следует ли из этого то, что при неподписании передаточного акта договор продажи или аренды предприятия расторгается? Представляется, что нет. Во-первых, уклонение от подписания акта (а следовательно – и отказ от исполнения договора) *не допускаются* перечисленными статьями, тогда как в п.3 ст.450 ГК прямо говорится о случаях одностороннего отказа, допускаемых законом. Кроме того, это не соответствовало бы и действительному смыслу приведенной нормы, рассчитанной на ситуации противоправного уклонения от подписания передаточного акта, а также противоречило бы требованиям разумности и справедливости. Поэтому при уклонении от подписания передаточного акта следует применять законодательные установления о последствиях неисполнения или ненадлежащего исполнения стороной своих обязательств, специально предусмотренных ст.ст.398, 463 и п.3 ст.611 ГК.

Поскольку аренда не предполагает перехода права собственности, и имманентной обязанностью арендатора является совершение действий по возврату арендованного имущества (исключение – аренда с правом выкупа), данная обязанность должна быть выполнена по тем же правилам о передаче предприятия; естественно, что подготовка предприятия к передаче арендодателю возлагается уже на арендатора и осуществляется по общему правилу за его счет (ст.664 ГК).

С проблемой передачи предприятия тесно связан вопрос о «судьбе» долгов, относящихся к предприятию, при продаже имущественного комплекса. Дело в том, что п.3 ст.565 ГК устанавливает правило, согласно которому покупатель в случае передачи ему в составе предприятия долгов (обязательств) продавца, не указанных в договоре продажи предприятия или передаточном акте, вправе требовать уменьшения покупной цены; продавец же может «блокировать» данное требование, если докажет, что покупатель знал о таких долгах (обязательствах) во время заключения договора и передачи предприятия. Это фактически означает возможность перехода на покупателя без его согласия долгов продавца, который, однако, в соответствии с п.4 ст.562 ГК будет нести солидарную с покупателем ответственность по таким долгам[42] (если кредитор не даст своего согласия на перевод долга).

[42] Указание на солидарную ответственность объясняется тем, что, поскольку в передаточном акте должны содержаться данные об уведомлении кредиторов (п.1 ст.563 ГК), из незнания покупателя о долгах автоматически следует, что кредиторы не были уведомлены о продаже предприятия. В этом случае, как известно, действует правило о солидарной ответственности продавца с покупателем.

Приведенные правила о переводе долгов подверглись серьезной критике в юридической литературе[43], основные моменты которой состоят в том, что:

- долги, не указанные в передаточном акте, не могут перейти к покупателю. Это следует из ст.563 ГК, в соответствии с которой передача предприятия осуществляется по передаточному акту, в котором должны содержаться данные о составе предприятия и об уведомлении кредиторов о его продаже. При этом предприятие считается переданным с момента подписания передаточного акта, а следовательно, долги, не зафиксированные в передаточным акте, не могут рассматриваться в качестве переведенных на покупателя. В пункте же 3 ст.565 ГК говорится именно о *передаче в составе предприятия долгов,* которые не были указаны в передаточном акте;

- долги в принципе не могут быть переведены на покупателя без его на то согласия (т.е. тогда, когда они не указаны в договоре или согласованных сторонами приложениях к нему);

- «определение предмета договора ...обусловливает преемство во всех правах и обязанностях юридического лица, ***выявленных*** на момент совершения сделки и ***включенных*** в состав имущественного комплекса. ... Это ...свидетельствует о происходящем преемстве лишь в ***части возможных*** прав и обязанностей юридического лица»[44], т.е. при продаже предприятия имеет место лишь частичное преемство, что обусловлено возмездным характером договора продажи, предполагающим сохранение имущественной основы деятельности продавца.

Действительно, определенная почва для сомнений в органичности включения нормы п.3 ст.565 ГК в §8 гл.30 ГК существует. Вместе с тем, некоторые логические противоречия законодательных формулировок, по нашему мнению, не исключают возможность и необходимость применения п.3 ст.565 ГК. Реализация анализируемой нормы имеет как теоретическое обоснование, так и практическую целесообразность. Представляется, что затронутая проблема, в первую очередь, порождена отсутствием у законодателя и ученых-цивилистов устоявшегося и непротиворечивого доктринального понимания купли-продажи предприятия как сделки, влекущей правопреемство (сукцессию). Правопреемство в широком смысле представляет собой переход субъективных прав и обязанностей от одного лица (праводателя) к другому (правопреемнику) в порядке производного приобретения прав и обя-

[43] См., например: Гражданское право: Учебник. Часть II / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1997. С.111; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Отв. ред. О.Н.Садиков. М., 1997. С.142; Пятков Д. Государственное предприятие... С.82-86.

[44] Пятков Д. Государственное предприятие... С.82-83.

занностей[45]; основания правопреемства могут быть различными – сделки, административные и юрисдикционные акты, события, а также сочетания этих юридических фактов. Б.Б.Черепахин, детально и комплексно исследовавший проблемы правопреемства, выделял два его вида в зависимости от того, происходит ли переход всех прав и обязанностей правоводателя, когда имеет место универсальное правопреемство, или же только отдельных, когда речь идет о сингулярном правопреемстве. Исследуя вопросы передачи государственных предприятий между государственными органами, он усматривал в такой передаче разновидность универсального правопреемства[46]. Вместе с тем, отечественная дореволюционная цивилистика не ограничивалась только двумя указанными видами правопреемства: так, В.М.Нечаев говорил не только об универсальной и сингулярной (единичной) сукцессии, но и выделял так называемое специальное правопреемство, под которым понимал «уступку совокупности прав, связанных с одним объектом или основанием (недвижимости с лежащими на ней обременениями, торгового предприятия со всем имуществом)»[47].

Думается, что и в настоящее время **необходимо говорить о продаже предприятия как сделке, влекущей специальное правопреемство.** Это вытекает из буквального толкования п.1 ст.559 ГК, установившего, как отмечалось, правило, в соответствии с которым к покупателю переходят все относящиеся к предприятию элементы, за исключением прав и обязанностей, которые продавец не вправе передавать; иное должно быть прямо предусмотрено законом или другими правовыми актами (п.2 ст.132, п.3 ст.559 ГК) либо соглашением сторон (п.2 ст.132, п.2 ст.561 ГК). Из этого, в свою очередь, следует и очень важный принцип, косвенно заложенный в п.3 ст.565 ГК, который, по нашему мнению, должен лежать в основе купли-продажи предприятия: **долги, относящиеся к предприятию, следуют за ним, если иное не установлено законом или договором.** Считаем, что именно при таком решении вопроса о переходе обязанностей продавца к покупателю предприятия можно всерьез говорить о реальной защите интересов кредиторов продавца, как правило, лишающегося материальной базы несения ответственности (полученные же по договору деньги, как известно, легко использовать на цели, далекие от удовлетворения требований кредиторов).

Представляется, что нет здесь и глубокого противоречия с указаниями закона на то, что конкретное описание состава предприятия должно

---

[45] См.: Черепахин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 1962. С.6.

[46] Там же. С.22.

[47] Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона 1890 г. Ярославль, 1992. Т.49. С.47.

содержаться в акте инвентаризации и иных прилагаемых к договору документах (ст.561 ГК), а также передаточном акте (п.1 ст.563 ГК), поскольку, во-первых, положения п.1 ст.563 ГК нельзя трактовать как некий «абсолют» (например, в передаточном акте необходимо указывать, в том числе, данные об уведомлении кредиторов, но уведомление вообще может не состояться, на случай чего действуют специальные правила ст.562 ГК о защите прав кредиторов), а во-вторых, законодательству известно немало примеров, когда на приобретателя по договору переходят определенные обязательства независимо от того, знал ли он о них или нет (например, договоры аренды и найма жилого помещения сохраняются без изменения при переходе права собственности на объекты, являющиеся предметом этих договоров, – ст.ст.617 и 675 ГК; при отчуждении недвижимого имущества плательщиком ренты его обязательства автоматически переходят на приобретателя имущества – ст.586 ГК).

Арбитражно-судебная практика также пошла по пути буквального следования норме закона (п.3 ст.565 ГК), не ставя пределы правопреемства по обязательствам в зависимость от субъективных моментов (знание или незнание покупателя о долгах). В настоящее время имеется относительно сформировавшаяся позиция судов о переходе долгов на покупателя предприятия, приобретаемого в процессе приватизации. Так, ТОО предъявило иск к комитету по управлению имуществом о внесении изменений в договор купли-продажи предприятия в части ограничения правопреемства. Обосновывая свои требования, истец указал, что комитет объявил в опубликованных условиях конкурса о задолженности магазина в размере 10 млн. рублей; впоследствии же выяснилось, что реальная кредиторская задолженность составляет 40 млн. рублей. Все судебные инстанции не нашли оснований для удовлетворения иска. ВАС РФ подтвердил законность решений, отметив, что внесение в договор условия, которое бы ограничивало правопреемство покупателя, противоречит п.1 ст.559 и п.2 ст.132 ГК; в то же время покупатель в силу п.3 ст.565 ГК вправе требовать уменьшения покупной цены[48].

Аналогично был решен вопрос и в ставшем уже хрестоматийным судебном споре между ИЧП «ТРЭВИТ» и Комитетом по управлению имуществом г. Барнаула о внесении изменений в договор продажи предприятия в части ограничения правопреемства условиями конкурса. Исковые требования были мотивированы тем, что Комитет объявил в условиях конкурса о кредиторской задолженности магазина №34 «Овощи» в размере 4593 тыс. рублей. Однако после оформления договора, как и предыдущем случае, выяснилось, что фактически кредиторская задолженность составляет значительно большую сумму – 33447 тыс. руб-

[48] См.: Вестник ВАС РФ. 1998. № 1. С.83.

лей. Все судебные инстанции не нашли оснований для удовлетворения иска. При этом Президиум ВАС РФ, помимо ссылки на п.2 ст.28 Закона РФ «О приватизации государственных и муниципальных предприятий», специально обратил внимание лишь на возможность уменьшения покупной цены[49].

Другой пример. В арбитражный суд обратился банк с иском к ТОО о возврате суммы кредита и уплате процентов за пользование кредитом. Из представленных документов следовало, что кредит выдавался государственному предприятию, имущественный комплекс которого был продан на аукционе товариществу. Суд удовлетворил требование истца, в частности, обратив внимание на следующие обстоятельства: п.2 ст.28 действовавшего на тот момент Закона РФ «О приватизации государственных и муниципальных предприятий» предусматривал правопреемство покупателя по долгам приватизируемого предприятия в соответствии с законодательством и условиями договора купли-продажи; при определении начальной цены предприятия были учтены обязательства, вытекающие из кредитного договора; в соответствии же со ст.561 ГК имущество, права и обязанности, указанные в балансе, по общему правилу подлежат передаче (п.2 приложения к информационному письму Президиума ВАС РФ от 11 июня 1997 г. №15 «Обзор практики разрешения споров, связанных с приватизацией государственных и муниципальных предприятий»[50]).

Нельзя не остановиться еще на одном аспекте перехода обязанностей, относящихся к предприятию, при его продаже. Перевод «скрытых» долгов затрагивает не только интересы кредиторов продавца, но и интересы покупателя. И если закон в достаточной мере охраняет права кредиторов (обязанными перед ними становятся и покупатель согласно п.3 ст.563 ГК, и продавец – п.4 ст.562 ГК), то говорить о соблюдении интересов добросовестного покупателя не приходится: он лишь вправе требовать уменьшения покупной цены (п.3 ст.565 ГК). Но сумма долгов может быть настолько значительной, что для покупателя заключение договора теряет всякий смысл. Поэтому в целях установления сбалансированности интересов всех лиц – участников отношений, возникающих при продаже предприятия, считаем необходимым внести дополнение в п.3 ст.565 ГК: после слов «покупатель вправе требовать уменьшения покупной цены» добавить текст «либо расторжения договора».

Кстати сказать, предложенное решение вопроса находило поддержку и в арбитражно-судебной практике. Так, АОЗТ по итогам конкурса заключило с фондом имущества договор купли-продажи муниципального

[49] См.: Вестник ВАС РФ. 1997. № 7. С.37.
[50] См.: Вестник ВАС РФ. 1997. № 8. С.63-64.

автотранспортного предприятия. В извещении о проведении конкурса говорилось о долгах в размере около 42 млн. рублей. Впоследствии к АОЗТ коммерческим банком был предъявлен иск о взыскании 40 млн. рублей – суммы кредита и 32 млн. рублей – начисленных процентов. Несмотря на подтверждение фондом имуществом того факта, что долг на балансе не числился, арбитражный суд вынес решение об удовлетворении требования банка, не исключив, однако, возможность для покупателя предприятия потребовать расторжения договора с фондом имущества[51].

3.4. ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ К СДЕЛКАМ С ПРЕДПРИЯТИЯМИ ПРАВИЛ О ПОСЛЕДСТВИЯХ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК И ОБ ИЗМЕНЕНИИ (РАСТОРЖЕНИИ) ДОГОВОРА

Применение к договорам продажи и аренды предприятия законодательных правил о последствиях недействительности сделок и об изменении или расторжении договора отличается большим своеобразием, порожденным объективной возможностью серьезного ущемления прав различных субъектов в связи с нестабильностью и неопределенностью правового режима предприятия, и не имеет аналогов в гражданском законодательстве. Необходимо, правда, подчеркнуть, что речь идет только о тех правилах, которые предусматривают возврат или взыскание в натуре полученного по договору с одной или с обеих сторон; на иные случаи (например, на возмещение потерпевшему реального ущерба при заключении кабальной сделки – п.2 ст.179 ГК) действие специальных норм ст.ст.566, 663 ГК не распространяется. Возврат в натуре полученного по недействительной сделке является общим принципом (п.2 ст.167 ГК); взыскание в натуре в доход Российской Федерации может иметь место при применении последствий недействительности сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности (ст.169), а также сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или стечения тяжелых обстоятельств (п.2 ст.179 ГК). При изменении или расторжении договора действует иной принцип: стороны, согласно п.4 ст.453 ГК, не вправе требовать возвращения того, что ими было исполнено по обязательству (за исключением неос-

[51] Дело приводится по: Масевич М.Г., Чеучева С.М. Указ. соч. С.36-37.

новательного обогащения[52]), однако иное может быть предусмотрено законом (например, п.2 ст.489, ст.491, п.5 ст.565 ГК) либо соглашением сторон.

Итак, ст.ст.566 и 663 ГК исключают применение правил ГК о последствиях недействительности сделок и об изменении или расторжении договора, которые предусматривают возврат или взыскание в натуре полученного по договору с одной или с обеих сторон, при установлении любого из следующих обстоятельств:

а) применение рассматриваемых правил приведет к существенному нарушению прав и охраняемых законом интересов кредиторов сторон договора продажи или аренды предприятия, а также других лиц (потребителей, работников и т.д.);

б) применение правил противоречит общественным интересам, содержание которых «...определяется в конечном счете объективными условиями существования, развития и потребностями не отдельных представителей общества, а в целом всей общности людей»[53].

Например, взыскание предприятия в натуре в доход Российской Федерации (ст.ст.169, 179 ГК) не только может быть нецелесообразным (ведь это приведет и к необходимости для государства обеспечить нормальное функционирование предприятия, что требует финансовых вложений), но и повлечь значительные негативные последствия для разных лиц (снижение уровня зарплаты работников, отсутствие у государства средств для погашения долгов, относящихся к нерентабельным предприятиям и т.п.). Поэтому суд, установив, что возврат или взыскание в натуре предприятия противоречит общественным интересам или нарушает права конкретных лиц, должен отказать в применении рассматриваемых последствий недействительности сделки (либо правил об изменении или расторжении договора). Таким образом, в анализируемых статьях законодатель предлагает определенную систему субординации интересов, их ранжирования; причем *предпочтение отдается общественным интересам, а также интересам кредиторов и иных лиц перед интересами сторон договора*.

Заметим, что здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда законодатель посредством включения в текст правовой нормы оценочных понятий («существенное нарушение прав», «общественные интересы») «...выражает волю раздвинуть рамки свободного усмотрения тех, кто

---

[52] См.: п.1 приложения к информационному письму Президиума ВАС РФ от 11 января 2000 г. №49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении» // Вестник ВАС РФ. 2000. №3. С.14-15.

[53] Свердлык Г.А. Гражданско-правовые способы сочетания общественных, коллективных и личных интересов. Свердловск, 1980. С.16.

применяет норму»[54], тем самым в какой-то мере достигается гибкость правового регулирования. Конечно, «законодатель должен стремиться к тому, чтобы в действующем праве содержалось как можно меньше оценочных терминов... Но каким бы совершенным ни было право, оно не может полностью исключить оценочные понятия из своего содержания... Но применение этих понятий ведет к различного рода трудностям, а иногда и к судебным ошибкам»[55], вследствие чего возникает потребность в унификации подхода к определению содержания оценочных категорий. В нашем случае выработка единого подхода тем более важна, что, исходя из формулировок ст.ст.566, 663 ГК, можно сделать вывод о том, что суд, прежде чем применять соответствующие правила о последствиях недействительности сделок или об изменении (расторжении) договора, *обязан* удостовериться в том, что применение этих правил не повлечет наступление рассмотренных выше обстоятельств. Поставленную задачу должны решить высшие судебные инстанции России, дав соответствующие разъяснения. Думается, что в качестве ориентира определения существенности нарушения прав и законных интересов следует взять формулу, изложенную в п.2 ст.450 ГК: нарушение прав и интересов субъекта существенно, когда он в значительной степени лишается возможности реализовать принадлежащее ему право или защитить свой законный интерес.

Анализ исследуемых ст.ст.566, 663 ГК приводит к выводу, что данные статьи фактически допускают возможность легализации недействительных сделок при определенных условиях. Похожие случаи «восстановления» юридической силы недействительной сделки можно встретить и в иных статьях ГК: в частности, если одна из сторон полностью или частично исполнила сделку, требующую нотариального удостоверения, а другая сторона уклоняется от такого удостоверения, суд вправе признать сделку действительной (п.2 ст.165 ГК); другой пример – признание судом действительности сделки, совершенной гражданином, признанным недееспособным вследствие психического расстройства, но к выгоде этого гражданина (п.2 ст.171 ГК). Правда, стоит отметить, что в отличие от приведенных примеров, в ст.ст.566, 663 ГК ничего не говорится о признании судом сделки действительной. Однако *неприменение наиболее серьезных последствий недействительности* – возврата или взыскания в натуре полученного по договору – фактически *означает сохранение договором юридической силы* и продолжение его действия в отношениях между сторонами.

---

[54] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С.112.

[55] Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С.126. Об оценочных понятиях в праве также см.: Власенко Н.А. Указ. соч. С.162-166.

Жесткие требования к исполнению договора со стороны покупателя под страхом его расторжения устанавливаются законодательством применительно к случаям продажи предприятия – государственного или муниципального имущества. Продажа такого имущественного комплекса, как указывалось, может иметь место исключительно на коммерческом конкурсе с инвестиционными и (или) социальными условиями. В случае невыполнения (ненадлежащего выполнения) конкурсных условий, в том числе нарушения промежуточных или окончательных сроков либо объемов их выполнения, предприятие подлежит безвозмездному отчуждению, соответственно, в пользу государства или муниципального образования, а сделка – расторжению в судебном порядке (п.7 ст.21 ФЗ «О приватизации...»).

Определение расторжения договора в качестве правового последствия невыполнения конкурсных условий с точки зрения теории договорного права является совершенно правильным: новый закон о приватизации, полностью согласующийся в рассматриваемом аспекте с ГК (п.2 ст.450), устранил логическое противоречие прежнего, предусматривавшего недействительность договора продажи приватизируемого предприятия при невыполнении условий конкурса (ст.30 Закона РФ «О приватизации государственных и муниципальных предприятий»), а не возможность предъявления иска о расторжении договора. Аналогично ранее решался вопрос и в случае отказа от оплаты объекта приватизации. С учетом этого формировалась и судебная практика.

Теоретическая несостоятельность подобного подхода очевидна: *невыполнение договорных условий есть вопрос исполнения сделки, а не вопрос ее юридической силы*; неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств может являться предметом разбирательства, только если сделка действительна. Поэтому следует приветствовать разъяснение высших судебных инстанций, указавших, что поскольку нарушение условий сделки может иметь место при ее совершении, оно должно признаваться основанием для расторжения договора, а не признания его недействительным (п.59 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 1 июля 1996 г. №6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой ГК РФ»). Таким образом, после введения в действие части первой ГК положение ст.30 Закона РФ «О приватизации государственных и муниципальных предприятий» о признании договора недействительным в случае нарушения покупателем своих обязательств не должно было применяться. Вместе с тем, иногда и после 1 января 1995 г. суды часто следовали букве Закона РФ «О приватизации государственных и муниципальных предприятий» без учета норм ГК и разъяснения Пленумов. Так, в арбитражный суд Самарской области обратился городской Фонд имущества с иском к ООО «Фото-Сервис» о при-

знании недействительным договора купли-продажи муниципального предприятия – салона «Фото-Сервис». Истец обосновывал свои требования уклонением ответчика от исполнения обязательства по оплате предприятия. Руководствуясь ст.30 Закона РФ «О приватизации государственных и муниципальных предприятий», суд удовлетворил иск[56]. Однако в другом случае Арбитражный суд Самарской области правомерно занял иную позицию, расторгнув договор купли-продажи муниципального имущества – кафе «Прохлада» в связи с нарушением покупателем условия договора о сохранении профиля предприятия в течение пяти лет[57].

3.5. ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СДЕЛОК С ЧАСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ

В предыдущих параграфах была представлена основная специфика сделок с предприятиями *в целом* как имущественными комплексами. Однако на практике весьма вероятны ситуации, когда предметом сделок выступает не все предприятие, а его часть. Правомерно ли в этих случаях применять нормы о сделках с предприятиями, ведь буквально ГК гласит, что особые правила о продаже, аренде и залоге действуют лишь в отношении предприятия в целом (п.2 ст.340, п.1 ст.559, п.1 ст.656)?

Прежде всего, следует отметить, что, согласно п.2 ст.132 ГК, объектом купли-продажи, залога, аренды и других сделок может быть не только предприятие в целом, но и его часть. Подобные нормы можно встретить и в законодательстве зарубежных стран. Например, ст.4(f) Закона Англии о компаниях 1985 г. предусматривает, что компания вправе осуществить продажу или отчуждение предприятия компании в целом или любой его части[58]; Коммерческий кодекс Чешской Республики вообще прямо закрепляет, что правила о продаже предприятия справедливы также для договоров, касающихся части предприятия, которая составляет самостоятельную организационную часть (§487)[59].

Представляется, что ключом к решению анализируемой проблемы является учет причин дополнительной регламентации сложнейших от-

---

[56] Решение от 19 июня 1997 г. по делу № А55-126/97-11 // Архив арбитражного суда Самарской области.

[57] Решение от 29 июля 1997 г. по делу № А55-90/97-13 // Архив арбитражного суда Самарской области.

[58] См.: Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: Сборник нормативных актов: законодательство о компаниях, монополиях и конкуренции. С.104.

[59] Три кита чешского права: Сборник кодексов. С.58.

ношений, возникающих из сделок по распоряжению предприятиями. Необходимость такой регламентации вызвана своеобразием предприятия в системе объектов гражданских прав и социальной значимостью предприятия как эксплуатируемого имущественного комплекса. Совершение сделок с предприятиями неизменно порождает на практике вопросы, касающиеся защиты прав кредиторов, «судьбы» трудового коллектива и т.п. Естественно, данные вопросы возникают и при продаже (аренде и т.д.) части предприятия – цеха, крупного производства, иного структурного подразделения. Таким образом, *существует объективная потребность в распространении специальных правил об обязательствах по поводу предприятий в целом, на обязательства по поводу части предприятия.* Не влияет на данный вывод и встречающееся в литературе утверждение, что «при продаже имущества предприятия по частям очень велика угроза использования договора продажи для увода активов в различных неблаговидных целях»[60], поскольку действующее законодательство по общему правилу не запрещает (и, очевидно, не должно запрещать) отчуждение отдельных элементов предприятия. В целях же избежания «увода активов» закон должен устанавливать специальные механизмы (например, механизм уведомления кредиторов, о котором мы говорили ранее).

Поэтому не случайно ряд авторов (Ю.Г.Жариков, М.Г.Масевич, С.М.Чеучева) справедливо утверждают, что при продаже части предприятия, являющейся обособленным имущественным комплексом, должны применяться нормы о продаже предприятия (§8 гл.30 ГК)[61]. Вместе с тем, представляется, что квалификации части предприятия в качестве обособленного имущественного комплекса недостаточно для того, чтобы имелись основания (и смысл) в распространении правового регулирования сделок с предприятиями на сделки с их частями. Так, совокупность стеллажей, витрин и т.п., образующих торговый павильон, есть обособленный имущественный комплекс. Но стоит ли рассматривать продажу этого павильона в качестве продажи части предприятия по специальным правилам о продаже предприятия? Явно, что нет. Это требует ответа на вопрос, что есть часть предприятия, ведь под определение «часть предприятия» с обыденных позиций можно подвести практически что угодно (любой инструмент, здание, станок, их совокупность, исключительное право, взятое в отдельности и т.д.).

Думается, близко подошел к решению затронутой проблемы И.В.Елисеев. «Предметом договора может быть не только предприятие

---

[60] Ем В.С. Указ. соч. С.12.

[61] См.: Масевич М.Г., Чеучева С.М. Указ. соч. С.33; Жариков Ю.Г., Масевич М.Г. Указ. соч. С.205.

в полном составе ..., но и часть этого предприятия», – пишет он. «В то же время продажа отдельных элементов, входящих в состав предприятия (здания, станок, имущественное право и т.д.), осуществляется на основе общих норм о купле-продаже, поставке или продаже недвижимости. Как же разграничить предметы этих договоров? Ответ следует искать в самом понятии предприятия. Если отчуждаемый имущественный комплекс пригоден для ведения предпринимательской деятельности, т.е. образует технологически единое целое, замкнутый производственный цикл, его следует считать предприятием, а продажу регулировать нормами §8 главы 30 ГК. Все другие сочетания (комплекты) вещей, не обладающие этими свойствами, предмета указанного договора не образуют»[62].

Действительно, решение рассматриваемой проблемы должно базироваться на понимании предприятия как специфичном объекте гражданских прав. Однако мы уже неоднократно говорили, что предприятие нельзя приравнивать к вещам; комплект вещей, образующий технологически единое целое, – это еще не предприятие. Предприятием является находящийся в эксплуатации имущественный комплекс, включающий в себя различные по своей сущности объекты. Данными признаками предприятия должна обладать и его часть, чтобы можно было с уверенностью сказать о правомерности применения специальных правил о сделках с предприятиями в целом, поскольку «понятие части соотносимо только с понятием целого (целостности) и означает фрагмент целостности, необходимо заключающий в себе ее специфичность»[63].

Поэтому представляется, что исходя из целевой направленности нормативного регулирования сделок с предприятиями, а также специфических признаков предприятия, подробно рассмотренных нами в предыдущей главе, **правила о сделках с предприятиями должны распространяться на сделки с частью предприятия**, если:

а) вещественная составляющая данной части предприятия образует единый производственно-технический (технологический) комплекс, используемый по общему назначению;

б) часть предприятия как имущественный комплекс в обязательном порядке включает в себя не только вещи, но и иные объекты – права и обязанности;

в) часть предприятия является самодостаточной базой для относительно долговременного использования для ведения предпринимательской деятельности.

---

[62] Гражданское право: Учебник. Часть II / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1997. С.106.

[63] Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник для вузов. М., 1996. С.377.

В действующее законодательство в связи с выдвинутыми положениями следует внести соответствующие изменения и дополнения:

1) дополнить ст.559 ГК пунктом четвертым следующего содержания: «4. Правила о договоре продажи предприятия применяются к продаже части предприятия, которая обладает признаками предприятия, если иное не вытекает из существа предмета договора»;

2) дополнить ст.656 ГК пунктом третьим: «3. Правила о договоре аренды предприятия применяются к аренде части предприятия, которая обладает признаками предприятия, если иное не вытекает из существа предмета договора»;

3) п.1 ст.1013 ГК изложить в новой редакции: «1. Объектом доверительного управления могут быть предприятия (части предприятия) и другие имущественные комплексы, недвижимое имущество, ценные бумаги, права, удостоверенные бездокументарными ценными бумагами, другое имущество, а также исключительные права»;

4) абз.1 ст.69 ФЗ «Об ипотеке» изложить в следующей редакции: «При ипотеке предприятия как имущественного комплекса или его части (далее – предприятие) право залога распространяется на все входящее в состав предприятия имущество».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Глава 1. Предприятие как экономическое и правовое явление 5
1.1. Многозначность термина «предприятие»: экономический и юридический аспекты 5
1.1.1. Предприятие как экономическая категория 7
1.1.2. Использование термина «предприятие» в отечественном и зарубежном законодательстве 11
1.2. Проблема признания предприятия объектом гражданских прав 21
1.2.1. Объекты гражданских прав: теория вопроса 21
1.2.2. Проблема правосубъектности предприятия в юридической литературе 49
Глава 2. Понятие и сущность предприятия как объекта гражданских прав 75
2.1. Предприятие как объект гражданских прав: основные подходы к определению 75
2.2. Понятие предприятия как объекта гражданских прав 87
2.2.1. Предприятие как сложный имущественный комплекс . . . 91
2.2.2. Предприятие как единый имущественный комплекс 106
2.2.3. Предприятие как эксплуатируемый имущественный комплекс 118
2.2.4. Предприятие как имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности . . 121
2.2.5. Проблема признания предприятия недвижимостью 127
Глава 3. Специфика правового регулирования сделок с предприятиями как имущественными комплексами 137
3.1. Проблемы формы и государственной регистрации сделок с предприятиями 141
3.2. Проблема защиты прав кредиторов при совершении сделок с предприятиями 149
3.3. Специфика передачи предприятия как имущественного комплекса 158
3.4. Особенности применения к сделкам с предприятиями правил о последствиях недействительности сделок и об изменении (расторжении) договора 165
3.5. Проблема правового регулирования сделок с частью предприятия 169

Научное издание

Поваров Юрий Сергеевич

ПРЕДПРИЯТИЕ
КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Редактор *Е.А.Краснова*
Художественный редактор *Л.В.Крылова*
Компьютерная верстка, макет *Е.А.Будячевская*

Лицензия ИД № 06178 от 01.11.01.. Подписано в печать. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд.л. 11,0; усл.-печ. л. 10,23.
Гарнитура «Times New Roman». Тираж 150 экз. Заказ №. 126.
Издательство «Самарский университет»,443011, г.Самара, ул.Акал.Павлова, 1
Отпечатано: ООО «Издательский центр «Книга»
г. Самара, ул. Ново-Садовая, 106. Тел. 35-35-26.